

Борис Кокушкин

РАБЬНЯ ЖАЛУША И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Борис Кокушкин

**Рабыня Малуша
и другие истории**

«Издание книг ком»

2017

УДК 82-311.6
ББК 84-44

Кокушкин Б.

Рабыня Малуша и другие истории / Б. Кокушкин —
«Издание книг ком», 2017

ISBN 978-5-91775-363-8

Со времен древних славян и до современных русичей нас одолевают одни и те же заботы – любовь и разочарование, безмерная радость и жизненные трагедии, надежды и крушение этих надежд, безмерное счастье по поводу рождения ребенка и скорбь по невинно убиенным. Прошли те времена, когда нами правили безнравственные и жестокие правители, когда рабы были бессловесным товаром, а крепостные девушки рассматривались хозяевами исключительно как самки для их плотского удовлетворения. Многие остались в прошлом, но сущность русского человека в целом осталась неизменной. Невольно возникает вопрос – бывает ли выбор жизненного пути у человека? И оказывается, что далеко не всегда, – чаще всего он вынужден приспосабливаться к сложившейся вокруг него жизненной ситуации.

УДК 82-311.6
ББК 84-44

ISBN 978-5-91775-363-8

© Кокушкин Б., 2017
© Издание книг ком, 2017

Содержание

Рабыня Малуша, ключница княгини Ольги, мать Великого князя Владимира Красное Солнышко	5
На острове Святой Елены	49
Прощай, немытая Россия!	54
Несостоявшаяся царица или несчастная любовь царя	69
Вымученный рассказ	96
Беглец с этапа	107
Последний федави	119
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Борис Кокушкин Рабыня Малуша и другие истории

Рабыня Малуша, ключница княгини Ольги, мать Великого князя Владимира Красное Солнышко

Кони били копытами землю. В лесах и кустах по обочинам дороги кричали ночные птицы, где-то на Подоле, а потом на Горе пропели петухи, а издалека, из Заднепровья, несся многоголосый перепелиный крик.

И никто не замечал, да и никому не было дела до того, что за саями с телом князя Владимира поспешала какая-то старая женщина в темном платке.

В эту ночь Малуша не спала. В монастыре давно уже знали, что недалеко от них, в своем тереме, тяжело хворает князь Владимир; епископ Анастас, побывавший у него накануне, дал наказ священникам и братии служить молебен о здравии вельми больного князя Владимира, и они молились в церкви до позднего вечера.

Малуша поняла, что происходит: князь Владимир, ее сын, умирает, возле него нет ни жены, ни сыновей, ни одной родной души, все такие далекие, чужие...

С. Склярченко. «Владимир»

Старейшина рода Вирт умирал. Еще утром он почувствовал слабость в груди, но не придавал этому значения и вышел во двор подправить и заточить рало для осенней пахоты. Но вдруг сердце кольнуло с такой силой, что он потерял сознание и упал на траву.

Здесь его, беспомощного, и увидел возвращающийся с охоты сын Корж, на руках отнес тощее тело старика в избу и положил на отцову лежанку, на которой была постелена слежалая солома.

Старик лежал молча и только тяжело дышал приоткрытым ртом, чернеющим в седых зарослях бороды и усов. Но глаза его были открыты, и он медленно поворачивал зрачки глаз, оглядывал бревенчатые стены родного до боли жилища, где ему была знакома каждая трещина в дереве, каждый сучок, – еще бы, он вместе с отцом Антом и братьями, тогда еще недорослями, рубил сруб и ставил эту просторную избу. Тогда еще Ант был в силе и полагал, что места должно хватить всему роду.

Да только после его смерти все повернулось иначе. Подросшие Остер и Кожема женились и пожелали жить отдельно от старшего брата, предварительно разделив имущество и земельный клин. Споров при дележе не возникло, – братья были приучены отцом к взаимовыручке и поддержке друг друга, что и свято соблюдали всю пока еще недолгую жизнь.

Возле лежанки умирающего старика сидел Корж и с жалостью смотрел на отца. Но вот Вирт обратил взгляд на сына, словно о чем-то вопрошая его. Тот понял его и, положив руку на слабую, безвольно распластанную кисть старика, тихо проговорил:

– Вита с Малушей пошли за братьями.

Веки лежащего ненадолго прикрылись, словно бы давая знать, что именно это он и хотел узнать от сына. Корж молча смотрел в лицо отца и свободной рукой отгонял жирную назойливую муху, упорно стремящуюся сесть на голову умирающего.

Наконец за дверью раздались голоса, и в избу вошли Остер с женой Праскевой, Кожема с беременной Радой, следом за которыми следовали понурые Вита и Малуша.

– Как он? – спросил Остер.

– Кажется, отходит, – тихо ответил ему Корж.

Все расселись вокруг лежанки старейшины, и Корж рассказал им, как все случилось.

– Может, ведуна позвать? – предложил было Остер, но Корж только махнул рукой.

Вита, обратив внимание на угасающий очаг, велела Малуше подбросить хвороста, что та быстро и сделала. Разгоревшийся огонь бросал блики на стенам избы, от которых лицо Вирта казалось розовым, словно бы оживавшим.

Через какое-то время Вита встала и неспешно, стараясь не шуметь, начала накрывать стол для вечерней трапезы. Праскева и Рада присоединились к ней, доставая из узелков принесенную с собой еду.

После того как все расселись за столом, Корж, на правах старшего, отломил от лепешки кусок и бросил его в огонь. Затем почерпнул ложку похлебки и тоже плеснул в очаг. Пламя зашипело, но почти тут же воспряло. Это означало, что души умерших предков рода, живущие под очагом, приняли дар. Стало быть, можно было начинать трапезничать.

Малуша, как и отец, также отломил небольшой кусок лепешки, вышла из-за стола и, сев на чурбак в изголовье умирающего дедушки, вложила ему хлеб в ладонь и согнула его пальцы. Рука старика слегка дрогнула, а из краешка глаза вытекла нежданная слеза, которую Малуша вытерла своей ладошкой.

Взрослые молча наблюдали за девочкой, а ее мать подошла к дочери, обняла и нежно погладила по русым волосам.

Утром, когда солнышко только начинало подниматься над Подолом, Корж вздохнул в последний раз, вздрогнул и застыл навсегда. Душа его устремилась к далеким предкам рода с тем, чтобы отныне навек пребывать вместе с ними.

Постояв недолгое время у лежанки покойника, сыновья молча ушли рыть могилу, – по обычаю рода умершего надо похоронить до захода солнца. Женщины начали собирать одежду покойного, которую ему следовало взять с собой в долгий безвозвратный путь.

Корсту¹ для собственных похорон Вирт, словно предчувствуя скорую кончину, изготовил еще прошлым летом и держал ее под навесом подле овина.

Возвратившиеся после полудня мужчины, не мешкая, взялись за приготовление к похоронам. Покойника переодели в свежую ноговицу², усадили в изголовье саней, положив его руки на колени. В ногах поместили корсту с покровиной³. Люди спешили: нужно было исполнить все полагающиеся церемонии засветло, чтобы душа Вирта не заплутала во тьме.

У дома Коржа собрался весь род. Женщины рыдали, поминая добродетели умершего. Процессия тронулась к родовому погосту, располагаемому на высоком яру над Днепром.

Впереди всех на правах нового старейшины шел Корж, высоко поднял черное знаменно. Позади него две лошади волокли сани с Виртом, за санями шествовали мужчины в белом облачении, непрерывно бившие мечами о щиты. А уже после них шли плачущие женщины в темном одеянии.

Возле могилы процессия остановилась. Под непрерывный плач женщин и грохот мечей в глубокую и просторную могилу мужчины опустили корсту с покойным, возле нее положили принадлежавшие бывшему старейшине щит, меч, копье, лук с тулом⁴. В ногах поставили две корчаги – одну с вином, другую – с медом, – они пригодятся Вирту в дальней дороге.

¹ Корста – долбленный гроб

² Ноговица – нижнее платье, штаны

³ Покровина – крышка гроба

⁴ Тул – колчан со стрелами

В то же самое время Вита, Праскева и Рада, оставшиеся дома, жарили на костре поросенка. Когда родичи вернулись с погоста, у них все было готово для поминальной трапезы.

Возвратившиеся с похорон люди омыли для очищения руки, после чего Корж начал тризну. Он бросил в огонь кусок мяса поросенка, плеснул вина. Увидев, что огонь принял жертву, он наполнил чарки вином и раздал их родичам.

Выпив хмельное и закусив оторванными кусками мяса, те поочередно заговорили, поминая добрыми словами ушедшего от них Вирта.

По окончании тризны Остер обратился к Коржу:

– Отныне на правах старшего быть тебе старейшиной рода. Правь нами так, как это делали ушедшие от нас отец Вирт, дед Ант и его отец Улеб.

Вирт молча приложил руки к груди и низко поклонился родичам...

На следующий день, едва рассвело, новый старейшина с женой отправились на капище, чтобы поклониться богам рода.

Придя на место, он помазал губы идола куском специально отложенного сала от поминального поросенка, полил землю перед ним вином и, низко поклонившись, произнес:

– Великий Перун! Прими от нас жертву в честь ушедшего от нас славного Вирта. Прими его душу и упокой ее. Помоги мне править родом так, как это делали достойные Улеб, Ант и Вирт...

Князьи терема располагались посередине Горы, вокруг которых были широко разбросаны подворья воевод, тысяцких и тиунов⁵, позади которых лепились неказистые хижинки и землянки гридней⁶, смердов⁷, ремесленного люда. От всех прочих, проживающих на Подоле, Гора была отделена стеной из заостренных бревен и рвом, через который был переброшен единственный деревянный же мост, поднимающийся на ночь и опускающийся с рассветом.

На площади перед княжьим теремом шло сражение – малолетние парни, среди которых были и еще совсем юные княжичи Всеслав и Святослав, познавали правила боя на мечях под приглядом бывалого воя Асмуса, дядьки Святослава.

На высокое крыльцо терема вышла женщина несколько выше среднего роста и некоторое время наблюдала за сражающимися, с удовлетворением отметив для себя смелость и отвагу, с которыми сражался ее сын, сын славного Игоря, его наследник. Она отдала какое-то распоряжение подошедшему к ней тиуну и, еще раз взглянув на сына, вернулась в терем.

В покоях терема было сумеречно, несмотря на яркое солнце за окном. На пристенных лавках сидели княгини Прекраса и Милана – вдовы, как и она, первая и вторая жены покойного князя Игоря.

Увидев вошедшую, женщины замолчали, уткнувшись в вязание, которое они начали незаметно когда и конца которому не предвиделось в ближайшем времени.

– Занялись бы делом, вороны. Вон как вас разнесло от безделицы, словно квашни переспелые, – упрекнула их Ольга. – Как только самим не противно заниматься пустословием!

– А ты не командуй! – взвилась была Прекраса, но в этот момент в горницу ввалился дядька Асмус, ведущий за руку упирающегося Святослава. Лицо мальчика было в крови, которую он стирал рукавом.

– Что случилось? – строго спросила Ольга.

Святослав молчал и только обиженно сопел. За него ответил его воспитатель:

– Я дал команду остановить бой, и, когда все опустили щиты и мечи, Всеслав неожиданно ударил Святослава мечом по лицу.

⁵ Тиуны – чиновники Древней Руси

⁶ Гридень – княжеский дружинник

⁷ Смерд – земледелец

Прекраса, мать Всеслава, громко засмеялась, но Ольга так глянула на нее, что та резко оборвала смех и молча вышла наружу проводить своего сына.

Святослав не плакал, а только сжимал свои маленькие кулачки.

– Денка, – крикнула Ольга няньку мальчика.

Когда та вбежала в покои, княгиня приказала ей умыть, наложить лист подорожника на рану и перевязать сына.

Когда девушка с княжичем вышли, она повернулась к Асмусу и резко приказала:

– Выпороть звереныша!

Тот молча поклонился и вышел. А через некоторое время в горницу ворвалась взъерошенная и красная от ярости Прекраса и закричала на Ольгу.

– Ты зачем велела наказать моего сына? Завидуешь, что он старше и станет князем?

Она бы кричала и дальше, но Ольга повелительным жестом остановила ее:

– Наказала не за своего сына, а за подлость твоего отродья. А будешь и дальше заступаться за него, прикажу выселить тебя в Любеч.

Зная жесткий характер соперницы и памятуя о той власти, которой Ольга овладела после гибели Игоря, Прекраса замолчала и, сердито ворча что-то под нос, села рядом с Миланой.

Вечером, перед тем, как лечь спать, в светелку Денки, где находилось и ложе Святослава, заглянула Ольга. Девушка что-то рассказывала мальчику, а тот с интересом слушал ее.

– Принеси-ка нам кваску холодненького, – выслала Ольга девушку.

А когда та вышла, спросила сына:

– О чем вы так интересно разговаривали?

– Она мне рассказывала про поход тяти в Царьград. Оказывается, и ее отец был в этом походе.

– Да, я знаю об этом. Потому и взяла ее к себе, – ответила мать. – Он погиб в битве с хазарами, когда возвращались из похода.

– Матушка, а как вы познакомились с тятей? – спросил мальчуган.

– Тебе это интересно? – удивилась она.

– Да ведь он – князь, а ты из простолюдинок.

– Молодец, начинаешь думать. А все вышло спешно и случайно. Он шел с небольшим войском по нашему городищу. Тут надо было переправляться через реку. Я же занималась перевозом. Вот так и встретились. Он забрал меня с собой. А потом и ты родился...

В это время в светелку вошла Денка с корчагой кваса. Княгиня отпила немного и, поцеловав сына, ушла. А Святослав спросил няньку:

– А почему все боятся мамку?

– Она справедливая и заставляет всех работать, а не лениться, как Прекраса и Милана. Она думает больше о государстве, а не о себе, как многие из ее окружения...

Дни монотонно бежали один за другим. Как и дни, незаметно в постоянных трудах мелькали месяцы, годы...

Однообразие жизни рода Коржа нарушало только полюдьё⁸, которое проводил их князь Бразд. Причиной таких наездов все чаще являлись распри, возникающие между смердами: где-то соседи поссорились из-за пустяка и дело дошло до пролития юшки, кто-то не поделил рольные земли⁹ из-за того, что обильные осенние и весенние дожди смыли разделительную межу. Порой дело доходило до смертоубийства. В таком случае виновного везли на Гору, и,

⁸ Полюдьё – княжеский объезд для сбора дани и для суда

⁹ Рольные земли – пахотные земли

в зависимости от степени вины, ябедник¹⁰ либо накладывал штраф, либо волок в поруб¹¹. Смертоубийц отводили к самой княгине Ольге, и только она решала, как поступить с преступником.

Чаще всего убийца подвергался смерти согласно старинному обычаю: око за око, зуб за зуб. Да и сама Ольга принимала решение не с бухты-барахты, а с согласия воевод и бояр.

Корж старался не дожидаться полюдья, а загодя принимал меры, заодно и отвозил дань своему князю. При этом Корж объяснял: лучше отвезти дань самому, чем дожидаться приезда ябедника, который обязательно добавит к обычной дани немалый кус для себя.

Однако людишки не всегда внимали увещаниям старейшины рода и даже понемногу баловались воровством в княжеских владениях – то снимут птицу на чужих перевесищах, то тайком добудут бора на гонах, зверя в лесах, а рано поутру сетями выцеживают рыбу в княжеских реках...

– Ох, попадутся они однажды, беды не оберутся, – ворчал Корж.

– Тятя, а для чего они так делают? – спрашивала его десятилетняя Малуша.

Отец обычно гладил дочь по голове и приговаривал:

– Дак ить жадность человеческая не дает им покоя. Не понимают, что сколько ни воруй, все равно не насытишься, а только попадешь под горячую руку князя. И тогда беда всей семье.

– А почему одни люди богатые, а другие бедные? – продолжала допытываться дочка.

– Так уж нашими богами заведено. И не нам нарушать заведенные ими заповеди.

– А княгиня Ольга хорошая или плохая? – не унималась Малуша.

– Экая ты дотошная, – усмехнулся отец.

– Ну, правда! – не отставала дочь.

– Да видишь ли, Мала, – слегка задумавшись, отвечал Корж. – Конечно, с древлянами, убившими князя Игоря, она поступила слишком жестоко. Было бы понятно, если бы она наказала смертью тех, кто его казнил. Но для чего было губить жителей Искоростеня, в том числе стариков, женщин и детей малых, сжигать город? Хотя и сам Игорь был не совсем прав. Ну, получил дань и иди себе с миром! Нет, жадность обуяла его. Показалось, что еще можно взять... А потом Ольга успокоилась – поняла, что после этого древляне не могли платить дань несколько лет. Не с кого и не с чего было. Сейчас же, ты видишь, мы ни с кем не воюем, только отбиваемся от редких набегов печенегов. Правит она мудро и справедливо, тут ничего плохого сказать нельзя.

– Хорошо, что теперь не воюем, – вздохнула Малуша.

– Знамо, хорошо, – согласился отец.

– А почему люди берут чужое?

– Видишь ли, все идет от войн, – тихо проговорил отец. – После битвы победители забирают у поверженных все, что им приглянулось, у убитых берут оружие, мошну, даже снимают хорошее платно. А уж когда возьмут городище, то начинается татьба¹², когда забирают в домах все, что приглянулось, – узорочье¹³, черевьи¹⁴, паволоки¹⁵, возьмут и колтки¹⁶ с лунницами¹⁷...

¹⁰ Ябедник – княжеский чиновник, судебное должностное лицо

¹¹ Поруб – тюрьма, острог

¹² Татьба – грабеж, воровство

¹³ Узорочье – золотые изделия

¹⁴ Черевьи – обувь (сапоги, башмаки)

¹⁵ Паволок – драгоценная ткань

¹⁶ Колтки – подвески к женскому головному убору

¹⁷ Лунница – ожерелье

- Как печенег?
- Почитай, что так. А князья на награбленное нанимают новых воев, чтобы совершать новые набеги.
- Как Свенельд с его варягами?
- Да, вот и получается: ратники во время набегов привыкли без спроса брать чужое, и в миру не могут остановиться – тайно берут у своих.
- Нехорошо это.
- Ясное дело, нехорошо.
- Их беседу прервала Вита, обратившаяся к дочери:
- Беги, руки сполосни, сейчас вечерять будем.
- Когда Малуша выскочила за порог и начала плескаться у рукомойника, Корж бросил жене:
- Взрослеет девонька. Ишь, какая смышлененькая, головастьенькая...
- Пора бы уже, – ответила Вита. – Года-то бегут...

Княгиня Ольга сидела в уединении с греческим священником Григорием, с недавних пор обосновавшемся в Киеве. Ольга жаловалась ему на то, что чернь совершенно распустилась, людишки совершенно не страшатся княжеского гнева.

Ни наказания, ни жесткие приговоры не могут остановить разбой. Тати не страшатся даже гнева языческих богов.

– Ваших богов, что песчинок в пустыне бесплодной. Кого только ни выдумали, – и Овсич, и Свентовит, и Крышень, и Белобог, и Ветрич, и Озернич, и Дождич, и Пчелич, и Плодич, и Зернич, и Ледич, и Студич, и Птичич... Все они – рядом, под рукой. И наказать-то их можно.

– Да, порой и побивают идолов, коли что не так, – добавила Ольга.

– Вот видишь, – продолжил священник. – Что же это за бог, которого можно не бояться и даже побить?

– В Византии, когда я была там, императоры Константин и Василий убеждали меня принять их учение. Да и персы суетятся, в свою веру тянут...

– Где они, персы-то? – всплеснул руками Григорий. – На краю земли. У них даже лика Аллаха нет! Кому молиться? Духу незримому? Да и учение их странное, непонятное... А что касается византийцев... Мало они горя принесли русинам? Да и обида у них на князя Игоря, мужа твоего, за то, что взял их столицу и заставил выплатить огромный откуп.

– Да, немало эти византийцы кровушки нашей пролили. Еще наши деды и прадеды рассказывали, что те вкупе с половцами ходили на рать с русинами.

Мне нравятся обряды и ваше учение, поэтому я и крестилась в вашу веру. Но как донести до нашего народа ваше учение, если у вас и письменность какая-то странная – пользуетесь знаками, кои далеко не все из нас понимают.

– Вот потому я и привез к тебе двух братьев-монахов – Кирилла и Мефодия. Не дело вам писать чудными чертами да резами. Кирилл принял на себя пост и сейчас пишет славянскую азбуку. Как только создадут ее, начнут переводить христианские книги на новый славянский язык.

– Коль скоро азбука будет готова? – спросила Ольга.

– Намедни я был у него. Трудится, не разгибая спины. Сам понимает, что дело не терпит отлагательств. Наберись терпения, матушка, все образуется. А вот как княжичи, не хотят креститься?

– Беда с ними, уперлись и ни в какую! Не хотят принимать новую веру.

– Что так? Вон уже и многие бояре, воеводы и тысяцкие восприняли новую веру...

– Упрямы зело, – махнула рукой Ольга. – Особенно Всеслав. Начинаю говорить с ним о вере, плюется. А Святослав только посмеивается. Уноши¹⁸ уже, трудно на них найти управу. Сам-то пробовал с ними беседовать?

– Пробовал, – вздохнул Григорий. – Не ведаю, чем их еще можно вразумить. Издевательски смеются и посылают меня проповедовать старухам да старикам.

В этот момент со стороны площади послышался конный топот, а через некоторое время дикий женский вопль.

– Господи, что там еще случилось? – встала Ольга.

Встал и Григорий и вслед за княгиней стал спускаться по лестнице во двор.

Там уже стояла толпа, конюхи уводили оседланных лошадей. Увидев княгиню, толпа расступилась, и Ольга увидела лежащего на земле Всеслава. Голова его покоилась на коленях дядьки Чурилы, горло, руки и грудь были залиты кровью. Над сыном выла Прекраса.

Святослав со своим дядькой Асмусом стояли здесь же, низко опустив головы.

– Кто его? – обратилась княгиня к Асмусу.

– Горячий... Погнался в лесу верхи за лисой и горлом напоролся на торчащий сломанный сук. Мы прискакали, а он уже мертвый.

– Почему не удержали? – продолжала допытываться Ольга.

– Остановишь его, – махнул рукой Асмус. – И упреждали, и кричали, да куда там! Чурила даже изловчился схватить лошадь под уздцы, так княжич так огрел его плетью, что глаз едва не выбил.

Ольга посмотрела на дядьку Всеслава, – действительно, поперек щеки кровоточил глубокий шрам, идущий почти от самого глаза к уху.

– Похоронить язычника сегодня же, – приказала Ольга ближнему боярину.

– На костре или в землю? – спросил тот.

– В землю, на Горе, – кинула та. – Пока костер готовят, день кончится...

Когда Ольга оделась в траурную одежду и уже сходила с крыльца терема, ее остановил священник:

– Ты же христианка, а там хоронят язычника!..

– Хоронят княжича. Что подумают мои подданные, если я не явлюсь на погребение?

– Давно надо было крестить своих людишек, – проворчал Григорий.

– Пока не будет крещен весь народ, я не могу вставать поперек давних обычаев, даже если они и языческие. Отойди, не мешай мне...

Через несколько дней после погребения Всеслава Ольга позвала Чурилу:

– Подбери дельного ябедника и пошли ко мне, – распорядилась она.

Когда тот явился, княгиня приказала:

– Возьми людей и срочно поставьте в Любече небольшой терем.

– Для кого? – поинтересовался тот.

– Ты строй быстро и ладно, а остальное не твое дело, – отрезала княгиня.

Тот поклонился и на следующий же день с ватагой черных работных людей выехал в Любеч.

В середине травня¹⁹ ябедник возвратился, доложил княгине о том, что терем с пове-рем²⁰ излажен, и за усердие был награжден добрым платном.

Вызвав Чурилу, Ольга приказала:

¹⁸ Уноши – юноши

¹⁹ Травень – древнерусское название апреля и мая

²⁰ Повестье – хлев, сарай

– Подбери пятерых мечников²¹. Повезете Прекрасу в Любеч и останетесь при ней. Да чтобы оттуда никуда ее не отпускать.

– А если... – начал было Чурила, но княгиня резко бросила:

– Тогда – в жажели²²!

Узнав о том, что ее отсылают в Любеч, Прекраса с утра до вечерницы кричала в крик, рвала на себе волосы, винила во всем Ольгу.

– Господи, пожалей страдальцу, – молился Григорий. – Что же она так мучается, бедолага?

– Не от того кричит, что увозят, – усмехнулась княгиня. – От того, что ее задумка не совершилась.

– Что за задумка? – любопытствовал священник.

– Она надеялась, что со временем Всеслав, как старший из детей Игоря, станет князем и она возвысится над всеми. А с его смертью все надежды ее рухнули, а тут еще и удаляют из Киева.

– А пошто ты ее удаляешь, она тебе не соперница, – не отставал священник.

– Озlobилась она. Может любую пакость сделать. А так будет спокойнее. А ты чего пришел-то?

– Да, нет ничего страшнее рассерженной женщины. Чтобы отомстить за свою обиду, она пойдет на все, чтобы удовлетворить свою месть.

Ольга повернулась к Григорию и строго глянула на него. Тот понял, что напомнил ей о мести за мужа, и, стараясь замять свою оплошность, тут же заискивающе проговорил:

– Отец Кирилл изготовил славянскую азбуку, просил тебя посмотреть и узнать, не нужно ли что переделать?

– Ну, пошли, глянем, что там намудрил твой византиец из Солуни, – кивнула Ольга. – Сам-то видел ли?

– Видел, видел, – забормотал Григорий, направляясь к кельям Кирилла и Мефодия.

Жизнь смерда не мазана медом, – зимой ли, летом ли, работы всегда хватает. Вот и приходится вертеться от восхода до заката.

Зимним вечером при свете лучины Вита перебирала засушенные летом лечебные травы и поучала дочь:

– Это – золотуха. Она растет на борах, на раменских местах, при осинниках. Листики, глянь, махонькие, в пядь. А это суровец, ее надо собирать при водах, она в локоть вышины, красновата, листки, как елочки. Вот это – шам, листочки язычком, видом, что капуста...

– Ты что, ведунью из нее готовишь? – усмехнулся сидевший рядом Корж, выстрегивая черенок для мотыги.

– Хозяйка должна все знать и помогать домашним при хворях, – наставительно проговорила Вита.

– Дело говоришь, – согласился муж и, отложив законченный черенок, предложил: – А не повечерять ли нам?

Малуша быстро вскочила и весело проговорила:

– Я приготовлю.

Шустрая девушка начала быстро расставлять посуду на столешнице.

– Хорошая хозяйка будет, – похвалил отец дочку.

– Да вон уж уноши возле нее выются, – улыбнулась Вита.

– Ой, что ты говоришь, мама, – покрылась румянцем Малуша.

²¹ Мечник – страж

²² Жажель – цепь

- А что за парубок провожал тебя после посиделок? – не унималась мать.
– Да это Хоре, сосед. Ему надо было возвращаться домой мимо нашей избы, – оправдывалась дочка.
– Плети лыко, – продолжала смеяться над дочерью мать, но Корж, видя смущение дочери, пришел ей на выручку:
– А что сейчас делают на посиделках?
Малуша с благодарностью посмотрела на отца и начала рассказывать:
– Унотки²³ пряжу прядут, уноши играют на гуслицах или свирельке, песни поем, сме-
емся.
– А что за песенки? Спой, – попросил Корж.
– Такую вот распевали:

*Введение пришло,
Зиму в хате замело,
В сани коней запрягло,
В путь-дорожку вывело,
С берегом связало,
К земле приковало,
Снег заледенило,
Малых ребят,
Красных девчат
На салазки усадило,
На ледянке с горы покатило...*

Или вот, когда уноши зачнут пугать лешими, мы запеваем:

*Вы катитесь, ведьмы,
За мхи, за болота,
За гнилые колоды,
Где люди не бают,
Собаки не лают,
Куры не поют, —
Во там и место!*

- И мы те же песенки пели, также нас уноши пугали, – отозвалась Вита.
– Страшно было? – спросила ее дочь. – При лучине-то темень. И вдруг кто-то из уно-
шей как крикнет по-совиному... Жуть!

Несчастье в этой доброй и мирной семье случилось в один из теплых весенних дней.

Истопив баню, первыми в нее пошли мыться Вита и Малуша. По привычке Вита сняла с себя оберег, который был подарен ей отцом мужа, Антом. Молодой Ант был ратником Олега, когда тот еще княжил в Новгороде, и в один из походов на зырян как раз и добыл эту безделицу.

Был он и в том знаменитом походе к Днепру, когда князь обманом и хитростью уни-
чтожил здешних правителей, Аскольда и Дира, отняв у них Киев. Здесь Ант и женился, здесь
у него и родились сыновья. А когда старший сын женился, он подарил невестке этот оберег,
который она приняла с благодарностью, нанизала на льняную нитку и постоянно носила на
груди.

²³ Унотки – девушки

Оставив дочь в избе одну, Вита вернулась в баню к мужу. Девочка долго рассматривала оберег и решила примерить его на себе, нацепив на шею. Когда родители пришли из бани, она попросила:

– Матушка, можно я немного поношу?

– Поноси, поноси, – ответила распаренная от банного духа Вита.

Утром следующего дня, когда солнце едва поднялось из-за леса и еще не сошла утренняя роса, Вита отправилась в лес собирать лекарственные травы.

Корж с Малушей не волновались, – Вита не впервые ходила за травами, и занялись привычными домашними делами.

Но когда солнце начало свой сход за Гору, Корж и Малуша забеспокоились.

– Оберег она оставила у меня, – едва не плакала девочка.

– Не хотела тебя будить, когда уходила, – рассеянно ответил ей отец.

Работа валилась из рук. Наконец Корж бросил все дела и сказал дочери:

– Уж не случилось ли какой беды? Надо идти искать...

– Я с тобой, батюшка! – встрепелась Малуша.

– Куда тебе, сиди дома, жди.

– Может быть, она зашла к дядьям Остеру или Кожеме поболтать с Праскевой или Радой? – бросила ему вдогонку Малуша.

– Я зайду к ним, – отозвался отец и вышел, прикрыв за собой дверь.

Малуша, оставшись одна, взволнованно ходила из угла в угол. Зажав в руке оберег, она обращалась ко всем богам, чьи имена помнила, прося их помочь отыскать матушку.

Корж вернулся один, когда взошедшая луна заглянула в слюдяное окошко и спорила своим светом с тусклым огоньком горячей лучины. По грустному лицу отца Малуша поняла, что матушка не отыскалась.

– Ходили с Остером и Кожемой в лес, не нашли, – коротко ответил он на немой вопрос дочери. – Ложись спать, поздно уже.

– Зачем я только выпросила этот оберег, – девочка заплакала, сняла безделушку с шеи и положила ее на столешницу.

Корж присел на лавку рядом с дочерью, обнял ее и молча поглаживал по головке.

– Ничего, отыщется, – слабо утешал он ее. – Обязательно отыщется...

Незаметно для себя Малуша уснула, и Корж осторожно отнес ее на лежанку, а сам сел подле окна. Сон не шел к нему...

Рано утром следующего дня, едва начали светлеть редкие облака на небе, возле жилища старейшины собрались все взрослые члены рода. Пришла даже Рада с младенцем на руках.

Всем сходом люди начали обсуждать, где искать пропавшую Виту. Беда была в том, что никто не видел, в какую сторону она отправилась за травами. Наконец, решили, что далеко она уйти не могла, искать ее нужно в ближнем к селению лесу.

Вместе со всеми собралась идти и Рада, но Корж остановил ее:

– Куда ты побредешь с сосунком? Побудь лучше с Малушей, – боюсь, как бы она не увязалась за нами.

На опушке леса люди выстроились в цепь и пошли, постоянно перекликаясь друг с другом и выкрикивая имя Виты.

Когда ночная роса начала окончательно сходить, по цепи раздались выкрики: «Нашли!»

В яру, заросшем высоким кустарником и подростом, лежала жена Коржа. Одежда на ней была порвана, лицо и грудь были в крови. Глубокие царапины прорезали голову и щеки. На помятой траве отчетливо выступали большие и маленькие медвежьи следы.

– Набрела на медведицу с сеголетком, – тихо проговорил Остер.

– Она голодная и злая после зимней спячки, – согласился Кожема. – Да еще и с медвежонком...

Женщины завывали в голос: добрую и обходительную жену старейшины рода любили и почитали все.

Вырубив из подростка жерди, мужчины соорудили носилки и, водрузив на них тело мертвой женщины, направились в селение.

Согласно языческим обрядам, Виту похоронили в тот же день. Когда тело опускали в могилу, начал накрапывать дождь. А возвращающихся с похорон родичей накрыл настоящий ливень.

– Даже боги плачут по Вите, – произнес кто-то в толпе...

В светелке княгини Ольги, расположенной на втором этаже терема, мать-правительница и священник Григорий пытались вразумить юного Святослава принять христианскую веру. Молодой уноша, у которого заметно пробивались темные усики, был насмешлив и непреклонен.

– Вы молитесь на образ Христа, намалеванный на деревянной доске, – издевательски усмехаясь, обращался он преимущественно к священнику. – Так и мы обращаемся к деревянным или каменным идолам. Где отличие? Вы придумали сказку о его жизни, но и у нас есть свои размышления о наших богах.

– Христос – святой человек, принявший страдания за всех людей, – настаивал священник. – Он милосерден и готов отпустить прегрешения всем покаявшимся... – Ваш Христос – слабый человек, – отмахнулся Святослав.

– Почему ты так считаешь? – вмешалась в разговор мать.

– Он не стал бороться за свою веру, а позволил себя убить. И позволил не абы как, а в компании с двумя преступниками. А потом, – обратился Святослав к Григорию, – посмотрите на лики святых, которые вы привозите из своей Греции. Глядя на них, плакать хочется. А наши боги – веселые и, как и Христос, в то же время милосердные. У вас – малопонятные людям и скучные молитвы, а у нас:

*Славься Перун – бог Огнекудрый!
Он посылает стрелы в врагов,
верных ведет по стезе.
Он же воинам честь и суд, праведен
Он – златорун, милосерд!*

Или вот еще:

*Только греет одно солнце ясное.
Как благотельно к нам оно! —
Световид! Мы тебе поклоняемся,
Имя твое вознося.
Коль велик, велик Световид,
Шествуя в бедствах утешить людей!
Царю звезд, тебе поклоняемся,
Пред тобою мы подвергаемся!*

– Мы с тобой серьезно разговариваем, а ты шутикуешь, – упрекнула сына мать.

– Это вы не понимаете, что нельзя заставить целый народ делать то, что ему противно, – не уступал княжич. – В каждом жилище вы увидите наших богов. Вон даже у тебя, матушка, на рушнике вышита богиня Мокошь.

– Экий ты упрямый да своенравный. Весь в отца, – упрекнула его мать. – Серчаешь по пустякам...

– Да как не серчать, глядя на тебя, – вспылил Святослав. – Вместо того, чтобы думать о расширении княжества и умножении его могущества и богатства, ты разумеешь только об одном: как бы сделать так, чтобы этот посланец Христов был доволен. Одно на уме – народ обратить в чуждую веру христову. Одумайся, матушка!

– Как ты с матерью и княгиней разговариваешь, уноша! – всплеснул было руками Григорий, но Ольга остановила его:

– Что ты задумал?

– Вятичи – последнее славянское племя, которое платит дань хазарам. Эти дикие степняки и нам покоя не дают. Надо пойти на вятичей, заставить их платить дань нам. Возьмем у них воев и пойдем на хазар. Подумай об этом, матушка...

Долгим взглядом Ольга окинула висящие на стене помятый щит, меч, копье и шлем покойного Игоря и наконец, словно очнувшись, сказала сыну:

– Скажи Асмусу, чтобы отыскал Бразда. Пусть позовет его, и оба – ко мне.

Святослав молча поклонился матери и вышел.

– Иди, Григорий, помолись за меня, – обратилась она к священнику.

Уходя, тот бросил:

– Вырос Святослав. Молвит не аки уноша, но как зрелый муж...

Ольга, в волнении сжав руки, нервно ходила по комнате, а потом остановилась перед доспехами мужа и некоторое время смотрела на них.

Через некоторое время в двери показались Асмус и Бразд.

– Здрава будь, княгиня, – поклонились они Ольге.

– Садитель, – Ольга кивнула в сторону стоявшей возле ее кресла скамьи. – Что можете молвить о Святославе?

– Серьезный уноша, – начал было Асмус, но Ольга его перебила:

– Мыслит о походе на вятичей, а вслед и на хазар. Готов ли он к ратным делам?

– Мечом владеет, как своей десницей. С сулицей²⁴ ловко управляется... В седле крепко сидит, задирист, телесней²⁵ не робеет... Ратать²⁶ способен, – проговорил Асмус.

– Рынды²⁷, почет²⁸, комонники, гридни и протчие любят княжича, – вместе с ними у кострища снедает вяленую конину, спит вместе со своими дружинниками на траве, подложив под себя войлочную попону, а под голову седло... – перечислил Бразд.

– Не о том веду спрос, – оборвала его Ольга. – Готов ли он вести дружину?

Асмус и Бразд посмотрели друг на друга и одновременно кивнули.

– Рядом с ним всегда бывалые ратники, – начал было Бразд, но княгиня остановила его и махнула рукой, отпуская от себя служивых мужей.

Уже на следующий день Ольга призвала в Людную палату княжьего терема мужей нарочитых, каждый из которых опирался на высокий посох, а на темных опашнях²⁹ висели гривны. Воеводы были при мечях. Здесь же в сторонке стояли старшие и младшие бояре.

Княгиня поднялась в палату в сопровождении сына Святослава, воеводы Свенельда, тысяцкого полевой стражи Любомира и ларника³⁰ Меркуши.

²⁴ Сулица – копье

²⁵ Телесней – сражаться врукопашную

²⁶ Ратать – воевать

²⁷ Рында – оруженосец

²⁸ Почет – свита

²⁹ Опашень – верхняя одежда с рукавами

³⁰ Ларник – княжеский писец и хранитель печати

Ольга села в кресло, расположенное возле дальней стены палаты, справа и слева от нее расположились Святослав и Бразд, в углу незаметно пристроился ларник с чистыми свитками.

– Здравы будьте, воеводы, бояре, мужи! – поприветствовала княгиня подданных.

– И ты будь здрава, княгиня, – нестройным хором ответили те, склонившись в поклоне.

– Тысяцкий Любомир говорит, что печенеги перебрались через Итиль-реку³¹ и стали беспокоить наши передовые заставы, – начала разговор Ольга. – Слыхали ли вы об этом?

Слыхали! Ведомо! – раздались нестройные голоса.

– Поведай нам, Святослав, что ты задумал, – обратилась княгиня к сыну.

– Который раз печенеги не дают нам покоя, – начал тот. – Мыслю так: нам следует пойти на братьев-славян вятичей, освободить их от дани хазарской и вместе с ними пойти на печенегов, а затем и на хазар, кои тоже не дают нам покоя.

Воеводы, бояре, князья, тысяцкие разом загомонили, склоняясь друг к другу. Их разговор напоминал громкий шелест листвы под ветром.

Выждав некоторое время с тем, чтобы присутствующие смогли обдумать и обсудить предложение, Ольга обратилась ко всем:

– Что скажете, мужи и бояре? Где князь черниговский Ставр?

– Я здесь, матушка, – тот встал, подошел к креслу Ольги.

– В твоих землях, князь Ставр, объявились печенеги. Почему допустил их? – сурово спросила княгиня. – Они прошли через всю Северскую область, видели их под Любичем и Остром. Как ты мог допустить такое?

– Не ждали мы их, матушка княгиня, – начал оправдываться черниговский князь. – Налетели, словно пурга в зиму.

– Почему заслоны не упредили? – не отставала Ольга.

– Они не полем шли. Стража стоит на горе, а они крались оврагами...

– Так что же не помыслили овраги стеречь? Не подумал, что бережешь не токмо северян, но и Киев?

– Людишек не хватает, чтобы всюду стражу ставить, – продолжал оправдываться Ставр. – Тяжко ныне работать людишкам...

– А ты им землю дай, пусть каждый на своей земле себя охраняет, да и нам заступом станет, – стояла на своем Ольга.

– Да где же взять вольной земли, матушка? – всплеснул руками князь. – Вся земля тебе принадлежит.

Подумав, Ольга обратилась к собравшимся:

– Что решаем, мужи и бояре?

– Надо дать смердам черниговскую землю, – раздались разрозненные голоса. – Пусть боронят от печенегов клятых.

– Все ли согласны?

– Согласны... Все... Разом... Едино, – зазвучало со всех сторон.

– Так и решаем, – заключила Ольга. – Пустим ли в поход княжича Святослава, как он разумеет?

– Дело задумал княжич...

– Пора наказать клятых...

– Засиделись...

– Так и решаем, – твердо произнесла Ольга. – Закончим полюдь, зачем собирать воев.

³¹ Итиль-река – Волга

Осень окрасила золотом сжатые поля и начала раскрашивать деревья в лесу. Смерды радовались – урожай удался как никогда.

Корж с помощью подросшей Малуши и братьев управился с урожаем до дождей, уже начавших изредка кропить землю и луга. И вправду, было чему радоваться: и сена для коровы, коня и вола было припасено вдосталь, ячменя и ржи должно хватить до нового урожая, да и князю отдать его долю можно было без всякой ужимки...

В один из таких дней в селении Коржа появились всадники. «Кто бы это мог быть, – подумал Корж, заслонив от солнца глаза ладонью. – Полюдью вроде бы рановато...»

В подъехавших ближе всадниках он разглядел старого знакомого тысяцкого Любомира. Тот, подъехав ближе, слез с коня и воскликнул:

– Ты ли это, славный Корж?

Он обнял Коржа за плечи и трижды расцеловал его.

– А кто эта красавица? – спросил он, кивнув на стоявшую здесь же Малушу.

– Дочка Малуша, – с гордостью объявил Корж.

– Хороша, ох, хороша! – продолжал тысяцкий, откровенно любуясь девушкой. – Сколько же тебе годков, красавица?

– Тринадцатую весну встретила, – смущаясь, ответила та.

– Невеста! Небойсь, уже и женишка приглядела? – Любомир окончательно вверг Малушу в смущение, отчего ее щеки густо зарделись.

– Не думает она еще о женихах, – ответил Корж. – Времени нет, урожай нужно было собрать, да и по дому работы много. Жену-то мою летось медведь задрал.

– Охти, беда какая! – посочувствовал мужику Любомир. – То-то виски у тебя заснежились.

Потом он обратился к девушке:

– А мы ведь с твоим батюшкой ратоборствовали еще с князем Игорем у Искоростеня.

– Так-то так, только вспоминать это бывает срамно, – ответил Корж.

– А ты и не поминай, коли так, – отмахнулся Любомир. – Пригласишь ли в избу?

– О, милости прошу, – пригласил хозяин.

– Я сейчас меды достану, – вспорхнула Малуша и первой нырнула в жилище.

– Вправду, хороша дочка у тебя, – Любомир погладил усы. – Многие уноши засохнут, глядя на нее

– Полно тебе, совсем засмущал девку, – отмахнулся Корж.

– Добро, поговорим о серьезном, – перевел разговор Любомир. – В черниговские земли все чаще наведываются печенеги. На днях княгиня Ольга собирала ближних воевод, князей и протчих мужей.

– О чем шел разговор? – Корж разлил в ковши хмельной мед.

– Княжич Святослав сватал нас идти на вятичей, а потом с их помощью на печенегов и хазар.

– Широко размахнулся, – покачал головой Корж. – Порты не лопнут?

– А ты не шуткуй, дело серьезное. Решение принято, – нахмурился Любомир.

– И когда?

– Да вот полудье закончим, так и в поход. Ты не разучился еще ратать?

Корж помолчал, потом негромко сказал:

– Руки-то не забыли, как меч держать. Да только вот не знаю, как с Малушей быть. Можно, конечно, ее с братьевыми женами оставить, да ведь у них своих забот хватает. Остера и Кожему тоже возьмешь?

– Возьму, добрые вой нужны будут.

– Вот то-то...

– Погодь. А давай на время похода Малушу пристроим к княгине. Она, чать, помнит тебя.

– Помнит ли?

– Как не помнить! Мы же дрались рядом с князем Игорем до последнего, пока нас не разоружили. А потом мы оружие и тело его привезли.

– Память-то не шибко радостная...

В это время к жилищу Коржа подскочил ябедник и крикнул в раскрытое окно:

– Любомир! Дань собрана, обоз уже отправлен.

– Ну, добре, – Любомир встал и начал прощаться. – Вскоре за воями приедут гридни, скажут тебе, как княгиня распорядилась Малушей.

Когда тысяцкий уехал, Малуша с тревогой проговорила:

– Ой. Боюсь я ехать к княгине...

– Не трусь. Она хоть и строга, но справедлива. Не съест же она тебя.

В это время к избе Коржа верхами подъехали его братья Остер и Кожема.

– На какую рать-то собирают? – встревоженно проговорил Остер.

– Княжич надумал идти на вятичей, а с ними на печенегов и хазар, – ответил старший брат.

– Разом на всех? – поразился Кожема.

– Да нет, – усмехнулся Корж. – В очередь. Да что тут толковать: нас, подневольных, не спрашивают.

– Это так, – согласился Остер. – Погонят, аки скотину, и не спросят. Так что пора готовить оружие и коней.

– О-хо-хо! – вздохнул Кожема. – Как Рада с дитем-то управится?

– Род поможет, – успокоил его старший брат.

– Я накажу Праскеве, чтобы приглядела за ними, – сказал Остер. – Добре, поехали по дворам...

Едва закончили засыпку зерна нового урожая в лари, убрали последнее сено в стога и на сеновалы, поправили хлевы для скотины, как в селении появились три гридня. Они остановились у жилища старейшины рода, один из них спешил и постучал рукоятью плети в переплет узенького окошка.

На стук вышел Корж и, увидев гридня с огненно-рыжими волосами и короткой бородкой, воскликнул:

– Никак ты, Вогул!

– Здрав будь, старый! – засмеялся тот.

– Коли я старый, пошто за мной пришел? – улыбнулся в ответ Корж.

Старые товарищи обнялись и троекратно расцеловались.

Вогул махнул оставшимся гридням, и те поскакали вдоль конца³², колотя мечами о щиты.

– Любомир велел кланяться, – сообщил гридень.

Корж выжидательно посмотрел на него.

– Ну?

– Толковал он с княгиней. Та вспомнила тебя, лестно отзывалась. Помнит, помнит...

– Ну, ну! – поторопил его Корж.

Вогул засмеялся и положил руку на плечо товарища.

– Берет она твою дочь в помощницы ключницы. Меланья стареть стала, неторопка. Ольга давно уже о замене ее помысливала. Считай, дело сладилось.

Помолчав немного, Вогул лукаво прищурился и спросил:

³² Конец – улица в русских селениях

– Бают, у тебя дочка зело баска³³!

– А тебе, старому, какой интерес? – засмеялся Корж.

Постепенно к хижине Коржа начали стягиваться селяне, одетые кто во что: кто с копьем, кто с мечом, в разномастных шлемах, ведя в поводу таких же разномастных лошадей. Рядом с ними шли прижавшиеся к ним матери, жены, сестры, дети.

Корж, одетый в начищенную кольчугу, в шлеме, с мечом на боку, с копьем и щитом, выглядел, словно былинный богатырь. Он подал руку Малуше, и та, уцепившись за стремя, потом за руку отца, вспорхнула и словно приросла к луке седла впереди отца.

– Ну, с помощью Перуна, двинулись, – попросту скомандовал Вогул.

Разделившись попарно, отряд двинулся вперед, оставляя позади рыдающих женщин и стариков. Отъехав от селения, Вогул, ехавший впереди вместе с Коржем, оглянулся и насмешливо произнес:

– Ну и войско! Печенегι увидят – либо утекут в страхе, либо окочурятся от смеха.

Пока ехали знакомыми местами, Малуша вслушивалась в разговор взрослых.

Но как только начались незнакомые места, она забыла, о чем говорят отец с Вогулом, и с любопытством осматривала окрестности.

Недолгое время они ехали низиной по Оболони, на которой раскинулись убогие хижины и землянки. По обеим сторонам дороги стали появляться огороды, отделенные друг от друга частоколом. Как сказал отец, эти огороды принадлежали князьям, а возделывались уставными смердами³⁴.

Малуша с удивлением смотрела на видневшиеся впереди три горы, на которых лес был частью вырублен или выжжен, а на порубах золотом отсвечивала золотистая стерня и темнели редкие жилища людей.

Наконец впереди зазолотились крыши княжеских теремов. Ниже, окружая Гору кольцом, теснились темные дворища бояр и воевод, а внутри этих дворищ были видны хижины служилых людей – ремесленников, холопов, рабов.

У самого подножья Горы, уходя к Днепру, тесно, словно ласточкины гнезда, лепились хибарки и землянки простого люда – чади. Здесь же, среди этого селища, на небольшой площадке стояло деревянное изваяние Волоса, вокруг которого грудилась и суетилась людская толпа.

– Чего это там? – спросила Малуша отца. – Молятся никак?

– Да нет, – усмехнулся тот. – Им не до Волоса сейчас. Это большой торг.

Дорога пошла в гору, словно змея ползучая, к единственным воротам в частоколе на Горе. Вот уже копыта лошадей застучали по деревянному настилу подъемного моста...

При виде грозных вооруженных людей у ворот девушка съезжилась и теснее прижалась к отцу.

– Не пужайся, – успокоил Корж дочку. – Никто тебя здесь не обидит.

Кто-то из стражников, разглядев прячущуюся за щитом девушку, крикнул:

– Гляньте, люди добрые! Еще в поход не пошли, а этот ратник уже полонянку волочет! Стоявшие рядом с ним гридни захохотали, отчего совершенно смутили девушку.

На широком дворе было разбросано несколько строений, возле одного из них сгрудились гридни в полном облачении. Увидев приехавших, один из них отделился и подошел к всадникам. Это был тысяцкий Любомир.

Приехавшие сошли с коней и остановились в растерянности, не зная, как поступить далее. Обращаясь к ним, Любомир распорядился:

– Располагайтесь в гридне, места всем хватит.

³³ Баская – красивая

³⁴ Уставные, урочные смерды – платящие дань, налоги

Тепло поздоровавшись с Коржем и Малушей, он сказал:

– Ты, Корж, располагайся со своими, а Малушу я поведу представлять княгине. Пошли, красавица!

Малуша растерянно посмотрела на отца, но тот слегка подтолкнул ее, усмехнувшись:

– Иди, иди, я здесь, рядышком...

Девушка медленно пошла за тысяцким, постоянно оглядываясь на отца. Они поднялись по ступеням княжеского терема, и, войдя в него, Любомир придержал Малушу:

– Погодь здесь, я упрежу княгиню.

Он прошел дальше в покои и поднялся по лестнице в светелку Ольги. Через некоторое время он появился в дверях и сказал:

– Поднимайся вверх.

У Малуши от страха заколотилось сердце и стало сухо во рту.

– Давай, давай, не робей, – подбодрил тысяцкий девушку.

Когда они поднялись на второй этаж, он приоткрыл дверь, из которой только что вышел, и слегка подтолкнул Малушу внутрь.

Помещение, в котором она оказалась, было довольно большим, со многими окнами, пропускающими много света. Возле одного из окон стояла княгиня, одетая в красное платно, которое девушка никогда не видела, с узорочьем на шее. На ногах ее были надеты такие же красные черевьи³⁵.

Малуша опустила глаза и поклонилась княгине в пояс.

Внимательно оглядев девушку, Ольга произнесла:

– Хороша собой, но молода больно.

– Она осталась без матери и вела все хозяйство у Коржа, – заступился за девушку Любомир.

– Кликни ключницу, – приказала княгиня тысяцкому.

Когда тот вышел, княгиня спросила:

– Тебе сколь годков, уютка?

– Пятнадцатый, – еле выдавила из себя девушка.

– Что умеешь делать?

– Стряпаю, шью, вышиваю, полощу платно...

– Хворости какие есть?

Малуша удивленно посмотрела на княгиню и отрицательно помотала головой.

– Ну, да. В таком возрасте какие хворости могут быть, – в раздумье проговорила Ольга.

В этот момент в помещение вошла ключница Меланья и низко поклонилась.

– Ты скорбела, что твои девки не очень расторопны, – обратилась к ней княгиня. – Вот тебе помощница. Пристрой ее к делу.

– Слушаю, – поклонилась ключница и внимательно оглядела девушку.

– Идите, – отпустила их Ольга.

Выйдя от княгини, женщины едва не столкнулись с княжичем Святославом. Тот остановил их и, обращаясь к Меланье, спросил:

– Кто такая?

– Княгиня прислала новую помощницу, – ответила та.

– Как зовут? – обратился княжич к девушке.

– Мала, Малуша, – пробормотала та.

Святослав взял Малушу за подбородок, приподнял ее голову и внимательно посмотрел ей в глаза. Потом повернулся и пошел к матери.

– Кобель, – вслед ему тихо сказала Меланья и, обращаясь к девушке, добавила:

³⁵ Черевьи – сапожки

– Стережись его, старайся не попадаться на глаза.

Ключница повела Малушу в дальний конец терема, где к нему было пристроено помещение кухни и каморки для прислуги.

В центре достаточно просторной пристройки на каменной кладке догорал костерок, на красных углях в глиняных горнцах что-то варилось, испуская незнакомый Малуше приятный запах. Стройная и красивая девушка, которую, как оказалось, звали Праскена, деревянной ложкой помешивала варево. Огонь поддерживал невзрачный мужичонка с пегой бородашкой и сбитыми лохмами на голове.

Ключница немедленно включила Малушу в работу, заставив ее носить воду из родника, протекающего невдалеке, помыть несколько горнцев, корыто, деревянные мисы, ложки. Малуше пришлось еще и вымести сор из трапезной, с дресвой³⁶ почистить огромный трапезный стол, помыть стоявшие возле него лавки.

Меланья время от времени проверяла ее работу и удовлетворенно кивала головой. Заметив это, Малуша старалась исполнить порученную ей работу с еще большим тщанием.

Когда работа в трапезной была закончена и все в ней блистало чистотой, Меланья обратилась к девушке:

– Приглядывай, как я буду выносить и расставлять яства.

Тем временем ключница взяла деревянную ложку и стала пробовать варево из кипящих горнцов.

Через полуоткрытую дверь в трапезную было видно, как в помещение начали заходить и рассаживаться вокруг стола князя, воеводы, бояре...

Ключницу словно подменили – она выпрямилась, стала строже. Шепотом она начала подгонять девушек, уполовником разливающих похлебку в мисы, бросали в них куски мяса и расставляли мисы на огромном серебряном подносе. На другое блюдо устанавливались ковшики с медовым взваром.

Меланья относилась поочередно подносы в трапезную, а тем временем девушки готовили новую перемену блюд.

Наконец, после того, как в трапезной загремели отодвигаемые скамьи и из помещения вышли все, кто там был, настало время передохнуть. Усталая Меланья села возле очага, опустив руки на колени. Праскена, старик истопник и Малуша смогли поесть сами, добывая остатки похлебки из горнцев.

Вечером, когда настала пора ложиться спать, Меланья повела Малушу в свою каморку, постелила рядом на сундук и сказала:

– Спать будешь здесь.

А сама села на свою лежанку и долго сидела, массируя натруженные руки.

– Уставать стала, – негромко проговорила она. – Скоро, видно, не смогу таскать тяжеленные подносы. Уронить боюсь...

– А почему Праскена вам не помогает? – спросила девушка.

Помолчав немного, ключница ответила:

– Куда уж ей! Непраздна³⁷ она... Княжич постарался. Молодой да ранний...

Но Малуша уже не слышала ее. Утомленная за день непривычной работой и новыми впечатлениями, она крепко спала.

Ей казалось, что она только что уснула, как почувствовала, что ее тронули за плечо.

– Вставай, девонька, пора приниматься за работу, – будила ее ключница.

Малуша открыла глаза. В поставце горела лучина, слюдяное окно было совсем темным.

³⁶ Дресва – толченый кирпич

³⁷ Непраздная – беременная

Началась тяжелая и суматошная жизнь в княжьем тереме...

В первом часу³⁸ после утренней трапезы на втором этаже княжеского терема, в Людной палате, воеводы, бояре, князья и тысяцкие решали вопрос о предстоящем походе на вятичей.

– Говори, князь Ракита, – обратилась Ольга к старейшему князю, участвовавшему еще в походах ее мужа князя Игоря.

Старый князь встал и, обращаясь к княгине, медленно заговорил:

– Вятичи давно упорствуют и не желают платить Киеву дань. Давно пора их образумить. Половцы также испокон веков рушат наши рубежи, немало от них пострадали. Да и хазары нам покоя не дают. Проучить их надобно. Да только опасаясь я, что надобен поход сразу на всех. Не надорваться бы. Людишек погубим немерено...

– Что предлагаешь? – остановила его Ольга.

– Вятичей не ратать, а дать им куну³⁹ и тем примучить⁴⁰ их. Пошто воев зазря терять?

– А ты что скажешь, черниговский князь Ставр? Ты соседствуешь с вятичами, да и половцы хаживают в твои владения, – с насмешкой спросила княгиня.

Князь Ставр нахмурился, встал и, сдерживая себя, проговорил:

– Дело говорит князь Ракита. Нынешний год у вятичей, да и у нас, выдался неудачный – Хоре⁴¹ осерчал и в червень⁴² пожар многие посева. Куна им ныне аки благо небесное. А печенегов устеречь тяжело, – оне без обозов, скажут, бесам подобно: появились, сволочат⁴³ и пропадают...

– Все ли согласны пойти к вятичам с куной, а не с мечами? – обратилась княгиня к подданным.

Присутствующие дружно закивали головами.

– Тысяцкий Любомир, как ты готовишь поход? – обратилась она к стоявшему рядом боилу⁴⁴.

– Сейчас по весям⁴⁵ разосланы загоны⁴⁶ собирать рать. Чинятся пороки⁴⁷. В корчайниках куется оружие...

– Зачем пороки? – вскочил со своего места княжич Святослав, но Ольга строгим взглядом усадила его на место.

– Продолжай, Любомир, – обратилась княгиня к Любомиру.

– Сейчас набираем лучших людей⁴⁸, собираем охочин⁴⁹, чадь⁵⁰.

– Позволь, княгиня, сказать, – обратился Святослав к матери.

Ольга улыбнулась, кивнула головой и махнула рукой, разрешая Любомиру сесть на свое место.

– Любомир, готовя пороки, имеет в виду рать против городов, – горячо начал Святослав. – Но мы решили не ратать с вятичами, у которых есть города, а будем биться со степняками – половцами и хазарами. Да, и у степняков есть города. Но для чего нам идти на дале-

³⁸ Первый час – семь часов утра по древнему счету

³⁹ Куна – заем

⁴⁰ Примучить – подчинить

⁴¹ Хоре – бог солнца

⁴² Червень – старославянское название июля

⁴³ Сволочить – грабить

⁴⁴ Бойл – военачальник

⁴⁵ Весь – деревня, село

⁴⁶ Загон – отряд, высланный с определенными целями

⁴⁷ Пороки – стенобитные осадные орудия

⁴⁸ Лучшие люди – подданные, которых посылают в дружину князя

⁴⁹ Охочин – добровольцы, охотники

⁵⁰ Чадь – челядь, то есть рабы, рядовичи, независимые смерды

кий Саркел? В этих голых степях, вдалеке от Киева, нас просто перебьют. Любомир готовит телеги, обозы... Они нам не нужны. Мы должны ратоборствовать, как степняки – быстрыми, неожиданными наскоками. Нападать, когда нас не ждут, быстро уходить до прихода основных сил противника. Бить его с неожиданных для него сторон, бить по частям.

Потому нам не нужна большая рать, нам не нужны безлошадные вой, не нужны необученные убогие⁵¹ людишки. Все везем с собой в тороках...

Все молчали, обдумывая слова Святослава. Бывалые воины, привыкшие к рубке в чистом поле в пешем строю, в сомнении качали головами: много ли помашешь тяжелым мечом, сидя на скачущем коне? Стоя на твердой матушке-земле, куда привычнее. А тут вон что выдумал... Непривычно как-то...

Святослав, словно прочитав их мысли, продолжил:

– Большая пешая рать хороша в поле с таким же пешим противником или при взятии детинцев⁵². Половцы и хазары не бьются пеши. Да и пешие ратники будут сдерживать комонников медленным ходом.

– Телесней⁵³ биться оплитами⁵⁴ привычней, – проговорил кто-то из князей. – Испокон веков так было...

– Вот и теряли людей немеряно, – откликнулся Святослав.

– Стало быть, возьмешь только комонников? – уточнила княгиня.

– Так, – коротко ответил княжич. – Двигаться будем лесными тропами негласно, кормиться давлениной⁵⁵.

– Что решаем, бояре, князья, воеводы? – обратилась Ольга к присутствующим.

– Добро... Мыслит здраво... Согласны, – послышались голоса.

– Дадим ли гривен, кун, резанов⁵⁶ из скарбницы⁵⁷? – снова спросила княгиня.

– Дадим... Как же без них... Добро, – снова все согласились с ней.

В один из дней подготовки к походу Ольга, находящаяся в светелке на первом этаже терема, стала невольной свидетельницей разговора, который вел ее сын с Асмусом, Чурилой и Любомиром, сидящими на лавке под окном. Говорил Асмус:

– Твой батюшка очень ловко использовал чело⁵⁸, соглядатаев...

– И мы также станем, – отвечивал княжич.

– Мне старые вой толковали, как бьются мадьяры, – продолжил рассказ Асмуса Чурила. – Впереди они всегда держали конные дозоры, а лагерь на ночь окружали стражей. Перед нападением осыпали врага тучей стрел, а потом налетали, аки соколы. Если враги устояли, они пускались в притворное бегство. Когда их преследовали, они разом оборачивались и кучно нападали на растянутый отряд преследователей. Помогал в этой сече засадный отряд, скрытый от врагов⁵⁹.

Утром, когда солнце словно бы играло с природой, то прячась за легкие облака, то выглядывая из-за них, начались сборы в поход.

Передовой отряд комонников и гридней грудился во дворе княжеского терема. Здесь же толкались женщины и дети, провожавшие своих родных.

⁵¹ Убогие – неимущие, нищие

⁵² Детинец – кремль, крепость

⁵³ Телесней – рукопашную (сражаться)

⁵⁴ Оплит – тяжеловооруженный пехотинец

⁵⁵ Давленина – мясо убитых животных

⁵⁶ Гривны, куны, резаны – деньги в Древней Руси

⁵⁷ Скарбница – казна

⁵⁸ Чело – передовые отряды

⁵⁹ Эту тактику мадьяр описал в военном трактате император Лев Мудрый (881–911 гг.). По сообщению доминиканского монаха Юстиниана, прародина мадьяр – Великая Венгрия – находилась в Башкирии и существовала примерно до XII в.

Малуша стояла подле отца и дядьев и пыталась передать кому-либо из них довольно объемистый кухоль⁶⁰ с сытой⁶¹.

– Так и степняки поступают, – заметил Асмус.

– Мы тоже станем заманивать их в засаду, – заключил Святослав.

– Ну, куда мы его пристроим, голова садовая? – уговаривал ее Корж. Все же расплещется, а кухоль разобьется...

– Ну, хоть попейте сейчас, – просила Малуша.

– Дай-ка мне, – усмехнувшись, успокоил девушку ее дядя Оскол.

Он отпил немного и передал сосуд Кожеме. Отпил и Корж, чтобы не обижать дочурку.

А потом он передал кухоль другим комонникам, а те, отпивая понемногу, пустили его по кругу. Вскоре пустую посудину возвратили Малуше.

– Ты не грусти особенно, – приобнял Корж дочку. – Как к тебе ключница относится, не обижает?

– Она очень добра ко мне, да и с Праскеной мы ладим.

– Вот и ладно, вот и добре, – поглаживал ее плечи отец. – Жди и не плачь.

– Как не плакать? – Малуша прижалась к отцу. – Одна остаюсь, бросаете меня.

– Ну, немного можно иногда всплакнуть, – по-доброму проговорил Остер. – Это, говорят, помогает.

– Праскева с Радой так ревели, что платно до сих пор от их слез не просохло, – пошутил Кожема.

– Вам-то все шутки, а нам-то каково? – отмахнулась от него девушка.

– Ты только слушай во всем Меланью, – поучал отец. – Она, я слышал, женщина хоть строгая, но добрая.

– Она ко мне, как к дочери, относится, – Малуша посмотрела на отца. – Говорят, что у нее никого нет на всем белом свете.

С крыльца княжеского терема неспешно сошли Святослав, княгиня Ольга и, поотстав от них, шествовал греческий священник Григорий.

Тут же рында подвел к крыльцу белого оседланного коня. Ни слова не говоря, княжич поклонился матери в пояс и, вскочив в седло, поднял правую руку с обнаженным мечом.

– Садись! – зычно крикнул Асмус, сразу пристроившись рядом со Святославом.

Вытянув руку вперед, княжич тронул коня.

По этой команде всадники осторожно и медленно тронулись к воротам. Провожающие цеплялись за стремя в надежде хоть еще миг побыть с родными мужчинами. Но ворота, словно сито, отжали провожающих, и вот уже копыта коней застучали по деревянному настилу моста.

Внизу на Почайне было темно от столпившихся людей, над которыми возвышались комонники, предводимые Чурилой.

Неожиданно кто-то тронул Малушу за локоть. Она вздрогнула и обернулась. Это была Праскена.

– Пойдем, ключница зовет, – сказала она.

Едва девушки вошли в помещение, где готовилась пища, Маланья распорядилась:

– Давайте, девоньки, поспешать. Скоро воеводы и бояре придут трапезничать, а у нас еще не все готово.

И как бы мимоходом спросила Малушу:

– Проводила родичей?

– Проводила, – вздохнула та. – Только они не взяли с собой сыту, а выпили все вместе.

⁶⁰ Кухоль – глиняный кувшин

⁶¹ Сыта – мед, разбавленный водой

– Ну и ладно, ну и хорошо. Мисы-то помыты у нас?

– Давно помыты и мисы, и ложки, – ответила Праскена.

– Пойди глянь, все ли ладно в трапезной, – обратилась Меланья к Малуше.

В это время Праскена, наклонившись над огнем, схватилась за живот и ойкнула.

– Э, девонька, не опростайся мне тут, – воскликнула ключница. – Ну-ка, присядь к дверце, подыши свежим воздухом, а мы уж тут вдвоем с Малой управимся.

Вечером, когда все дела были закончены и можно было отправляться спать, Меланья вдруг строго наказала Малуше:

– Пойди вымой пол в трапезной.

– Так я уже вымела там голиком, – недоуменно ответила Малуша.

– А я сказала вымой, да с дресвой, – жестко отрезала Меланья.

Малуша даже перепугалась: никогда до сих пор ключница не разговаривала с ней таким тоном. Не смея ослушаться, она налила в бадейку воды и вышла.

Оставшись вдвоем, Меланья спросила Праскenu:

– Может быть тебе сходить к бабке Барнихе? Она, говорят, помогает опростаться...

– Поздно уже. Я бегала к ней. Не хочет она в таком сроке грех на душу брать.

– А чего же я не замечала? Замоталась, видно, совсем, старая...

– Я затягивалась сильно.

– Так может он...

– Да нет, шевелится.

– Вот беда-то. Что же теперь будет?

– Не знаю, – заплакала Праскена.

– А родичи-то есть ли у тебя?

– Мамка и две сестрички помене меня.

– Ну, ладно, ладно, – старая женщина принялась успокаивать бедняжку. – Поди ложись, утро вечера мудренее, что-нибудь придумаем.

Когда Малуша вернулась в каморку ключницы, та в одном исподнем уже сидела на своей лежанке и неторопливо расчесывала свои редкие, тронутые сединой волосы.

Заметив состояние пожилой женщины, девушка спросила:

– Что-то случилось?

– Нет, нет. Ложись, – ответила та.

Дни катились за днями, седмица за седмицей... Малуша уже втянулась в однообразную и тяжелую работу, ей доверяли выходить с Меланьей в трапезную, расставлять мисы с варевом и убирать пустую посуду.

В один из дней, когда князя, бояре и прочий кормящийся у княгини люд, насытившись, разошлись, Ольга подозвала ключницу и спросила:

– Что-то я не вижу Праскены. Здорова ли она?

Меланья молчала, опустив голову.

– Ну! – грозно прикрикнула на нее княгиня.

Старая женщина вздрогнула, как от удара, и, не поднимая головы, тихо ответила:

– Трудно ей носить тяжелые подносы с варевом. Непраздна она...

– И кто же этот сластолюбец? – в гневе спросила Ольга.

Меланья дрожала от страха, зная грозный характер правительницы.

– Язык проглотила? – уже закричала княгиня.

– Княжич Святослав, – еле слышно пробормотала ключница.

– Та-а-ак! – стала остывать Ольга. – Добро, иди.

Через неплотно прикрытую дверь девушки слышали, как кричала княгиня и сидели в уголке, притихшие, словно мышки. Праскена молча плакала.

– Ой, что теперь будет? – Малуша поглаживала подругу по спине. – Что будет-то?

– Не знаю, – сквозь слезы отвечала Праскена и зарыдала уже в полный голос.

Вошедшая Меланья, какая-то согнутая, даже ставшая меньше ростом и постаревшая, села рядом с ними, зажав натруженные, все во вздувшихся венах руки между колен.

После долгого молчания она тяжело вздохнула и со стоном проговорила:

– Вот она бабья доля рабыни... И отказать нельзя, и сама же оказываешься виноватой... Я вот тоже была молоденькой да и с лица не дурной. Тоже приглянулась князю Игорю. Снасилничал...

Девушки замерли, слушая тяжкие воспоминания ключницы.

– И что? – тихо спросила Праскена.

– От тяжелой работы скинула ребеночка...

Видно воспоминания сильно расстроили женщину. Она встала и, не глядя на Малушу и Праскenu, бросила:

– Посуду вымойте, в трапезной приберитесь...

Старчески шаркая ногами, она ушла в свою каморку, плотно закрыв за собою дверцу. А через тонкую дверь изредка стали слышаться тяжелые всхлипывания пожилой женщины.

Несколько дней ничего особенного не происходило и уже казалось, что все само собой успокоится и ничего плохого для Праскены не произойдет.

Меланья и Малуша, понимая состояние Праскены, старались сделать за нее самую тяжелую работу. Но несчастную девушку это не успокаивало: все чаще она тихонько плакала, несмотря на доброжелательное отношение товаров.

Княгиня Ольга тоже больше не интересовалась беременной рабыней и, казалось, что она все оставит по-прежнему и никакое наказание Праскenu не коснется.

Тем неожиданной стало решение правительницы убрать несчастную с княжеского двора.

Но в один из дней, когда утро только занималось и напротив Горы проявился противоположный берег Днепра, после окончания утренней трапезы, к женщинам вошел тиун и передал распоряжение княгини увести Праскenu в дальнее селище к матери.

– Когда ее забирают? – спросила Меланья.

– Лошадь уже запрягают, – ответил тот. – Так что пусть собирается.

Меланья молча кивнула головой и сказала Праскене:

– Собирайся, девонька. Такая уж, видно, у тебя судьбина.

Праскена медленно осела на пол и зарыдала.

– Ну, что ты, что ты! – Меланья погладила девушку по голове. – Слезами горю не поможешь. – Такая уж судьбина у нас, рабынь.

Малуша стояла в стороне, замерев от горя и бессилия. По ее щекам текли слезы.

– Помоги мне собрать ее, – обратилась к ней ключница.

Малуша заметалась, не зная, что делать.

– Не суетись, – остановила ее Меланья. – Вон постиранные ее вещи положи в сундучок. Приготовь пару коржей хлеба, вяленого мяса. Налей в кухоль сыта...

Едва женщины успели собрать вещи и еду Праскене, как сзади терема показалась телега. Рядом верхом на лошади сидел тиун.

– Ну, готовы? – спросил он. – Шевелитесь, до тьмы надо успеть добраться до места.

Малуша и Меланья помогли Праскене подняться. Несчастная девушка уткнулась в грудь ключнице и зарыдала пуще прежнего.

– Ну, ну, – успокаивала та ее. – Везде люди живут, не пропадешь...

Малуша тоже прижалась к подружке и тихо плакала, обливая сарафан Праскены слезами.

– Долго вы там? – осерчал тиун.

– Ну, иди, иди, – отпустила Меланья несчастную. – Иди и не отчаивайся. Все наладится.

Праскена забралась на телегу, куда была брошена охапка сена.

– На-ко вот, княгиня передала, – тиун нагнулся к ней с коня и передал небольшой узелок. – Тут резаны, пригодятся на первое время...

Княгиня Ольга нервничала. Она беспрестанно ходила вдоль окон Людной палаты и изредка останавливалась возле доспехов покойного мужа.

«Господи, – думала она про себя, – ни одной родственной души рядом, ни одного надежного человека. Каждый думает только о себе, о своем благополучии. Григорий? И этот думает только о своем, – крестить всех россиян, не соображая, что не так просто переломить вековое верование в идолов, так и до бунта недалеко. И это при том, что все время приходится ждать набегов то печенегов, то хазар, то византийцев, то мадьяр... Да и свои князья волками глядят, – каждый хочет стать независимым от Киева.

Вон доносили, что при покойном Всеславе некоторые князья тайно собирались и о чем-то сговаривались. Не Всеслава ли хотели поставить во главе княжества? Но, слава Богу, его уже нет...

Соперницы за спиной только и ждут, когда оступлюсь. Ну, ладно, Прекрасу я надежно упрятила, она не страшна. А вот тихоня Милана... Не напрасно говорится: в тихом омуте черти водятся. Не зря же она строит глазки боярам да князьям. Или это молодая плоть играет?

Нет, надо приблизить к себе кого-нибудь из верных и надежных людей. Из знатных? Нет, каждый из них велеречив и покорен, а в мыслях только и думает, как бы возвыситься над другими. А может быть, из простолюдинов? Так они веса не имеют...»

Увидев проходящего по двору старого истопника, тащившего охапку дров на кухню, она крикнула ему:

– Пришли ко мне ключницу.

Тот молча кивнул головой и поспешил исполнить приказание княгини.

Вскоре в Людную палату вошла запыхавшаяся Меланья.

– Звала, матушка? – спросила она.

– Отправили Праскену?

– Да, еще третьего дня. А обратно привезли двух молодых девчонок мне в помощь.

– А какова Малуша? Таровата ли? Исполнительна? Замечена ли в чем предрассудном?

– Чистая, непорочная душа. Светлая, добрая, – готова последним пожертвовать для других, – подумав, ответила ключница. – Хотела бы я иметь такую дочь. А уж услужлива...

– Пришли ее ко мне, – распорядилась княгиня. – Будет у меня в услужении.

– Как прикажешь, матушка, – поклонилась Меланья. – Когда прислать?

– А вот как отобедаем, так пусть и приходит ко мне.

Ключница поклонилась и вышла. И уже в своем хозяйстве сказала Малуше:

– Княгиня распорядилась быть тебе при ней. Будь осторожна, девонька: у княгини нрав крутенок.

– Ой, что же будет-то? – испугалась та.

– Хитрить да ловчить ты не приучена. Так что все будет хорошо. Приблизила тебя княгиня, теперь и мной станешь распоряжаться.

– Как это? – недоуменно вскинулась Малуша.

– Ты же будешь ближе к княгине.

– Распоряжаться! – воскликнула девушка. – Я вас считаю навроде матушки. Родная-то погибла...

– Спасибо тебе, девочка, – растрогалась старушка. – И ты стала мне, как дочка. Своих-то детей мне не пришлось завести.

Женщины обнялись, смачивая слезами одежду друг друга. Наконец Меланья отстранилась и ласково проговорила:

– Что мы с тобой прощаемся, словно расстаемся навсегда? Чай станешь захаживать-то к старушке? Не забудешь?

– Да кто же от матери отказывается? – изумилась Малуша.

– Ну и ладно, ну и хорошо. Давай я тебе помогу причесаться, а то неловко появляться перед княгиней растрепой. Она ужась как не любит беспорядок...

Когда обед и все приготовления были закончены, ключница погладила девушку по голове и слегка подтолкнула к выходу:

– Ну, иди, дочка. Храни тебя Бог!

Забот в услужении у княгини было немало: нужно было следить за одеждой, время от времени вытаскивать ее из сундуков и проветривать, стирать, прибирать постель ко сну и убирать после сна, причесывать хозяйку, выполнять разные поручения...

Малушу работой было не запугать. Поначалу от непривычки она уставала, но потом втянулась и спокойно вставала засветло, едва ли не с первыми петухами.

Время от времени она забегала к старой ключнице хоть не на долгое время, чтобы поддержать старушку или просто поболтать. И каждый раз Меланья угощала новоявленную дочку чем-нибудь вкусненьким.

В один из тихих, спокойных дней, когда не предвиделось никаких срочных дел, княгиня Ольга сидела в одной из комнат на первом этаже, негромко беседуя со священником Григорием. Малуша в дальнем уголке протирала скамьи и подоконники.

Неожиданно за окном послышался топот копыт по деревянному настилу подъемного моста, и стали слышны переговоры привратных стражников. Но, о чем они беседовали, было не разобрать. Вскоре разговор стих, и глухой конский топот раздался уже со стороны двора.

– Малуша, глянь, кого это принесло? – обратилась княгиня к девушке.

Малуша, ни слова не говоря, тут же выбежала из терема и почти сразу же вернулась обратно.

– Посыльный от князя Святослава, – возбужденно проговорила она.

– Зови его сюда, – распорядилась княгиня.

Малуша снова выскочила наружу и вернулась с запыленным комонником.

– Я пойду к себе, – начал было Григорий, но Ольга остановила его:

– Какие тут секреты, сиди. Говори, – обратилась она к комоннику.

Тот, поклонившись, начал рассказывать:

– Княжич приказал сказать, что до вятичей добрались без особых трудностей...

– Без особых? – перебила его Ольга. – Значит, что-то произошло в пути?

– Так, небольшие стычки с лесными татями. В одной из них князя выручил комонник Корж с братьями – загородили князя от стрел своими щитами, а потом порубили тех мечами. После этого княжич приказал им быть все время рядом с собой. Ныне он и спит на привале в их окружении.

Услышав это, Малуша повернулась к рассказчику и зарделась. Ольга также повернулась к ней и слегка улыбнулась.

– Что, вятичи согласились платить нам дань? – спросила она воя.

– Они поначалу опасались половцев, но, когда княжич предложил им совместный поход на них и обещал оставить небольшую дружину для защиты, согласились выступить вместе.

– Твой сын оказался неплохим переговорщиком, – заметил священник.

Ольга ничего не ответила ему и продолжала пытаться комонника:

– Так они пошли на половцев?

Комонник замялся, опустив глаза.

– Что случилось, говори, – твердым голосом произнесла княгиня.

- Когда стали собираться в поход, вятичи решили помолиться своим богам.
- Идолам? – спросил Григорий.
- В ответ посланец только кивнул головой.
- Не тяни, – потребовала Ольга.
- Пока молились, прискакал гридень из дозора, упредил, что показались половцы. Отбили от них, но четверо гридней из дозора были утнуты⁶²...
- А после? – нетерпеливо спросила Ольга.
- Через три дня Святослав со своей дружиной и вятичи с ихним кметом⁶³ пошли на половцев. Меня же послали к тебе, княгиня.
- Одного? – удивленно вскинула брови Ольга.
- Нет, троих, – ответил комонник. – Двоих я оставил на Почайне – нечего им понапрасну болтаться на княжьем дворе.
- Добро, ступай пока, – отпустила его княгиня.
- Наутро в Людной палате собрались бояре, князья и тысяцкие. Ольга передала им новость от Святослава.
- Главного княжич достиг, – сообщила им Ольга. – Отныне последнее славянское племя станет платить дань нам, а не диким степнякам. От этого Киеву, а значит, и нам с вами, великая корысть.
- Присутствующие зашептались, обсуждая благую весть. Подождав, когда перешептывание утихнет, княгиня продолжила:
- Не можно знать, как поведут себя вой вятичей. Посему полагаю, что надобно послать подмогу княжичу – в степях за Итиль-рекой надо оставить заслон, без подмоги княжичу трудно будет совладать с хазарами. Что скажете?
- После некоторого раздумья встал боярин Скор.
- С вятичами все ладно вышло. Это добре, – согласился он. – Половцев такоже следует упредить. А вот пошто нам ратать с хазарами? Последнее лето они особо не беспокоили нас. Людишек токмо напрасно погубим...
- Его перебил воевода Свенельд:
- Вражину надо бить, когда он не готов к набегу. Тогда его проще одолеть.
- Вам бы, варягам, только мечами махать, – взвился Скор. – А головы-то положат наши людишки!
- Я со своими людьми готов выступить хоть завтра, – осек его Свенельд. – Я готов послать две дружины с ярлом⁶⁴ Сваргом.
- Ну, вот и идите, – не отставал Скор.
- Ты, боярин, привык хитрить да ловчить, – вмешался в спор князь Ракита. – Рассуждаешь не как нарочитый муж⁶⁵, а подобно местнику⁶⁶. Думаешь только о своей выгоде, а не о всем обществе...
- Не тебе бы, князь, укор мне делать, – вспыхнул Скор.
- Князю Ставру потребно выделить своих комонников, – вмешался в разговор князь Ракита. – Подати с вятичей пойдут через его земли. Он и назначит мыту⁶⁷, добрую часть которой, как всегда, оставит себе...
- А ты не считай чужое добро! – вспыхнул черниговский князь.

⁶² Утнуть – убить

⁶³ Кмет – правитель области в Древней Руси

⁶⁴ Ярл – у древних скандинавов начальник дружины

⁶⁵ Нарочитый муж – именитый, знатный, принадлежащий к земледельческой знати

⁶⁶ Местник – обыватель, местный житель

⁶⁷ Мыта – пошлина за проезд или провоз товара

Княгиня подняла руку, призывая всех к спокойствию, и после того, как в палате установилась тишина, негромко сказала:

– Стыдитесь, мужи. Затеваετε распри, словно на торгу. Не о том печетесь. Не пособить Святославу мы не можем, иначе все наше воинство останется в хазарских степях. Пусть каждый боярин, воевода, каждый князь выделит по пять десятков комонников.

– Эка! – воскликнул черниговский князь Ставр. – Где же взять эти пять десятков? Прошлый раз княжичу дали...

– Может быть, попросить Свнельда отыскать у тебя людишек? – перебила его Ольга.

– Зачем мне варяг? – испугался Ставр. – Не доставало еще чужеземцев пускать в свои земли! Сами управимся.

– Вот и договорились, – заключила княгиня, вставая с кресла и давая понять, что прием закончен.

Когда все разошлись, Ольга прошла в свою светелку и приказала Малуше:

– Позови ко мне ключницу, а потом принеси кваску. Я пока прилягу, утомилась что-то...

Малуша стрелой полетела исполнять приказание.

Возвращаясь с квасом, она едва не столкнулась с выходящей от княгини Меланьей. Та посмотрела на девушку и загадочно улыбнулась.

Вскоре ключница вернулась, неся что-то завернутое в убрус⁶⁸.

– Возьми, – обратилась княгиня к Малуше. – Это тебе. Меланья, помоги ей обрядиться.

– Ой, что это? – воскликнула пораженная девушка.

– Пойдем, пойдем, я помогу тебе, – улыбнулась ключница. – Увидишь...

Вскоре Малуша, одетая в расшитое платно – подарок княгини – ворвалась в покои Ольги, упала на колени и, плача, стала целовать ей руки.

– Ну вот! Вместо радости – слезы, – с напускной строгостью проговорила княгиня. – Носи, а то, небойсь, и перемены-то нет праской⁶⁹. А теперь идите обе, дайте отдохнуть.

Женщины вышли, а Малуша продолжала плакать.

– Ну, чего ты новое платно мочишь? – обняла ключница девушку. – Радоваться надо...

– Да я радуюсь. Вон приехавший комонник рассказывал, что батюшка с дядьями спасли княжича от татей. Княжич приблизил их к себе...

– Вот видишь, как все складывается, – продолжала успокаивать Меланья названную дочку. – Ну, порадуйся, а мне надо бежать – за новыми стряпухами пригляд нужен...

Через несколько дней Киев отправлял новую дружину в помощь Святославу.

В то время, когда прилетевшие с юга птицы вили гнезда и начали высиживать птенцов, в Киев возвращались вой Святослава. Об их приходе упредили посланные вперед комонники, рассказавшие, что удалось захватить богатую добычу, пленных половцев и хазар. По этому случаю жители Подола оделись в лучшие одежды, все были взволнованы: у многих в дружине Святослава были отцы, братья, сыновья...

Стража на стенах и башнях Горы внимательно всматривалась вдаль, стараясь первыми углядеть прибывающих. И вот, когда день уже заканчивался и надежды на их возвращение сегодня, казалось, погасли, со сторожевой башни раздались крики:

– Идут вой! Вижу дружину! Возвращаются!..

Сейчас же весть разнеслась не только по Горе, но и по всей Почайне. От Подола и Перевесища понеслись звуки бил⁷⁰, народ, собравшийся было расходиться на покой, вывалился из жилищ, замелькали факелы...

⁶⁸ Убрус – полотенце, платок, скатерть

⁶⁹ Праской – не ношенной, в хорошем состоянии

⁷⁰ Било – доска, деревянный колокол

Подъезжающие комонники и гридни двигались в плотном людском коридоре, многие из них останавливались и сходили с коней возле своих хибарок, землянок или жилищ своих родственников или просто знакомых.

По выющейся вверх к Горе дороге поднимались княжьи гридни, впереди которых на белом коне ехал княжич Святослав в окружении близких воев.

Малуша, стоя позади княгини на ступенях княжеского терема, увидела отца, когда голова колонны въезжала в ворота. Корж ехал чуть позади Святослава.

Святослав с ближними воями подъехал к крыльцу терема и не спеша слез с коня. Он разительно отличался от того уноши, что уходил в поход. На его плечи было наброшено красного цвета корзно⁷¹, рука лежала на крыже⁷² меча. Повод его коня тут же принял его рында.

Подойдя к первой ступеньке крыльца, княжич остановился и низко поклонился матери. Потом поднялся выше и, подойдя к княгине, вынул из ножен меч и положил его к ногам Ольги.

– Прими, княгиня, покорность вятичей и нашу преданность тебе, – торжественно произнес он.

Малуша из-за плеч свиты княгини с восторгом смотрела то на отца, то на дядьев, то на княжича и видела, что родичи с удивлением и радостью также смотрят на нее.

Малуше очень хотелось побежать к ним, но она не могла нарушить церемонию встречи прибывших воинов. И только после того, как княгиня с княжичем стали заходить в терем, она на минутку подбежала к своим и прижалась к груди отца.

– Ну, ты совсем невеста! – похвалил ее дядя Кожема.

– Как повзрослела, как похорошела, – восхитился и дядя Остер.

– Откуда у тебя такое платно? – удивился отец.

– Княгиня подарила, – улыбнулась девушка.

– Ну, беги, а то княгиня хватится, – подтолкнул ее Корж. – Начнет сердать. Потом увидимся, – Святослав велел им быть в гриднице.

В Людной палате собрались все бояре, князья, воеводы, тысяцкие... Малуша не стала заходить в палату, а присела на скамью возле открытой двери.

Ей очень хотелось побежать к Меланье и поделиться своей радостью, но подумала: вдруг она понадобится княгине? Надо ждать...

Прошло довольно много времени, и наконец из палаты стали выходить приглашенные на встречу. Последними в створе двери появились Святослав с княгиней.

Увидев разряженную Малушу, Святослав обернулся к матери и спросил:

– Кто такая? Не узнаю...

– Малуша, дочь Коржа, – коротко ответила она.

– Дочь Коржа? – вскинул брови Святослав. – Хороша собой...

– Можешь пойти свидеться с батюшкой, – бросила княгиня Малуше, и девушка немедленно сорвалась с места, направляясь к гридне.

– Ишь, шустрая какая! – восхитился Святослав.

Ольга ничего не ответила, только сердито сдвинула брови.

Гридни, увидев красивую девушку, вразнобой закричали:

– Иди, красавица, к нам, мы тебя приголубим!

– Пойди-ка ко мне, уютка, я тебе что-то покажу...

Но Остер и Кожема остановили их:

– Это дочка Коржа и наша племянка. Кто ее обидит, то будет иметь дело с нами.

⁷¹ Корзно – плащ знатных людей в Древней Руси

⁷² Крыж (меча) – крестообразная рукоять (меча)

Гридни, хоть и успевшие принять хмельного вина, ссориться с братьями, приближенными к Святославу, не решились.

В сторонке уединились отец с дочкой.

– Тебя не обижают? – спросил Корж.

– Нет, все хорошо, – ответила та, ласкаясь к отцу. – Княгиня вон даже взяла меня себе в услужение и подарила новое платно.

– Баское, – похвалил отец.

– А тебя не ранило? – обеспокоенно спросила Малуша. – Все в порядке?

– А я тебе что-то привез, – хитро сощурился Корж.

Он вытащил откуда-то узелок и передал Малуше.

– Что это? – спросила она.

– А ты разверни, глянь.

Малуша развязала тряпицу и увидела красивые колтки⁷³.

– Ой, это мне? – воскликнула девушка.

– Тебе, Мала, тебе.

– Где ты взял такие?

– У половца. Он, видно, для своей жены у кого-то забрал.

– А какие они, половцы? Страшные?

– Дикие, – подумав, ответил отец. – Росточком помене нас будут, налетают стаяй, а телесней-то слабоваты. Чуть что – бегут без огляда... Глазки у них узеньки, словно щелочки. А страшные ли? Зевать с ними не след – тотчас стрелу схватишь. Стреляют они ловко.

– А хазары? – допытывалась Малуша.

– Такие же, как половцы. А ну их всех...

– Дальше-то что? – встревоженно спросила она. – Не пойдете в поход-то боле?

– Дак это, как княжич рассудит. Это не нам решать. Думаю, даст охолонуть.

– А как вы спасли княжича? Расскажи...

– И об этом ведомо?

– Комонник, которого вы прислали от вятичей, сказывал.

– Да лесные тати обстреляли нас. Ну, мы их и порубили. Ты лучше скажи: тебя точно не забижают здесь?

– Нет, нет... Только вот княгиня Милана бродит какая-то злая, все ей неладно.

– Помнит, как княгиня Ольга выслала Прекрасу. А сердится из-за безделицы.

К ним подошел молодой гридень Вогул и спросил Коржа:

– Так эта красавица твоя дочь?

– Да видишь, как незаметно из малого птенчика превратилась в голубку.

– Истинно голубица, – подтвердил гридень. – Сказывали дворовые, что нравом зело добра и ласкова.

Малуша зарделась от похвалы и попыталась спрятаться за отцом.

– А ты не робей, красавица, – не отставал Вогул. – По нынешним временам такие ахаты и лалы⁷⁴ не часто встречаются.

И, обращаясь уже к Коржу, добавил:

– Поговаривают, что вас распустят по селищам. В сей раз дается роздых. Ратать не станем.

– Надолго ли? – отозвался Корж.

– А тут за нас другие головы тревожатся, – ответил Вогул и, поклонившись Малуше, отошел.

⁷³ Колтки – подвески к женскому головному убору

⁷⁴ Ахаты и лалы – агаты и рубины

– Правда, что вы домой едете? – взглянула на отца Малуша.

– Пока от княжича ничего такого не слыхал, – ответил тот. – Только вот дома-то никто не ждет...

На глазах девушки показались слезы.

– Ну, ну, полно, – начал успокаивать ее отец. – Не мочи новое-то платно. Княгиня к тебе по-доброму относится, сыта, здорова, и то ладно...

– Маменьку вспомнила, – сквозь слезы проговорила она.

– Что уж тут сделаешь, видно, судьба у ней такая. А теперь иди, а то княгиня хватится, сердчать станет. Я-то рядом с тобой, повидаемся еще.

Малуша вытерла слезы и согласно покачала головой.

– Я пойду?

– Иди, иди...

Едва Малуша отошла, к Коржу подошел Вогул и спросил:

– Чего плакала-то?

– Мать вспомнила. Погибла она у нас ране времени. Медведь заломал.

– Беда, – посочувствовал тот.

В это время с задней стороны терема раздались вполношные женские крики.

– Что там случилось? – встревоженно спросил Вогул и вместе с Коржем побежал в ту сторону.

У притвора двери на кухню стояли и рыдали две молоденькие прислужницы ключницы.

– Там, – сквозь слезы они показывали внутрь кухни. – Там...

Мужчины вошли внутрь и в полумраке увидели лежавшую на полу Меланью. Она слабо стонала и пыталась встать, опираясь на локоть.

Вогул поднял старую женщину на руки, отнес в ее каморку и положил на лежанку. Та бессильно лежала и как-то жалостливо смотрела на окруживших ее мужчин, молодых помощниц и истопника, переводя взгляд с одного на другого. Губы ее слегка шевелились, но говорить она, видно, не могла.

На шум прибежала Малуша, присланная княгиней узнать, в чем дело. Увидев лежащую Меланью, она бросилась перед ней на колени и заплакала. Отец положил руку на плечо дочери и молча поглаживал ее.

– Надобно старуху-ворожею или волхва позвать, – медленно проговорил он.

– Я мигом сбегаю, – отозвался Вогул и выскочил наружу.

– А ты пойди, скажи княгине, а то она сердчать станет, что долго тебя нет, – сказал Корж дочери.

Малуша встала и, кивнув головой, молча вышла.

Через недолгое время в каморку вошла княгиня Ольга и, подойдя к лежанке, взяла ключницу за руку. На глазах Меланьи показались слезы.

– Позовите ворожею, – сказала княгиня, глядя на больную.

– Уже послали, – с поклоном ответил Корж.

Княгиня посмотрела на него долгим взглядом, но ничего не сказала. Потом повернулась к Малуше:

– Принимай ключи. Дело тебе знакомое.

После этого повернулась и вышла.

Растерянная Малуша замерла, не зная, что предпринять. Но отец кивнул ей, обнял, и она стала понемногу успокаиваться.

– Не уходи пока, – попросила она отца.

– Побуду, – коротко ответил он.

За дверью раздались негромкие голоса, и вот уже в тесную каморку вошел Вогул, приведший волхва и старуху-знахарку.

Чтобы не толкаться в тесноте, Вогул и Корж с Малушей вышли на свежий воздух. Девушка тихо плакала.

– Ну, полно, полно, – успокаивал ее отец.

– Она была мне вместо матери, – всхлипывала девушка. – У ней никого из родичей нет...

Вышедший из каморки волхв тихо проговорил:

– Отмаялась несчастная...

– Пойдем, старче, отведу тебя, – Вогул подхватил старика под руку и увел. Похоронили Меланью скромно и тихо. А у Малуши началась новая жизнь...

После вечерней трапезы Малуша испросила у княгини позволения пойти на празднование Ивана Купалы⁷⁵ и получила на это согласие.

Когда солнце начало садиться, на берегу речушки Почайны собралась молодежь. Было заметно, что некоторые уноши заранее приняли немного хмельного меда. Они ходили возле уноток, собиравших цветы, из которых плели венки, и пели праздничные песни. Даря приглянувшимся уношам эти венки, девушки пели:

*Носи, мой друг,
Носи, мой друг,
Не складывай,
Не складывай,
Люби меня,
Люби меня,
Не покидывай,
Люби меня.*

На другом конце поляны девушки выводили свою песню:

*– Святой Иван,
Что ты робишь?
– Ах, мой Боже,
Ляды полю.
– Святой Иван,
На что ляды?
– Ах, мой Боже,
Ячень сеять!
– Святой Иван,
На что ячень?
– Ах, мой Боже,
Пиво варить!
Пиво варить,
Сынов женить,
Дочек отдавать,
Пасаг⁷⁶ делить.*

⁷⁵ Иван Купала (Иванов день, Иван Травник) – рождество Иоанна Крестителя (24 июня/7 июля)

⁷⁶ Пасаг – приданое

Малуша веселилась вместе со всеми и совершенно неожиданно увидела возле себя княжича Святослава, одетого в простое платно.

– Подари венок, красавица, – с улыбкой обратился он к девушке.

– Э, нет! Венок в Иванов день дарят только почетникам⁷⁷.

– А я не гожусь в почетники?

– Ты – княжич, я – рабыня.

– В этот праздник я такой же, как и все. А ты не боишься колдуний и ведьм? Они в эту ночь выходят на охоту.

В ответ Малуша озорно запела:

*Вы катитесь, ведьмы,
За мхи, за болота,
За гнилые колоды,
Где люди не бают,
Собаки не лают,
Куры не поют, —
Вот там и место!*

Начало заметно темнеть. С шумом и прибаутками уноши начали собирать сухой валежник. Вскоре окрестности озарились пламенем костра.

Все сгрудились вокруг него, а когда пламя немного поутихло, молодежь начала прыгать через огонь, – считалось, что в эту ночь пламя очищает от всех накопившихся за год грехов.

За полночь молодые люди стали парами уходить в темноту леса. Святослав взял Малушу за руку и позвал:

– Пойдем, я покажу тебе поляну с красивыми цветами.

Поддавшись общему настроению, девушка, не ожидая подвоха, пошла за ним.

В стороне стоял Вогул и кусал губы, – он-то понимал, зачем ее уводят. Но противиться князю он не мог, да и понимал, что, согласно древнему обычаю, в Иванов день любая девушка имела право уйти не со своим почетником, а с любым уноком.

А в княжеском тереме греческий священник Григорий выпытывал у княгини, что творится в ночь Ивана-купалы, и, плюясь и ругаясь, направился в свою светелку. При свете свечи он записал на пергаменте: *«Егда бо приидет самый праздник Рождество Предтечево, тогда во святую ту ночь мало не весь град возмается, и в седах взбесятца в бубны и в сопели и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими. Плесканием и плясанием, женам же и девам и главами киванием и уст-нами их неприятен клич, все скверные бесовские песни, и хребтом их вихляния. И ногам их скакание и топтания; ту же есть мужем и отрокам великое падение, ту же есть на женско и девичье шептание блудное им воззрение, тако же есть и женам мужатым осквернение и девам растления».*

После праздника Иваны-купалы жизнь Малуши изменилась. Едва ли не каждый раз, когда княгиня Ольга выходила из натопленной бани со своей новой дворовой девушкой, а Малуша задерживалась прибраться в бане, в нее пробирался княжич Святослав...

Осень и зиму княгиня Ольга провела в Византии и вернулась в Киев ранней весной вместе с послами византийского императора Никифора.

Вместе с княгиней они убеждали Святослава усмирить дунайских болгар. Святослав, будучи прирожденным воином и начавший самостоятельно управлять государством, согласился и начал готовиться к походу. В отличие от своей матери, он не нуждался в советах бояр, воевод, князей и принимал все решения самостоятельно.

⁷⁷ Почетник – ухажер

И вновь на Подоле, на Почайне, на Перевесище стали собираться комонники, взятые из ближних и дальних селищ. Прибыли сюда и дядя Малуши Остер и Коже-ма, сообщившие, что Коржа оставили дома, так как у него разболелись раны, полученные в схватках с хазарами.

Вогулу также предстояло идти в поход, и в преддверии разлуки с молодой ключницей он старался как можно чаще видеться с ней.

В одну из таких встреч он убеждал девушку:

– Зачем ты нужна князю Святославу? Побалуется с тобой и бросит. Не ровня ты ему...

– Я понимаю: рабыня – не чета князю. Но что я могу поделать?

– Он нравится тебе?

– Молодой, сильный, красивый...

– Впереди – жизнь. Он женится, бросит тебя. Как ты будешь жить?

– Не знаю... Я понимаю все, но...

– Отказать не можешь?

Малуша опустила голову и молчала.

– Да, вот оно как, – вздохнул Вогул. – Князь – ему не поперечишь... Но ты знай, я всегда рядом с тобой. Мила ты мне, сил нет, как мила...

Малуша заплакала.

В этот раз дальний поход не состоялся. Гонцы с южных рубежей доложили, что зашевелились печенеги, разорившие несколько селищ. Поэтому князь Святослав направил свое воинство против них. Взяв отряд надежных комонников, Святослав устремился на южные рубежи государства...

К осени воинство возвратилось в Киев.

Малуша, оторвавшись от работы, наблюдала, как вой втягиваются в ворота ограды Горы.

Впереди ехал князь, державший в поводу пегую лошаденку, на которой сидела какая-то женщина. Сердце девушки замерло от неминуемой беды.

Она прикрыла ладошкой рот, чтобы не закричать. Князь тем временем подъехал к крыльцу терема, даже не взглянув на нее...

Малуша повернулась и убежала за угол амбара, чтобы никто не видел ее слез. «Кинул, кинул! – рыдала она. – Стала немилой...»

Здесь-то и отыскал ее Вогул, следивший за девушкой, как только въехал в теремный двор.

– Ну, полно, полно, – обнял он ее за плечи. – Слезами горе не смоешь. Так и должно было кончиться...

– Кого это он привез? – сквозь слезы спросила Малуша.

– Половецкую княжну. Сказал, что возьмет ее в жены.

– А как же я?

– Ты – рабыня, не свободная. Побаловался с тобой, и будя...

– Зачем, зачем так-то?

– Князь! Ему все позволено, – сердито сплюнул Вогул. – Когда возвращались и ночевали в степи, я хотел убить его...

– Убить? – вздрогнула девушка.

– Да, за то, что он сделал с тобой.

К ним подошел Кожема.

– Вот вы где укрылись, – мрачным голосом проговорил он.

Малуша вытерла слезы и спросила:

– А где дядя Остер?

– Остался в степи, – нехотя ответил он. – Печенежская стрела достала. Вот ведь горе какое...

– Что же теперь с Праскеной будет?

– Не знаю... Поможем как-нибудь, – ответил Кожема. – В беде не оставим.

– Ночью они напали, – вмешался в разговор Вогул. – Пеши подкрались и при свете костра многих побили. Хорошо, что еще стражники не спали, успели предупредить. Утресь-то мы отыскиали их в степи и перебили, только вот нашим-то побитым это не помогло.

В это время со стороны кухни раздались крики, призывающие Малушу.

– Ой, скоро трапезничать, а я здесь заболталась, – опомнилась она.

– Ты погоди, – задержал ее Кожема. – Я уезжаю в селище. Что отцу-то передать?

– Скажи, что у меня все хорошо, пусть не волнуется. О нем беспокоюсь...

– Я пригляжу за ней, – сказал Вогул, когда Малуша убежала. – Пусть Корж будет покоен.

– Не нравится мне, что Святослав глаз с нее не спускает, – задумчиво проговорил Кожема.

– Тут уж ничего не поделаешь, – вздохнув, проговорил Вогул. – Он – князь, а мы...

В народе не напрасно говорят: пришла беда – отворяй ворота. Так случилось и с Малушей.

Как было заведено, ключница приносила блюда во время трапезы и делала перемену блюд. Но она все чаще ловила на себе неприязненные взгляды половецкой княжны, перехваченной князем у степняков. Это было тем более неприятно, что жена Святослава все чаще поглядывала на пухнувший живот Малуши. Под этими взглядами девушка чувствовала себя так, словно совершила что-то постыдное, лицо ее покрывалось пунцовыми пятнами.

Проницательная Ольга с тревогой смотрела на эти перегляды и однажды позвала Малушу к себе.

– Готовь себе замену, – коротко проговорила она.

Малуша стояла растерянная, не понимая, чем провинилась перед госпожой. Потом упала на колени и еле выдавила из себя:

– Я в чем-то провинилась? Простите меня...

– Хозяйство ты ведешь ладно, я довольна тобой, – ответила княгиня. – Только не место тебе в тереме. Вон как смотрит на тебя половчанка Стрена, да и княгиня Милана давно тебя не любит. Чую, скоро они сплуются. А я должна надолго уехать в Византию по делам. Съедят тебя эти ведьмы... С отцом тебе будет покойнее...

– Что же мне делать? – Малуша вскинула глаза на княгиню.

– Отправлю тебя к отцу, там тебе покойнее будет.

Через седмицу по наказу Ольги Вогул с двумя комонниками отвез Малушу в родное селище.

В назначенное богами время Малуша родила сына. Помогали ей в таком священнодействии Праскева и Рада, приняв на руки малыша. По наказу князя, ему тотчас сообщили о рождении сына.

В первое время Малуша не обращала внимания, что чаще всего помогать им с отцом в хозяйстве приходила Праскева. А когда кормила сынишку, она стала замечать, что при ней отец и тетка смущаются и стараются не смотреть друг на друга.

Наконец она не выдержала и однажды обратилась к ним:

– Что вы таитесь, словно унаки? Оба одинокие, оба любы друг другу. Жили бы вместе...

– Нам всем так будет легче? – спросил Корж, глядя на Праскеву. – Если Праскева не против...

Та стояла, потупив взор, не зная, что сказать.

– Да будет вам, как дети, право, – ответила за нее Малуша.

Неожиданно раздался конный топот, резко оборвавшийся возле их избушки.

– Кто бы это мог быть? – Корж выглянул в окошко и тут же отпрянул. – Батюшки-светы, сам князь!

Дверь распахнулась, в избу вошел Святослав.

– Здравы будьте, хозяева, – обратился он ко всем.

Те поклонились гостю, за всех ответил хозяин:

– И ты будь здоров, княже!

Святослав подошел к Малуше:

– Ну, кажи сына.

Та оторвала ребенка от груди и протянула его князю. Запищавший было мальчонка заплакал было, но на руках князя замолк и уставился на него светлыми глазенками.

– Ишь, признал отца, – ласково проговорил Святослав. – Как думаете назвать? Зардевшаяся Малуша проговорила:

– Так еще не решили, думаем.

– Думать нечего. Владимир – властитель мира. Так будет, княжич? – обратился он к сыну.

– Робичич⁷⁸ он, – робко проговорил Корж.

– Он – сын князя, мой сын, – твердо сказал Святослав.

Видя, что князь любит ребенка, Корж слегка подтолкнул Праскеву к двери, и они вышли наружу.

– Как ты? – Святослав глянул на Малушу. – Нет ли нужды в чем?

– Благодарствую, у нас все есть.

– Ну-ну, – только и ответил он. – А ты все такая же красивая, как и прежде. Малуша смущенно молчала, опустив голову, и лишь украдкой, исподволь, поглядывала на Святослава.

– Княгиня поклон тебе прислала. Помнит тебя.

– Она была очень добра ко мне. Тепло разливается в груди, как вспомню ее. Возле хаты Корж разговаривал с Вогулом и другими комонниками, с которыми хаживал в походы, когда раздался зов князя.

Вогул встрепнулся и пошел на зов. Войдя в избу, он молча поклонился Малуше, а на кивок князя вынул из-за пазухи какой-то сверток и положил на столешницу. В нем что-то глухо звякнуло.

Святослав махнул рукой, отпуская гридня.

Через некоторое время князь вышел наружу и обратился к Коржу:

– Береги ее, а пуще береги мне сына. Помню тебя – жизнь спас и верным товарищем был. А это кто? – кивнул он на Праскеву.

– Жена Остера, что погиб об печенежской стрелы, когда те ночью напали на нас. Теперича нам с Малушей помогает по хозяйству.

– Славный был вой, жаль терять таких, – Святослав похлопал Коржа по плечу. – Ну, берегите себя.

Князь, а за ним и комонники вскочили в седла и быстро поскакали в сторону Киева.

– Чем это он тебя одарил? – спросил Корж, войдя в избу и указывая на сверток.

– Глянь, – бросила Малуша, пристраивая ребенка к груди.

Едва управились с весенним севом, как в селище рода Коржа приехал тиун с несколькими обельными холопами⁷⁹.

– Чего это они? – дивились люди. – Для полюдья рано.

⁷⁸ Робичич – сын рабыни

⁷⁹ Обельный холоп – раб

– Кто же знает? – пожала плечами Праскева.

– Кабы в поход, то прибыл бы гридень или тысяцкий, – рассуждал Корж.

Однако тиун со своими людьми молча проехал сквозь весь конец, ни с кем не заговаривая, а на пригорке, на околице, холопы стали воздвигать намет⁸⁰. А на следующий день в лесу застучали топоры и к намету стали стаскивать бревна.

На правах старейшины рода Корж подошел к тиуну и спросил, что задумали строить возле их родового селища?

Тиун, растелешенный от жары, сидел в тени намета на столце и рукавом вытирал пот с лица.

Поклонившись и назвав себя, Корж осторожно заговорил:

– Не сердчай на смердов – спрашивают: что это здатели⁸¹ робят?

– Не велено сказывать, – нехотя отозвался тот, а потом приказал принести ему холодненького сыта. – Да людишек пришли в помощь.

Спорить с тиуном – себе дороже! Пришлось местникам ежедневно носить князьему слуге и сыту, и хмельной мед. Но как ни хитрили люди, как ни пытали, тиун так и не сказал правды.

Местники понимали, что отделаться от тиуна они не в силах и до окончания стройки их не отпустят, работали в полную силу: надо было успеть до уборочной. А тут еще новая напасть – тиун заставил готовить сено и метать его в стога.

К осени сруб был поставлен. Мало того, в просторном помещении были изготовлены и расставлены столешницы, лавки, лари...

Едва стройка была закончена, тиун с обельными холопами отбыли восвояси, оставив местников в полном недоумении.

А после того, как с полей был собран и обмолочен урожай, в селище верхи приехал тот же тиун. Сзади него лошади на телегах везли тех же обельных холопов. Возле избышки Коржа процессия остановилась, и тиун, не слезая с коня, приказал вышедшему Коржу:

– Выноси скарб и грузы на телегу. Велено твою хату сломать.

– Как это? – недоуменно спросил хозяин. – А мы куда же?

Стоявшие позади него Праскева и Малуша растерянно смотрели то на чиновника, то на Коржа.

– Ничего не знаю, – ответил, усмехаясь, тиун. – Мне так велено.

– Кем велено? – не отставал Корж.

– Великим князем. И не задерживайте меня, грузите скарб в телегу.

Корж и Праскева повернулись к Малуше. Та, услышав ответ тиуна, побледнела, по ее щекам потекли слезы.

– Святослав тебе ничего не говорил? – спросил отец.

Та отрицательно помотала головой.

Тем временем тиун продолжал поторапливать их:

– Давайте шибче, мне еще назад вернуться. Вон холопы вам помогут.

Делать нечего. Вконец расстроенные Корж и Праскева начали выносить вещи и грузить их на телегу. Холопы помогали их укладывать. Малуша замерла в сторонке, держа сына на руках.

Возле дома Коржа начали собираться родственники.

– Что случилось? – спросил Кожема брата.

– Ничего не понимаю, – пожал тот плечами. – Велено освободить избу, ее рушить станут.

⁸⁰ Намет – шатер

⁸¹ Здатель – строитель

– Кто велел-то?

– Молвит, что князь, – Корж кивнул в сторону тиуна.

– Вона как! За то, что мы спасали его от неминуемой смерти. Может, в хату Остера переберетесь? – предложил брат. – Все одно она пустует...

– Не велено. Приказано собирать скарб, тиун повезет, куда указано.

После того, как была вынесена последняя вещь, лошади тронулись вдоль конца селища.

Следом за телегами молча шли едва ли не все родичи Коржа. Рада с сыном шла рядом с Малушей.

Поднявшись на взгорок, тиун остановил процессию возле нововозведенной избы.

– Разбирайте добро, – торжественно проговорил он. – Отныне это ваше жилье, славный Корж.

Старейшина рода стоял несколько растерянный, не понимая, что делать, как быть.

Обельные холопы принялись разгружать телеги. Когда все было кончено, тиун повернулся к Коржу и сказал:

– Одну лошадь с телегой и двух холопов велено оставить тебе. Земля от избы до леса шириной на два стрельбища⁸² тоже твоя. Здрав будь, вой, князя Святослава и княгиню Ольгу благодари!

После этого он повернул коня, холопы, кроме двух остающихся, попрыгали на вторую телегу, и процессия, ведомая всадником, двинулась в сторону Киева.

Корж непонимающим взглядом смотрел на родичей, не зная, что предпринять, что сказать.

Первой пришла в себя Рада. Она подхватила Малушу и Праскеву и озорно предложила:

– Пойдем, девоньки, смотреть новое жилище. Ишь, терем-то какой!

Родичи Коржа стояли, смотря вслед удаляющемуся тиуну и осмысливая происшедшее. Наконец Кожема промолвил:

– Богатая дарница⁸³!

– Да, – поддержал его кто-то в толпе. – А что делать думаешь, Корж, с землями – прежней своей и Остера? Что со старыми избами делать мыслишь?

– Погодите, други, дайте охолонуть, – отмахнулся старейшина. – Ну, учудил князь! Как быть, ума не приложу. Слишком неожиданно все случилось. Дайте в себя прийти...

Перемены, произошедшие в роду Коржа, изменили привычный уклад жизни в селище. Обельных холопов, подаренных князем Святославом, старейшина поселил в старой своей избе и в избе погибшего Остера. Им же были отданы и клинья земли, которые обрабатывали бывшие хозяева. Вскоре нашлись и жены для них – вдовы погибших в походах воев. Но четверть собранного урожая эти новоселы были обязаны отдавать в родовой амбар, зерно из которого выдавалось по распоряжению Коржа наиболее нуждающимся селянам.

Такое решение брата Кожема воспринял с обидой: он считал, что отданные холопам избы и земли должны быть разделены между братьями поровну.

Свое недовольство он не высказал Коржу, но от жены Рады его ворчание дошло до старейшины рода, и тот, чтобы избежать распрей, на деньги, подаренные князем, купил Кожеме корчайницу⁸⁴.

⁸² Стрелище – зд.: расстояние в полет стрелы, выпущенной из лука

⁸³ Дарница – пожалованная земля

⁸⁴ Корчайница – кузница

Кожема и без того не очень охотно брался за рукояти рало⁸⁵, поэтому с превеликим удовольствием принялся за новое дело и вскоре стал едва ли не самым известным в округе умельцем, изловчившимся даже наносить чернь⁸⁶ на крыжах мечей.

Стан, один из обельных холопов, оказался весьма искусным скудельником⁸⁷, особо хорошо у него получались большие и маленькие плосквы и горнцы⁸⁸, а также глиняные сви-стульки для ребятишек.

Род богател, и Корж мог быть доволен установившимися в селище порядком и достатком.

В последнее время в селище заходили и скоморохи, веселя народ потешками. Особенно они нравились маленькому Владимиру, задорно смеявшемуся над глупыми боярами и князьями, высмеиваемыми скоморохами.

Князь Святослав время от времени присылал какого-нибудь гридня, чтобы проведать, как поживают Малуша с сыном. Гридень обычно привозил то небольшой деревянный меч со щитом для Владимира, то красивое портно из адамашки⁸⁹ или альтабаса⁹⁰ и неперменный дар для Коржа.

Каждый раз гридень сажал маленького Владимира на коня впереди себя, и они мчались по полям и лугам так, что ветер выбивал слезы из глаз. Мальчишка хохотал от удовольствия и кричал:

– Еще! Быстрее!..

А потом, ссаженный на землю возле переживавшей за него матерью, восхищенно смотрел на коня и гридня и спрашивал:

– А когда я поеду один?

– Попроси деда научить тебя управлять конем, – отвечал гридень. – Он был одним из лучших комонников у князя.

В то время, когда их навестил Вогул, Малуша узнала от него, что половецкая княжна родила Святославу сына Ярополка, а вторая жена, младшая дочь боярина Крыжа, родила еще одного сына – Олега. Вогул, как мог, успокаивал погрустневшую девушку:

– Что тут поделаешь? Он – властитель, ему многое позволено, не то что нам, его подданным. Важно, что он не забывает тебя и Владимира.

Перед отъездом он отвел Коржа в сторону и под большим секретом сообщил:

– В княжьем тереме поговаривают, что Святослав в беседе со своей матерью, княгиней Ольгой, толковали о том, что пора бы взять к себе Владимира, чтобы воспитывать в нем будущего князя...

– Как это – забрать дитя от родной матери? – воскликнул Корж. – Он же робичич...

– А кто нас спросит? – вздохнул Вогул.

– Что же делать-то? – почти простонал старый комонник.

– Остается смириться. Хорошо, что его забирают в княжий терем, будут готовить княжича, а не обельного холопа. Держись, вой. Такая уж у нас судьба – быть подневольными...

С этими словами Вогул сел на коня и уехал.

– Что же я скажу Малуше? – обхватив седую голову, стонал старейшина рода. – Забрать единственного внука, кровиночку...

⁸⁵ Рало – соха

⁸⁶ Чернь – черная эмаль по металлу

⁸⁷ Скудельник – гончар

⁸⁸ Плосква и горнец – плошка и горшок

⁸⁹ Адамашка – ткань из Дамаска, камка

⁹⁰ Альтабас – ткань из Греции, Венеции

Вогул уехал, а Корж еще долго сидел на обрубке бревна, боясь, что по его виду дочь может догадаться о неминуемой беде.

Вышедшая из избы Праскева спросила:

– Что-то стряслось?

– Позови-ка сюда Владимира, – вместо ответа попросил он.

Когда мальчик подошел, дед оседлал своего старого коня, на котором он ходил в походы на вятичей, половцев, хазар и печенегов. После этого старик посадил внука в седло, взял в руки повод и, придерживая мальчонку за платно, сказал:

– Ну, привыкай управлять конем. Бери повод...

– Не расшибется? – забеспокоилась Праскева. – Вдруг конь понесет.

– Куда уж ему, – только и ответил Корж.

А потом, вернувшись с прогулки, он отправил мальчика к матери, а сам, присев рядом с Праскевой на бревно, признался:

– Беда у нас, Праскева. Князь хочет забрать сына себе. Надо как-то подготовить Малушу.

– Батюшки-светы! – всплеснула руками женщина. – Что же теперь будет? Горе-то какое...

– Что будет, то будет, – вздохнул он. – Тут мы ничем не можем помочь. Ладно, пошли в избу. Пока помалкивай.

В доме Малуша возилась возле печи, маленький Владимир скакал на деревянном коне, выструганном дедом...

То ли от горя, то ли от времени, то ли от повседневных забот засеребрилась голова Малуши. Это была уже не та бойкая и смышленная унотка, которая давным-давно вскружила голову князю Святославу.

Кожема и Стан, изредка наезжавшие в Киев торговать своими поделками, рассказывали, что Владимир живет вместе с братьями в княжьем тереме, что и Святослав, и сама Ольга относятся к нему, как к равному с другими княжичами, но княгиня все-таки больше благоволит к сыну Малуши.

Одно только плохо: сын половецкой княжны Ярополк растет кичливым и вздорным и особенно задирается к Владимиру, называя его робичичем.

Другой же княжич Олег, боярский сын, растет тихим и добрым, и ему достается от Ярополка не менее, чем Владимиру.

Рассказывали, что Святослав без конца находится в походах – то идет на болгар, то на наглых печенегов, без конца насакивающих на южные рубежи государства. И каждый раз его поход оказывается удачным.

Говорили, что Святославу так понравилась болгарская земля, что он хотел было перенести столицу из Киева в Доростол, но этому воспротивилась княгиня Ольга, и ему пришлось отступить.

Однажды в селище нагрянули гридни и стали забирать здоровых мужей в комонники, – Святослав готовился в очередной поход. На этот раз, по просьбе Византийского императора Никифора, он решил пойти на усмирение дунайских болгар.

Без ушедших мужей селище словно осиротело. Все реже стал слышен смех, даже ребяташки присмирели и грудились около старых мужей, вроде Коржа, слушая их рассказы о былых походах.

Уход основных работников ухудшил благосостояние людей. Сильных коней забрали, поэтому весной волочить рало приходилось женщинам и старикам, впрягаясь по трое-четверо. Да только много ли они могли вспахать? Большинство полей так и осталось нетронутыми. Немного помогала рыбная ловля, да только на одной рыбе телесной крепости не

прибавится. Хорошо, что от каждой семьи брали только по одному человеку, оставляя дома уношей.

В семействе Коржа работали все – он, Малуша, невестки Праскева и Рада и оба обельных холопа. И это помогало не только кормить себя, но и помогать тем, кто не сводил концы с концами. Кожема, по наказу князя, был постоянно занят в корчайнице изготовлением мечей.

В эту тяжкую пору надорвался на пашне старейшина рода Корж.

В один из дней, когда Праскева, Рада и Малуша волокли за собой рало, они почувствовали, что неожиданно плуг выскочил из земли, а отсутствие упора едва не кинуло их на пашню.

Обернувшись, они увидели, что старик лежит на земле, жадно хватая ртом воздух.

– Батюшка, что с тобой? – вскричала Малуша, но старик только что-то мычал, понять его было невозможно.

Испуганная Праскева побежала в селище звать родичей, но когда те прибежали, Корж был уже мертв.

Похоронили старого воя рядом с его отцом Виртом и дедом Антом. Старшинство в роду принял на себя Кожема.

В ночь после похорон, оставшись одни в просторной избе, Праскева и Малуша горевали возле лежанки покойного Коржа. Слабо потрескивала лучина в поставце, бросая слабые отблески на стенах.

– Как же теперь жить-то без кормильца? – всхлипывала Праскева.

– Надеюсь на сына – вырастет, станет кормить и обиходить старую мать, – причитала Малуша. – Разумела, что стану нянчить внуков... Ан вон как вышло: ни отца, ни матушки, ни любого, ни сынишки...

Как бы ни велико было горе, только человек постепенно преодолевает его и продолжает жить, время от времени с грустью поминая прошлое и близких, ушедших из бренного мира.

Немалый груз забот осиротевших Праскевы и Малуши приняли на себя подросший сын Кожемы и Рады Прок и обельные холопы со своими семействами, ставшими по сути членами старинного рода.

Малуше казалось, что жизненный родник, источающий несчастья, исчерпан ею до самого доньшка, несмотря на то, что она обильно поддерживала его силы слезами горя.

Но оказалось, что в этом роднике сохранились еще силы и он способен выбросить из себя еще толику неприятностей.

Пролетело три лета с тех пор, как похоронили старого Коржа, жизнь, казалось, вошла в новое русло, Малуша жила только памятью о сыне, который время от времени напоминал о себе, присылая с оказией небольшие подарки, а то и небольшую денежку от дряхлеющей княгини Ольги.

В один из мрачных осенних дней, когда серые облака, словно пуховой периной, укрыли землю от солнца, в селище въехал одинокий всадник. Он неспешно проехал вдоль изб и остановился у избы Малуши.

Тяжело сойдя с коня, он какое-то время стоял перед дверью, а потом негромко постучался. Дверь ему открыла Праскева, которая подслеповатыми глазами смотрела на чужака.

– Не признаешь меня, Праскева? – глухо спросил тот.

И скорее по голосу, чем по виду, женщина узнала в нем заметно постаревшего гридня.

– Вогул, никак ты? – удивленно спросила она.

– Я, Праскева, я, – кивнул тот. – Малуша-то где?

– Заходи, заходи, мы сейчас как раз снедаем, – пригласила она. – Поснедай с нами.

Сидевшая за столом Малуша в полумраке тоже не сразу признала гостя. И только когда тот оказался возле окна, узнала его.

– Вогулушка, какими судьбами? – всплеснула она руками. – Где ты пропадал до сих пор? Где тебя носило?

Мужчина подошел к ней и слегка приобнял. После недолгой паузы он с грустной улыбкой сказал:

– Так ведь в один момент все не расскажешь.

– С горем или радостью? – прошептала Малуша.

– Долго рассказывать, – вздохнул Вогул. – Примите ли странника?

– Садись с нами снедать, – пригласила Праскева, уставляя перед ним плоскву с кашей. – Отдохни, охолонь с дороги.

– Ну, рассказывай, что да как, – заторопила его Малуша. – Как ты, как княгиня Ольга, как Святослав, как Владимир? Все ли ладно у них?

– Да не тараторь ты, словно сорока, – остановила ее Праскева. – Дай человеку в себя прийти. Пусть поест для начала...

Рассказ Вогула оказался долгим и растянулся до самого утра.

– Когда в Киев прибыли византийские послы просить помощи против придунайских болгар, княгиня Ольга сразу дала им свое добро. Еще бы – она не раз бывала в их землях, пригласила с императором Никифором и даже крестилась там, приняв христианство. Ну, а Святославу только свистни, – для него поход – это сама жизнь.

Для нас все сложилось удачно. Болгары-то не особо и сопротивлялись. Остановились мы станом в Доростоле. Святославу так понравились эти места, что он задумал перенести сюда столицу из Киева.

Правил он там по-доброму, так, что местные болгары души в нем не чаяли. Многие из наших и жили в их домах, а болгарки очень к нам расположились.

– А Святослав? – спросила Малуша.

– А что Святослав? Живой же человек. Взял себе в прислужницы несколько молодых девиц. Вот и тешился с ними...

Да только спокойная жизнь длилась недолго. Умер император Никифор, и на его место сел Иоанн Цимисхий, который невзлюбил Святослава и боялся, что он пойдет на Византию.

Он начал собирать армию, бунтовать болгар и наслал своих христианских проповедников в Доростол. Многие из наших там крестились, чтобы подластиться к болгаркам.

– А ты? – спросила Праскева.

– Все мои предки верили в наших богов. Я не व्यюнош, чтобы менять веру. Осадили нас в Доростоле. Вместе с нами на стенах дрались даже женщины. Но силы были неравны. И тогда Святослав согласился на переговоры.

Нам разрешили уйти, даже оружие позволили сохранить.

У нас было много раненых, поэтому князь распорядился отправить их домой вместе с теми, кто принял христианство. Невзлюбил он их.

А нас, небольшой отряд, он повел на печенегов. Хотелось ему как-то прикрыть свое поражение от Цимисхия набегом на печенегов.

Когда шли степью, видели их дозоры, но их каган не хотел вступать с нами в схватку. Мы чувствовали, что они не только следят за нами, но и тайно идут следом.

Женщины с замиранием сердца слушали рассказчика, а тот, отхлебнув сыта, продолжил:

– Мы остановились на Хортице – острове на Днепре, чтобы отдохнуть после дальнего перехода. Святослав считал, что протоки, окружавшие остров, защитят нас от неожиданного набега. Ну, мы и рассупонились. Ведь князь гнал нас все время вперед, почти не давая отдыха.

В лесу по окраине острова выставили дозоры только с той стороны, где не было порогов, там дозорных не ставили, – подойти с той стороны было практически невозможно.

В первую же ночь печенег перебрались на остров и напали, когда едва стало светать, врасплох...

Вогул замолчал, тяжело переживая воспоминания о тех событиях. А после небольшой паузы продолжил:

– Нас прижали к берегу и закидали стрелами. А потом мы сражались телесней. Мы сгрудились вокруг Святослава, закрывая его своими телами. Но он с мечом рвался вперед, расталкивая нас. Какой-то печенег пустил стрелу с близкого расстояния, и она попала князю в горло. Это был конец.

Битва сразу закончилась. Видно, печенегам нужно было убить именно его. Они прекратили битву и позволили нам сесть в лодьи, забрать тело князя и уплыть восвояси...

Говорить о том, что Святославу отрубили голову и печенег оставили ее у себя, Вогул не стал.

Малуша заплакала. Праскева, успокаивая ее, гладила Малушу по склоненной к столешнице спине. Замолчал и Вогул.

После того как Малуша стала успокаиваться, Праскева спросила:

– Где его похоронили?

– В Киеве, на Горе. После гибели единственного сына княгиня Ольга совсем сдала. Стала чаще молиться у икон вместе с греческим священником...

– Кто же теперь правит? – спросила Малуша.

– Ярополк. Невзлюбил всех, кто был с отцом. Набирает новых гридней и комонников, верных ему.

– Так тебя тоже выгнали из гридней? – спросила Праскева.

Вогул не ответил, а только опустил очи долу.

– Куда же ты теперь? – продолжала допытываться Праскева.

– Не знаю, – выдохнул тот. – Хотелось бы остаться рядом с вами, если не прогоните.

Праскева посмотрела на Малушу и, видя, что та не возражает, просто сказала:

– А оставайся-ка ты у нас, места хватит. А то без мужика двум бабам невыносимо тяжело вести хозяйство.

– Я бы с превеликой радостью, если Малуша не против, – он робко посмотрел на свою давнюю любовь.

– Оставайся, – кивнула Малуша.

В погожий день бабьего лета с поля к селищу лошади тащили телеги, груженные последними снопами жатого ячменя. Малуша, Вогул и семьи их обельных холопов вывозили последки урожая.

Вдалеке на дороге, выходящей из леса, показался всадник, потом второй, третий...

– Кого это несет? – удивленно проговорил Вогул, взяв на всякий случай в руку серп.

Вскоре стало заметно, что передний всадник одет в кумачевое расшитое корзно. Неожиданно он, увидев караван телег, резко повернул и наметом поскакал в их сторону. Холопы, глядя на Вогула, тоже вооружились серпами.

Еще издалека Вогул узнал его:

– Мала, это же князь Владимир, твой сын!

– Матушка! – кричал всадник. – Матушка!

Холопы остановили лошадей и, сдернув с голов шапки, склонились в поклоне.

– Здрав будь, Вогул! – мимоходом поприветствовал Владимир Вогула, сошел с коня и подошел к Малуше.

Та стояла, опустив руки, слезы ручьем катились по ее щекам.

– Матушка, – Владимир прижался к матери и целовал, целовал ее в щеки, в голову...

– Как ты здесь оказался? – только и смогла проговорить та.

– Ныне в Киеве княжит Ярополк. Олега отослал он к древлянам, а меня решил послать володеть Новгородом. Вот и спешу, чтобы не попасть в осеннюю распутицу.

– Как ты? – снова спросила мать, взяв в руки его голову и глядя ему прямо в глаза. – Может, зашел бы в дом, отведал материнской похлебки. Небойсь, забыл уже и вкус ее...

– Право, не могу. Поговаривают, беспокойно в Новгороде. Пожар легче тушить, пока он не разгорелся. Не сердчай, свидимся еще...

Владимир повернулся к ближнему комоннику и кивнул ему. Тот слез с коня, отвязал притороченную суму и подал князю. Владимир же положил суму на телегу и обратился к Вогулу:

– Береги ее, как сберег бы меня...

– Не беспокойся, князь. Костью лягу, но обидеть никому не позволю, – твердо ответил тот.

Поцеловав напоследок мать, Владимир вскочил в седло и махнул своему воинству. Вскоре всадники скрылись в облаке поднятой ими пыли.

– Словно сон, – пробормотала Малуша. – Мелькнул, словно и не был...

– Ишь, специально сделал крюк, чтобы с тобой свидеться, – обнял ее Вогул. – Помнит мать, не забывает. Вон и подарком оделил...

С тех пор Малуша, казалось, немного помолодела и повеселела, поминая при каждом случае своего Владимира, ставшего князем Новгородским...

Преобразился и Вогул, глядя на нее, порой в его глазах мелькали озорные огоньки, когда он подсмеивался над неловкостью полуслепой Праскевы.

Жизнь катилась словно по накатанной колее. Также в конце осени приезжали тиуны с плюдем, как и прежде Ярополк забирал мужей для походов, подростки уноши женились, унотки выходили замуж и рожали детей.

В подарке, переданном Малуше сыном, оказались богатые ткани и даже расшитые черевьи и платно, которыми Малуша поделилась с Праскевой и Радой, а несколько золотников⁹¹ отдала Кожеме на расширение корчайницы. Одарить Вогула не удалось, – он отказался принимать, посоветовал часть дареного отложить на «черный день».

Кожема продолжал работать в своей корчайнице, ему помогал подросток сын Прок и изредка приходивший размять косточки Вогул.

С такими помощниками Кожема мог чаще ездить с товаром на торг на Почайну, оставляя управляться сына и Вогула.

После одной из таких поездок Кожема уединился с Вогулом в корчайнице, отослав Прока по надуманному предлогу к матери. Сев на обрубок бревна, он стал рассказывать новости, привезенные из Киева:

– Княгиня Ольга совсем стала стара, без конца молится у икон и полностью отдала бразды правления Ярополку. А князь совсем рассвирепел – разогнал дружину отца, набрал новых ратников и комонников, верных себе.

Мало того, на Почайне бают, что он подослал головников⁹² к Олегу и те отравили его. Теперь он берет дань и с древлян.

– Ну и зверь! – воскликнул Вогул. – Брата загубить...

– И это не все. Намедни он послал большую дружину на Новгород...

– А этих пошто? – удивился Вогул.

⁹¹ Золотник – золотая монета в Древней Руси

⁹² Головник – убийца, преступник

– Ясное дело – и Владимира хочет также погубить, взять под себя и Новгород. А уж Владимир-то, бают, перепугался и даже в жертву Перуну принес двух лазутчиков Ярослава – Федора и Иоанна...

– Как это? – удивился Вогул.

– А вот так – забили их смерды камнями по его приказу. А ныне, как сказывали, Владимир удрал к свеям за помощью...

В это время за дверью раздался то ли всхлип, то ли стон... Кожема и Вогул выскочили наружу и увидели медленно удаляющуюся по тропинке Малушу. Она шла пошатываясь, прижимая руки к груди и изредка останавливалась. А потом стала как-то неестественно падать...

Вогул подскочил и успел подхватить ее. Опустившись на колени, он держал ее голову на руках. И вдруг, подняв голову вверх и страшно выкатив безумные глаза, не закричал, а как-то по-звериному хрипло завыл:

– А-а-а...

Кожема, опершись о косяк корчальницы, стащил с головы колпак и тихо сказал:

– Отмаялась, бедолага...

На острове Святой Елены

На маленьком скалистом острове Св. Елены, расположенном посреди Атлантического океана и принадлежащем Англии, в окружении нескольких сподвижников и слуг, Бонапарт прожил шесть долгих лет.

А. Широков. «Кто убил Наполеона?» («Литературная газета», 12 августа 1989 г.)

Если Наполеон любил когда-нибудь женщину страстно и неповторимо, то, конечно, это была Жозефина в первые годы после выхода ее замуж за него, бывшего моложе ее на шесть лет. Никогда и никого он уже так не любил, даже графиню Валуевскую, не говоря уже о других женщинах, с которыми вступал в короткую или более длительную связь.

Е. Тарле. «Наполеон»

Это черт знает что! Я уже проснулся, сидел на краю дивана, спустив босые ноги на пол, открытыми глазами смотрел в окно, а странный сон все еще продолжался. И был настолько реален, что я продолжал жить в нем как соучастник происходящего действия.

...С океана дул неприятный влажный и прохладный ветер, но, невзирая на ненастную погоду, император стоял у раскрытого окна, неподвижно глядя на разбушевавшийся океан. Сегодня по одному ему понятной причине он был одет в парадный сюртук и даже нацепил с левой стороны шпагу на перевязи.

Прошло уже более часа, а он, кажется, не замечал ни прохладного ветра, ни изредка залетающих брызг дождя, даже не пошевелился ни разу, привычно заложив руку за отворот жилета. Из слабо освещенной соседней гостиной, где в креслах сидели несколько приближенных к опальному императору людей, Наполеон был прекрасно виден на фоне более светлого окна.

– Все еще мнит себя императором и величайшим полководцем, – тихо обратился к отцу молодой граф Леонтио Лас Казес. – Сейчас он напоминает помпезный памятник, поставленный самому себе. Не правда ли, папа?

– Вы правы, сын, – ответил тот. – Только если подправить некоторые его физиологические недостатки – низко опущенный вздувшийся живот, женские бедра и короткие кривые ноги.

– Прекратите, граф, – остановил их генерал Гурго. – Право же, нехорошо злословить за его спиной. Это же несчастный человек – упасть с такой вершины!

– И все-таки в нем осталось что-то притягательное, – шепнула графиня Монтолан своей соседке леди Бертран. – Не правда ли, дорогая?

– О, да! – также шепотом ответила та, тайно наблюдая за бывшим правителем Европы. – Все та же горделивая осанка, орлиный подавляющий взгляд, заставляющий трепетать женские сердца.

– Господа, я беспокоюсь за его здоровье, – встревожился доктор О'Мира. – Он слишком долго стоит на прохладном и влажном ветру. Это может привести к воспалительным заболеваниям. У него и без того здоровье сильно подорвано...

– Так пойдите и скажите ему это, – обратился к доктору граф Бертран.

– Мне кажется, отвлечь Наполеона мог бы управляющий имением господин Киприани, – после некоторой паузы ответил доктор. – Он может придумать какой-либо бытовой предлог, чтобы обратиться к нему.

– Увольте, господа, – замахал руками тот и опасливо посмотрел на парадный портрет молодого Наполеона в бытность его Первым консулом Франции, висящий в гостиной. – Вы прекрасно знаете, как он не любит, когда его отвлекают в подобный момент.

– Я предлагаю попросить Человека из Будущего, – предложила графиня Монтолан, махнув веером в мою сторону, – для императора он человек новый, не попавший под его влияние.

– В самом деле, уважаемый, – обратился ко мне генерал Гурго, – не соблаговолите ли вы выручить нас из столь затруднительного положения?

Взгляды дам и остальных присутствующих обратились ко мне, заставив смутиться.

– Но я же не вхож в ближайшее окружение императора, – слабо возразил я.

– Это не имеет большого значения, – графиня Бертран отставила книжку и слегка повернула свою прекрасную головку в мою сторону.

– Как же мне называть его? – спросил я в некоторой растерянности. – Господин, гражданин, товарищ?..

– Называйте его, как и мы, – Ваше Величество или Ваше Превосходительство, – предложил генерал Гурго.

– Для вас он может быть и Превосходительством, и Величеством. Но я – русский, а именно мои предки потрепали его, и не мне его величать такими рабскими титулами, – возмутился я. – Тоже мне, Потрепанное Величество! У меня своя гордость за великороссов.

– Но вы же умный человек, – сладким голосом пропела графиня Монтолан, бросив в мою сторону игривый взгляд.

Ох, эти французские женщины! Они одним только взглядом способны покорить сердце любого мужчины. В такой просьбе невозможно было отказать, я направился к Наполеону, соображая, как начать разговор с ним.

Тот по-прежнему стоял, обратившись в сторону волнующегося океана.

Я встал несколько сзади и справа от него и после недолгой паузы негромко сказал:

– Море, как люди, – в вечном движении, и каждая волна, что человек, – то взлетит вверх, то падет вниз.

Наполеон резко повернулся и вопросительно посмотрел на меня, – не намекаю ли я на его судьбу?

Но я продолжал задумчиво смотреть в окно, не реагируя на строгий взгляд бывшего императора. Видимо, успокоившись, он негромко ответил:

– И предсказать, как поведет себя та или иная волна, невозможно.

– Да, если это касается простого человека, – заметил я.

– А человека необычного?

– Некоторые поступки таких людей предсказуемы заранее, и исход их зачастую предопределен.

– И мои решения в том числе? – заинтересованно обратился Наполеон ко мне.

– Тот, кто затевает масштабные войны, не задумывается о возможном конечном результате. И конец их в итоге трагичен. Достаточно вспомнить великих Атиллу, Кира, Дария...

– А как же Александр Македонский? – с ехидцей спросил мой собеседник.

– Ну, тот слишком рано помер и не успел дойти до своего логического завершения.

– В чем же моя ошибка?

– Главная – в том, что вы пошли на Русь. Эту страну невозможно завоевать силой оружия.

– А как же татаро-монголы, которые поработили вас на триста лет? – снова усмехнулся Наполеон.

– О, это было тогда, когда Русь не была единой, а состояла из разрозненных и неподвластных кому бы то ни было княжеств, нередко воевавших друг с другом. Да и сама страна сосредоточилась преимущественно на небольшом пространстве в Восточной Европе, а на правом берегу Средней и Нижней Волги, в степи, бродили отряды кочевников. Так что дорога на Русь была открытой. И еще: татаро-монголы эпизодически совершали короткие набеги на русские княжества и, пограбив и захватив пленных, убегали восвояси. На постоянной основе они никогда не находились на нашей территории. Долго держаться у нас они не могли...

– Потому что вы воюете не по правилам, – вставил бывший император.

– Вы имеете в виду партизан? – спросил я.

– Да, эту серую, дикую массу.

– У нас есть старинный опыт борьбы с агрессорами. Так и во времена татаро-монгольского нашествия захватчиков громили ушкуйники. Они на своих судах – ушкуях – спускались по Волге и били татар, а казанского хана даже заставили платить дань.

– Такие же дикари, как и партизаны!

– Перестаньте, – отмахнулся я. – В вас говорит обида, не более того. Когда в ваш дом забирается грабитель и начинает убивать стариков и женщин, грабить нажитое с трудом имущество, насиловать жену и дочерей, вы не станете задумываться о каких-то «правилах». Вы сделаете все возможное, чтобы прогнать или даже убить его.

После затянувшейся паузы Наполеон ответил:

– Возможно, вы и правы. Могу ли я предложить вам в честь знакомства бокал горячего грога? Тем более что становится все прохладней.

Мы вошли в каминную комнату и сели в кресла возле очага. Наполеон поднял руку, и тут же в каминную вошел камердинер Маршан. Отдав короткое распоряжение, Наполеон снова обратился ко мне:

– Россия представляется весьма привлекательной страной в плане своей огромности, людских и стратегических ресурсов. Но, наверное, вы правы в том, что этот огромный пирог нельзя проглотить целиком: страны Европы слишком слабы, чтобы освоить его. И невозможно откусить только один небольшой кусок и успокоиться на этом. Любой рачительный хозяин стремится залатать порванный сюртук, залатать прореху. Кроме того, ваш климат и культура вашего народа слишком отличаются от европейских и не могут быть совмещены в одночасье. И горе тому, кто задумает не просто совершить комариный укус, а с широко раскрытой пастью пойдет на вас, – он непременно подавится. Что, собственно, и случилось со мной и моей армией.

– К сожалению, не все это понимают, – ответил я.

– Были прецеденты после меня? – коротко спросил мой собеседник.

– К сожалению, – вздохнул я. – Немцы в середине XX века повторили вашу ошибку. В боине, развязанной ими, погибло около 50 миллионов человек.

– Глуп тот, кто не учится на чужих ошибках...

– Я обратил внимание, что у вас постоянно подавленное настроение, – я перевел разговор на другую тему. – И вы практически не обращаете внимания на прекрасных дам, живущих рядом с вами...

– Это не дамы, это – самки с постоянной плотской потребностью.

– Это же естественно, – возразил я. – Самой природой женщины стимулированы на размножение, что невозможно без физиологических контактов.

– К сожалению, их постоянная потребность в плотских наслаждениях приводит к распаду семей, в результате чего дети, произведенные ими, зачастую остаются сиротами, –

начал рассуждать Наполеон. – И здесь ничего нельзя поделать. Неверность заложена в их природе.

– Нельзя же всех женщин стричь под одну гребенку, – не согласился я.

– Я не имею в виду тех женщин, которые вынуждены постоянно работать, чтобы обеспечить свою семью. Этим не до безудержного секса, – продолжил свою мысль собеседник. – Но так называемые «дамы света», а попросту плесень общества, не работают, поэтому плотские наслаждения выпираются у них на первый план.

– Простите, вы намекаете на неверность Жозефины? – после недолгой паузы робко спросил я.

– Не только на нее, но и на многих моих женщин, равно как и на самого себя, – задумчиво проговорил он.

Я удивленно посмотрел на него. Тот, видя мое недоумение, пояснил:

– Все дело в новизне плотских ощущений и привыкании, после которого новизна пропадает, а человек, будь то мужчина или женщина, испытывает потребность в поиске и обновлении новой новизны наслаждений.

– Но существует нравственная и моральная ответственность перед плодами этих наслаждений, – возразил я. – Я имею в виду детей.

– Вот здесь и возникает коллизия: с одной стороны, долг перед детьми, с другой стороны, неистребимый человеческий эгоизм, когда человек в первую очередь думает о себе.

– Вы извините меня, но мне, человеку, интересующемуся историей, любопытно узнать, например, были у вас дети от Луизы де ла Плень?

– Господи, и эта ничем не примечательная женщина сохранилась в памяти потомков? – удивился Наполеон.

– Благодаря связи с вами, – польстил я ему.

– С этой ветреной женщиной у меня была мимолетная связь. Совместных детей не было.

– В наше время в соответствующих кругах рассуждают о наследственности на генном уровне. Как вы оцениваете способности ваших наследников?

– Никакими особыми способностями они не отличались, невзирая на то, что я предоставил им отличные стартовые возможности.

– Чем это объясняется?

– Я думаю, что они не воспитывались отцом непосредственно, а были предоставлены наемным воспитателям и учителям, личностям в какой-то мере ординарным.

Поэтому дети и не смогли унаследовать способности родителя. Взять хотя бы одного из моих сыновей, Шарля, графа Леона, человека пустого и совершенно бездарного. Впрочем, довольно об этом. Вы – человек из далекого будущего, недоступного для меня. Скажите, за двести лет появились ли в мире личности, сопоставимые по популярности со мной?

– Для меня до сих пор остается непонятным, почему наивысшей популярностью пользуются люди, отличающиеся крайним самомнением, амбициозностью, пренебрежением к своим подчиненным. С античных времен и до наших дней наиболее запомнились не, скажем, мыслители типа Фалеса, Анаксимандра, Геродота и иже с ними, а полководцы и правители-самодуры наподобие семейства Птолемеев, Нерона, Калигулы, Гая Юлия Цезаря...

– Вы и меня относите к этой когорте? – коротко спросил Наполеон.

– Вы же прекрасно понимаете, куда вас следует отнести, – я был безжалостен. – А самыми известными в последней истории были Ленин, Сталин, Гитлер, пролившие моря крови как своих, так и чужих людей.

– По их вине погибло больше людей, чем во время моего правления? – Бонапарт внимательно посмотрел на меня.

– Вы – агнец по сравнению с ними...

...В это время резко зазвонил телефон. Помотав головой, чтобы прогнать сновидение, я нехотя взял трубку, но не стал отвечать, а посмотрел на лежавшие рядом с телефоном книги Леонтия Раковского «Кутузов. Священной памяти 1812 года» и М.Н. Загоскина «Рославлев или русские в 1812 году». «Нет, больше нельзя читать до поздней ночи, – решил я для себя, – иначе можно свихнуться...»

Прощай, немытая Россия!

«Конец всему!» В этой фразе, которая срывалась сует не только малодушных, но и многих твердых людей, соединились все разнородные чувства и побуждения, беспредельная горечь потери, сожаление о погибшем, казалось, деле и у иных – животный страх за свою собственную жизнь.

А. И. Деникин «Поход и смерть генерала Корнилова»

Умирующие кони...

Осенью много их было, брошенных ушедшей за море армией добровольцев. Они бродили. Верховые и под запряжку. Молодые и старые. Рослые и «собачки». Лили дожди. А кони бродили по виноградникам и балкам, по пустырям и дорогам, ломились в сады, за колючую проволоку, резали себе брюхо. По холмам стояли – ожидали – не возьмут ли. Никто их не брал: боялись. Да кому на зиму нужна лошадь, когда нет корму? Они подходили к разбитым виллам, протягивали головы поверх заборов: эй, возьмите! Под ногами холодный камень и колючки. Над годовой – дождь и тучи. Зима наступает. Вот-вот снегом с Четырдага кинет: эй, возьмите!

Я каждый день видел их на холмах – там и там. Они стояли недвижно, мертвые – и живые. Ветер трепал им хвосты и гривы. Как конские статуи на рыжих горах, на черной синеве моря – из камня, из чугуна, их меди. Потом они стали падать. Мне было видно с горы, как они падали. Каждое утро я замечал, как их становилось меньше. Чаще кружились стервятники и орлы над ними, жрали живьем собаки...

И. Шмелев. «Солнце мертвых»

Город ликовал.

Над городом полыхал праздничный трезвон церковных колоколов, улицы были полны разряженными лавочниками, с балкона на победителей сыпались цветы и крики приветствий, гремели военные оркестры. При большевиках памятник Александру II задрапировали досками. Чьи-то руки уже сдирали эти доски, и чьи-то лбы уже стукались о гранитный пьедестал «царя-освободителя», а там, на окраинах, еще шла расправа с побежденными.

Артем Веселый (Кочуров) «Россия, кровью умытая»

В центре довольно большой комнаты, возле круглого полированного стола, покрытого белой с бахромой скатертью, стояла высокая стройная женщина в длинном платье. Лицо ее выдавало в ней породу, но несвежесть кожи выдавала, что дама на дальнем пределе балзаковского возраста. В руках барыня держала обтянутый темно-зеленым бархатом альбом с фотографическими карточками. Вид у нее был довольно растерянный, точно она не знала, что делать с этим альбомом, и взглядом рыскала по комнате, словно искала место для него.

От неожиданно прогремевших за окном выстрелов женщина вздрогнула и крикнула вглубь квартиры:

– Капитон, посмотри, что там случилось?

Но в этот момент в дверь позвонили, и тот, кого звала дама, пошел открывать. «Господи, кто там может быть?» – прошептала она и направилась в прихожую. В передней снимал с себя шинель седовласый мужчина в форме пехотного полковника.

– Володя, наконец-то! – она прильнула к нему. – Что там происходит? С тобой все в порядке?

– Все нормально, дорогая, – откликнулся он. – А стреляли – так это патруль прикончил двух дезертиров, грабящих скобяную лавку Кокшенова.

– Боже мой, когда все это кончится? – женщина снова прижалась к мужу. – Неужели нельзя навести порядок? Вы же – армия!

– Ну, полно, полно, – начал утешать жену полковник. – А что касается окончания беспорядков, то, боюсь, что это не пугачевский бунт, а значительно серьезней. Появился повод для самоуправства черни, и ее нельзя остановить никакой силой.

– Что, настолько все плохо? – тихо спросила жена.

– Да, второе татарское нашествие, когда не щадят никого, – слегка отстранил он жену. – Машенька, я ужасно проголодался, вели накрывать к обеду.

– Аглаша, – крикнула женщина в сторону кухни. – Готовьте обед.

– Слушаюсь, барыня, – донеслось оттуда, и тотчас же молодой женский голос распорядился: – Капитоша, накрывай на стол, у меня все готово.

Умывшись, полковник и жена сели за стол и в ожидании обеда вели неторопливую беседу.

– Неужели все так бесповоротно? – спросила Мария Игнатьевна.

– К сожалению, – ответил муж. – Я сейчас был в штабе. Растерянность полная даже среди офицеров-фронтовиков. А уж они, казалось бы, и не такого повидали.

– Но бунты были и ранее, и все кончалось благополучно...

– Все эти народные всполохи происходили на окраинах империи и не затрагивали армию. Их было не так трудно подавить или перенаправить на благое дело.

– Что ты имеешь в виду?

– Взять хотя бы Ермака. Бандитствовал до тех пор, пока не почуял над собой назревающий царский гнев. Вот тогда он по совету Строганова и направил свою банду на завоевание Сибири. И от царя откупился – завоевал новые земли и прислал богатые подарки – меха, золотые изделия бухарских мастеров, камни драгоценные. За что и был прощен. А сейчас бунт начался в столице, приближенные царя фактически предали его, подсунув публике сфабрикованное отречение с поддельной подписью императора... Армия фактически разложена...

– Неужели действительно все так безнадежно? – снова повторила Мария Игнатьевна. – И никакого выхода?

Полковник скосил глаза на денщика и прислугу, вздохнул и почему-то ответил полатыни:

– *Una salus est – misericordia dei nostril*⁹³...

– Ну, хорошо. Предположим, что таким образом чернь хочет выразить свое недовольство. Для этого совсем не обязательно выказывать такую жестокость, когда пошли брат на брата, сын на отца, когда гибнут женщины, дети, старики...

На этот раз муж ответил по-французски:

– *A la guerre a la guerre*⁹⁴.

– Что же ты предлагаешь нам делать?

– Я договорился в штабе, что мы вместе с моим полком отправляемся в Крым. Эшелон уже бронирован, нам будет предоставлено отдельное купе.

– Господи, когда все это кончится? – вздохнула Мария Игнатьевна. – Все бежим, бежим куда-то. Когда же остановимся, наконец? О Саше слышно что-нибудь?

⁹³ Единственное спасение – милосердие Божие

⁹⁴ На войне, как на войне

– Ничего нового. Их часть базируется в Джанкое. Задержали на переформирование.
– Ох, как бы хотелось увидеть сына, остановиться где-нибудь и больше не удирать с места на место...

– М-да, – только и проговорил полковник. Вот уж, действительно, в России идет по принципу Людовика XV «Après nous le deluge». Ладно, qui vivra verra⁹⁵.

Тем временем на кухне Аглая мыла посуду. Капитон помогал ей.

– Ты чего нахмурилась? – спросил денщик.

– Опять убегаем и убегаем. Сколько же можно?

– Скорее всего, опять двинем на юг, как давеча говорил Владимир Георгиевич.

– Да куда на юг-то?

– Должно быть, в Крым.

– А дальше?

– А дальше – море. Станем в него сигать, – усмехнулся денщик.

– Тебе все шуточки, а нам-то каково? Оне богатые, с деньгами, драгоценностями, везде устроятся. А нам что делать? Кому мы нужны – бездомные, голоштаные?..

Через некоторое время на кухню вошла Мария Игнатьевна.

– Если освободились, пройдите в залу, – сказала она, обращаясь к обоим. – Владимир Георгиевич хочет поговорить с вами.

Войдя в гостиную, Капитон и Аглая встали перед столом, за которым сидели хозяева.

– Завтра с утра начинайте собираться. Мы уезжаем. Мария Игнатьевна поможет вам, – объявил полковник.

– Дозвольте спросить, вашбродь, – обратился к нему денщик.

– Говори, – разрешил тот.

– Куда поедем?

– На юг, в Крым.

– А потом? – подала голос Аглая.

– Потом... – в раздумье проговорил Владимир Георгиевич. – Там будет видно. Это не нам решать. Завтра день на сборы, а послезавтра подъедет машина и отправимся на вокзал.

– Слушаюсь, – ответил за обоих Капитон. – Разрешите идти?

– Идите, готовьтесь, – отпустил их полковник.

На кухне служанка тихо ворчала:

– Собирайтесь, собирайтесь... Нищему собираться – только подпоясаться...

– Ох, девоньки, бабоньки... Нет в вас солдатской готовности. Дана команда: «Подъем!» – раз, два и готов!

– Вот и воевали бы сами, безголовые, а нас-то с собой пошто таскаете?

– Да куда ж мы без вас-то, таких сладеньких, – Капитон шутливо приобнял девушку, но та вывернулась из его объятий и строго прикрикнула:

– Не балуй! Господам скажу...

– Дак я что, я ничего, – виновато проговорил шутник. – Пойду чемоданы достану с антресолей, протру их.

– Вот и пообнимайся с ними, – сказала ему вслед расстроенная Аглая.

Ночью Мария Игнатьевна проснулась из-за грохота и ярких вспышек, видных даже сквозь плотно зашторенные окна. Спросонья испугавшись и сев на кровати, она принялась теревить мужа:

– Володя, Володя, просыпайся скорее!

– Что? Что такое? – пробормотал он.

Также сев на кровати и протерев глаза, он обратился к жене:

⁹⁵ После нас хоть потоп... Поживем – увидим...

– Что случилось?

– Да ты посмотри в окно, – тормошила она мужа. – Бой в городе...

Владимира Георгиевича как ветром сдуло с кровати. Он быстро подошел к окну, отдернул штору и некоторое время вглядывался в темноту. После этого подошел к жене и принялся ее успокаивать:

– Это нервы твои, дорогая. Обычная сухая гроза. Вон как Илья-пророк разбушевался. Ложись и попытайся уснуть. Все будет хорошо.

– Володя, я так больше не могу, – всхлипнула она, но муж обнял ее и, поглаживая по голове, негромко приговаривал:

– Возьми себя в руки, – ты же жена офицера.

– Это что – кара небесная для меня? – оправляясь от испуга, слабо проговорила она.

– Это подвиг во имя родины, – также улыбнулся он и поцеловал жену в щеку. – Ложись, я пойду выпью воды и приду к тебе.

На кухне он увидел полуодетую и дрожащую от страха служанку.

– Ну, а ты что не спишь? – спросил он.

– Страшно, – ответила она.

– Это гроза надвигается. Иди, ложись. Скоро дождь начнется, – под него хорошо спится...

Сжав плечики, Аглая судорожно перекрестилась и молча ушла в свою спальню...

Весь следующий день был занят укладкой чемоданов, расчетами с хозяином квартиры, – в общем, обычной суматохой, предшествующей всякому отъезду.

Закрыв наполненный чемодан, Аглая взялась за ручку, чтобы снять его с дивана и отнести в прихожую. Но вдруг охнула, схватилась за живот и села на пол. Лицо ее исказилось от боли.

Обернувшись на крик, Мария Игнатьевна испуганно посмотрела на девушку и, видимо, сообразив, в чем дело, крикнула в прихожую:

– Владимир Георгиевич!

В гостиную вошел муж, за плечом которого виднелась голова Капитона.

– Что случилось? – обратился он к жене.

Не отвечая ему, жена подошла к служанке и попросила мужчин:

– Помогите мне посадить ее на диван.

– Да что случилось-то? – растерянно спросил Владимир Георгиевич.

Не отвечая ему, барыня обратилась к Аглае:

– Ты, девонька, никак беременна!

Девушка сидела молча и только склонила голову, не глядя ни на кого.

– Веселенькое дело, только нам этого не хватало, – проворчал полковник. Обратив взгляд на денщика, он строго спросил:

– Твоя работа?

Капитон побелел, как мел, вытаращил глаза и, заикаясь и крестясь, проговорил:

– Никак нет, вашбродь! Ни сном, ни духом! Чист, как перед Богом...

Мария Игнатьевна строго и с подозрением посмотрела на мужа.

– Не глупи, – в ответ на ее немой вопрос ответил он.

Тогда она обратилась к Аглае, приподняв ее голову за подбородок:

– Александр Владимирович? – спросила она, глядя той в глаза.

Служанка едва заметно молча кивнула головой и закрыла лицо руками.

– Как это случилось? – спросила было барыня, но муж перебил ее:

– Не это главное. Александр знает, что ты беременна? – обратился он к девушке.

Та в ответ только отрицательно замотала головой.

– Срок большой? – снова мешалась в разговор Мария Игнатьевна.

– Четыре с половиной месяца, – чуть слышно проговорила бедняжка.
– Ровно половина срока, – для чего-то подсчитал полковник. – В это время мы были в Орле. И Александр приезжал на побывку...
Наступила тишина, лишь изредка прерываемая всхлипываниями девушки.
– О чем же ты думала? – взвилась было хозяйка, но муж остановил ее:
– Не ругайся и не сердись. Рано или поздно это должно было случиться. Физиология, черт бы ее побрал...
– Владимир! – вскинулась было жена на него, но муж только махнул рукой.
– Тут, милая, не до этикета. Думать надо, как выбираться из этого положения.
– Может быть, сообщить Саше? – неуверенным голосом проговорила Мария Игнатьевна.
– Пожалуй, ты права, – согласился он. – Нужно знать и его мнение. Оказалось, не чужой он ей, – он с усмешкой кивнул на поникшую девушку. – Родня новаявленная...

Рано утром следующего дня Мария Игнатьевна и Аглая сидели в отдельном купе пассажирского вагона, отданного для офицеров и их семей. Командир полка занял отдельное купе, тогда как в соседних теснились по две-три семьи. Но в купе полковника было тесновато от множества чемоданов и узлов, расположенных в полном беспорядке. В соседнем, таком же вагоне, расположился штаб полка.

В отсутствие Владимира Георгиевича, распорядившегося погрузкой полка и полковой техники и забравшего Капитона в качестве вестового, женщины молча сидели у вагонного окна, поглядывая на, казалось, бессмысленную суматоху, царящую на перроне.

Там, словно в отрезанном от них оконным стеклом мире, творилось что-то бестолковое, – какие-то люди бегали с чайниками, другие о чем-то весело переговаривались, старики, женщины и даже кормящая мать с отсутствующим видом молча сидели на чем попало и дожидались неизвестно чего.

– Вся Россия словно с ума сошла, – нехотя проговорила Мария Игнатьевна. – Все куда-то бегут, чего-то ищут. Натворили дел и теперь сами не знают, что делать, куда податься...

– Да уж, – тихо отозвалась Аглая. – Как и мы...

Хозяйка посмотрела на нее долгим взглядом, но ничего не сказала.

Только ближе к обеду поезд дал длинный гудок, дернулся, загремев буферными сцепками, и медленно начал отходить от вокзала.

– А как же Владимир Георгиевич и Капитон? – испуганно спросила Аглая.

– Не волнуйся, без командира поезд не уйдет, – ответила собеседница. – Не-бойсь, в штабном вагоне текущими делами занимаются.

И действительно, через какое-то время дверь купе открылась и вошли полковник и его денщик.

– Все в порядке? – спросила мужа Мария Игнатьевна.

– Да, кажется, ничего и никого не забыли, – ответил тот. – А не пообедать ли нам? Что-то я проголодался...

Аглая и Капитон тотчас начали развязывать узел с провизией и раскладывать ее на столе.

За окном вагона медленно проплывали неказистые домишки, крытые соломой, – последние одинокие жилища окраины оставляемого города...

А дальше за окном, вплоть до самого вечера, тянулась бесконечная степь, навевавшая только уныние и какую-то гнетущую безысходность...

На ночь полковник и Капитон устроились спать на верхних полках, оставив нижние женщинам. На недоуменный взгляд Марии Игнатьевны муж пожал плечами и просто сказал:

– Не спать же беременной наверху! Не приведи, Господи, еще случится неприятность, беды не обернешься...

Утром за завтраком Мария Игнатьевна ткнула вилкой в сторону окна и спросила мужа:

– Что там происходит?

На околице какой-то деревушки отряд вооруженных людей вел невысокого худого парнишку в красноармейской форме. Тут же стояли равнодушные ко всему селяне, с каким-то подавленным настроением лениво рассматривающие странную процессию.

– Куда его ведут? – тихо спросила Аглая Капитона.

– Знамо дело, куда, – отведут за гумно и шлепнут, – также шепотом ответил он.

– Совсем еще молоденький, – Аглая прижала уголок платка к глазам. – Жить бы еще да жить ему...

– Небойсь, бедолаге надоело воевать, он и пробирался домой к мамке, – продолжил Капитон. – А его посчитали за лазутчика. Ну, и по законам военного времени...

– А его мамка ждет, молится, чтобы вернулся, – покачала головой девушка.

– Бог-то нынча отвернулся от нас, – проворчал денщик. – У него, видать, голова кругом пошла от наших безобразий.

На одном из полустанков поезд остановился, – требовалась погрузка дров в тендер и заправка паровоза водой.

Пользуясь случаем, солдаты и офицеры вывалили из вагонов, – всем хотелось размять уставшие от тряски и неподвижного сидения ноги. Возле вагонов тотчас возникло оживление, – кто-то смеялся, кто-то ругался, кто-то мочился на колеса вагонов.

– Мы тоже, пожалуй, выйдем, разомнем затекшие ноги, – начала было Мария Игнатьевна, но Владимир Георгиевич остановил ее:

– Подожди, я ознакомлюсь с обстановкой и дам необходимые распоряжения.

Он встал и направился к выходу из вагона. Поднявшемуся было и собравшемуся сопровождать его денщику он приказал:

– Оставайся с женщинами. Отвечаешь за них.

– Слушаюсь, – нехотя пробормотал тот.

Через непродолжительное время в купе заглянул поручик Афанасьев, которого за его молодость жена полковника звала просто Васечкой, отчего щеки офицера каждый раз наливались румянцем.

– Мария Игнатьевна, господин полковник разрешил вам выйти из вагона, но далеко не отходить, – отдал он для чего-то честь. – Мне с денщиком поручено сопровождать вас.

– Ну, с такой охраной мы, как за каменной стеной, – ласково улыбнулась ему женщина.

У вагонов наблюдалась толчея. Через два вагона от штабного, несколько солдат столпились вокруг офицеров и что-то говорили на повышенных тонах. Но смысла разговора было не разобрать.

– Что там происходит? – поинтересовалась Мария Игнатьевна, обращаясь к поручику.

– Среди солдат появились смутьяны, – пояснил он. – Как в стаде, всегда отыщется паршивая овца.

– Ну, зачем вы так, Васечка, – ласково упрекнула его Мария Игнатьевна. – Это же люди, а не скот.

– Простите, – извинился молодой человек.

В это время паровоз издал длинный гудок, и вдоль состава, переходя от вагона к вагону, понеслась команда: «По вагонам!»

Когда поезд наконец тронулся, в купе вернулся Владимир Георгиевич. Сняв фуражку, он присел на скамью и отер лоб платком.

– Что там было? – спросила его жена.

– Разброд начался в солдатской массе, – ответил он.

– Расстрелять зачинщиков, – не сдержался стоящий в створе двери поручик.

Полковник посмотрел на него долгим взглядом и тихо произнес:

– Вы свободны, голубчик. Отправляйтесь к себе.

Когда тот вышел, закрыв дверь, Владимир Георгиевич устало проговорил:

– Мальчишка... Радикалист... Не думает, что каждого солдата дома ждут родные – родители, жены, дети. А их увозят все дальше от родного дома, в полную неизвестность. Этак всех порасстреляем, а с кем воевать будем?

– Они же присягу давали, – робко произнесла Мария Игнатьевна.

– Присягу? – раздраженно проговорил полковник. – Кому? Императору? – Он отрекся от трона. Временному правительству? – Где оно? Сейчас в каждом заштатном городишке, в каждой деревне непременно сидит какой-нибудь штафирка, объявивший себя временным правителем, местечковым Наполеоном.

– Что же будет? – тихо спросила его жена, положив руку на плечо мужа.

– А ничего хорошего, – махнул тот рукой и, устало прислонившись к стенке вагона, прикрыл глаза.

В Бахчисарае, где остановился полк, ожидая пополнения, квартирмейстеры определили для полковника и его жены старинный дом из дикого камня, оштукатуренного и побеленного с внешней стороны. Дом имел два этажа и был похож, скорее, на саклю и принадлежал, видимо, зажиточному крымскому татарину.

В комнате, служившей, видимо, спальней, на полу лежали не совсем новые, но чистые ковры, вдоль стен расставлены низкие диванчики с мягкими валиками и подушечками. Перед каждым диваном стоял низкий полированный столик с вазами и фруктами в них.

– Это что, гарем местного купчика? – с иронией спросила Мария Георгиевна мужа.

– Да кто их знает, этих крымчан с их обычаями, – махнул рукой тот.

– А хозяева где? – не отставала жена. – Выгнали?

– Как ты могла подумать, дорогая? – слегка обиделся на жену полковник. – Им платят неплохие деньги из полковой казны. Ради этого они готовы жить хоть в пещерах Чуфут-Кале.

– Кстати, Володя, могу я посетить ханский дворец и побывать в крепости? – посмотрела она на мужа.

– На Чуфут-Кале можно организовать экскурсию, – ответил он. – Завтра я распоряжусь, чтобы тебя сопровождал офицер и пара рядовых. А вот в отношении ханского дворца, право, не знаю. Возле него лагерем встал батальон крымских татар. Экие янычары – никого не подпускают к ханской резиденции.

– Но я хотела бы увидеть «фонтан слез», так красочно описанный Пушкиным.

– Да его смотреть – только разочаровываться. Так, из трубочки в стене капает по капле водичка в раковину. И все...

– Почему капля по капле? – удивилась жена. – Если фонтан, то он должен фонтанировать!

– Здесь очень плохо с водой. Вот хан и экономил, – усмехнулся полковник.

– Но, судя по Пушкину, он должен напоминать девичьи слезы...

– Это уж Пушкин нафантазировал, использовал поэтический прием, местную легенду, не более того.

– Тебя ожесточила армия, – не видишь никакой романтики.

– Какая тут романтика, когда вся страна кровью умывается, а брат брату, сын отцу юшку пускает, не раздумывая...

– Господи, за что нам все это? – почти простонала женщина.

– Повторяется судьба римской империи. Сначала к руководству огромной империи приходят бездарные политики, которых сменит ожесточенная диктатура. Потом диктатора

убьют, и начнется драка за власть. В конце концов верх возьмут алчные и циничные люди, обеспокоенные исключительно жадой личного обогащения, что приведет к распаду империи. Она рухнет, как карточный домик...

– А как же народ?

– А народ будет занят личным выживанием, произойдет распад коллективного сознания. Каждый будет думать только о себе, стараясь сохранить собственное эго.

– Но это же возврат к рабству! Совсем недавно император Александр II освободил народ от крепости...

– История движется по кругу, повторяя одни и те же этапы развития, каждый раз во все более извращенном виде. А прогресс ускоряет все процессы, в том числе исторические. Мне представляется, что грядущее рабство будет выглядеть, если можно так выразиться, более «цивилизованно» и станет называться «демократией». Формально человек будет свободен, но в то же время все результаты его труда станут нагло и бесцеремонно отбираться новыми бесжалостными нуворишами, оставляя работникам только минимум для поддержания жизни.

– Ты нарисовал страшную перспективу...

– Э, матушка, да ты сама видишь эту перспективу!..

На третий день пребывания семейства в Бахчисарае произошло важное событие, сыгравшее немалую роль в их судьбе. Ближе к обеду из Джанкоя прискакал их сын Александр, отпросившийся у командования на свидание с родными.

Радости родителей, казалось, не было предела. Мать постоянно стремилась прижаться к сыну, погладить его и не могла насмотреться.

Семейство расположилось в диванной комнате. Аглая в летней кухне во дворике готовила обед, Капитон чистил, кормил и поил коня сына полковника.

– Как они тут живут? – усмехнулся Александр, присаживаясь на низенький диван. – Ноги некуда деть...

– Так они же вкушают полулежа, – заметил отец. – Ну, давай без лирики. Расскажи, что делается на фронте в восточном Крыму?

– Ситуация крайне тяжелая, – начал рассказывать тот. – Мы срочным порядком направляемся в сторону Сиваша. Там банды Махно переправились вброд через пролив...

– Прости, как это – вброд? Это же не деревенский ручеек, – удивился отец.

– Отгонный ветер отжал воду и обмелил пролив. Вот они и перешли, как Моисей с иудеями через море.

– Где же были наши части?

– Прозевали, не ждали, что такое возможно.

– Вот она, российская расхлябанность! Из-за дурных командиров гибнут люди и летят к чертям собачьим все тщательно спланированные в штабах операции!

– Володя! – укоризненно покачала головой Мария Игнатьевна.

– Ах. Полно, какие уж тут церемонии, – отмахнулся тот.

– Самое плохое, что в частях началось брожение среди солдат, участились случаи дезертирства, – продолжил сын.

– Ловят? – спросил отец.

– Да куда там. Не имеет смысла распылять силы, да и где их искать, в этих диких горах? Грабят русские села, татарские не трогают, – те организовали отряды самообороны и вышибают нападавших без всякой жалости.

– Здесь примерно то же самое, – отозвался полковник. – Красные подходят к Перекопу. Громадная нехватка боеприпасов, оружия, пушек, пулеметов...

Помолчав некоторое время, мать обратилась к сыну:

– Володечка, мы с отцом посоветовались и решили: чтобы не затеряться в этой запутанной ситуации, мы дадим тебе адрес княгини Антонины Власьевны Трухиной. Она живет постоянно во Франции, в Каннах. Вот тут на бумажке записан ее адрес: Rue d'Antibes, 8. Это рядом с галереей Гантуа. Да ты должен помнить, мы же дважды гостили у нее.

– А она приезжала к нам в Петербург, – добавил сын. – Конечно же, прекрасно помню тетушку Антонину. И ее девочек Софи и Клари. Наверное, уже взрослыми стали...

– Кстати, о девушках, – перебил его излияния отец. – Как нам быть с Аглаей?

Сын покраснел и, помолчав некоторое время, настороженно спросил:

– А что Аглая?

– Она, брат, беременна от тебя.

– Как? – растерялся Александр.

– Ну, как беременеют, ты уже должен знать, – усмехнулся отец. – Я полагаю, ты не намерен жениться на ней?

– Как можно, папа? – покраснел сын.

– Естественно, – вмешалась мать, – кому нужен ребенок-бастард?

– Ну, бастард ли, не бастард, а это его кровь и плоть, живой ребенок, – муж кивнул в сторону сына.

– Куда мы потащим ее, беременную, с собой, когда сами не знаем, где будем, и как, и что с нами будет? – скривилась в усмешке мать.

– Естественно, ей лучше остаться на родине. Больше шансов устроить свою жизнь, – рассудил глава семьи. – Надо будет обеспечить ее деньгами хотя бы на первое время. Как ты полагаешь? – обратился он к сыну.

– У меня есть с собой пара тысяч, я готов ей отдать эти деньги, – Александр полез было в карман френча, но отец остановил его:

– Оставь их себе, тебе они тоже понадобятся.

На следующее утро Александр уехал в свою часть.

Оставшись только с Аглаей, Мария Игнатьевна занялась, как ей наказывал муж, неспешным сбором вещей в дорогу. Но одновременно она смогла договориться с хозяином дома об организации экскурсии в Чуфут-Кале в сопровождении неплохо говорящего по-русски его старшего сына.

Вместе с Аглаей они осмотрели знаменитый пещерный город, стены древней крепости, мавзолеей Джаныке-ханум, дочери хана Тохтамыша, полюбовались пещерным средневековым Успенским монастырем.

Уставшие, они спустились с горы и, отдохнув и слегка перекусив в харчевне у какого-то местного торговца, нашли-таки в себе силы заинтересоваться ханским дворцом.

Сопровождавший их молодой татарин за умеренную плату договорился с соотечественниками, допустившими женщин внутрь дворцового комплекса.

Мария Игнатьевна, откровенно говоря, была несколько разочарована тем, что увидела. По ее представлениям, ханский дворец должен выглядеть, во-первых, огромным, во-вторых, покрытым золотом с изящными арабскими орнаментами и надписями вязью.

К ее великому разочарованию, внутренние помещения дворца оказались системой совсем небольших комнат, а в гаремном корпусе могло разместиться не более десятка наложниц. Да и тем здесь было бы тесновато.

– Я почему-то представляла, что здесь все отделано золотом, – обратилась она к смотрителю.

– У нас очень яркое солнце, мадам, – пояснил тот. – Было бы очень неуютно в его бликах. А ценные породы дерева с инкрустацией глушат свет и создают интимную обстановку.

– Пожалуй, вы правы, – согласилась та. – Золото только бы раздражало. А дерево в сочетании с серебряным орнаментом смотрится превосходно.

Усталые женщины вернулись в арендованный дом, где хозяйка попросила Аглаю ограничить обед только чаем с печеньем.

За чаепитием Мария Игнатьевна начала тяжелый для себя разговор, касающийся судьбы девушки:

– Скажи, Аглая, у тебя есть планы на будущее?

После небольшой паузы девушка ответила:

– Спасибо вам с Владимиром Георгиевичем, что вы приютили меня. Я, правда, очень благодарна вам за все. Я даже не знаю, что было бы со мной, если бы не вы. Бог воздаст вам за вашу доброту к сироте.

– Ну, что ты! Ты ведь была почти членом нашей семьи. А дальше-то как? Ты же должна понимать, что нам придется уехать почти в никуда и неизвестно еще, что с нами будет.

– Я понимаю, – опустив голову, тихо проговорила Аглая. – Вон Капитоша зовет меня к себе. Вдовый он, хочет податься в свою деревню. Там у него малолетний сынишка и старики родители.

Наступила недолгая пауза, которую наконец прервала Мария Игнатьевна:

– Капитон – единственный сын у родителей?

– Да, кажется. И сестер у него нет.

– Единственная опора у родителей и сына. Что ж, пожалуй, вы с ним решили правильно. И ему уезжать за границу нет никакого резона. А так вы пригляделись друг к другу, делить вам нечего...

Помолчав немного, хозяйка продолжила:

– Ты на Сашу сердца не держи...

– Да я не обижаюсь, сама виновата.

– Понимаешь, девочка, как бы мы ни хотели, все равно мы будем помнить, что где-то в России есть наш внук или внучка. И, как знать, – Мария Игнатьевна осеклась, понимая неестественность продолжения разговора в том же духе. – Мы тут посоветовались с Владимиром Георгиевичем и решили обеспечить тебя деньгами хотя бы на первое время. Сумма, конечно, не так велика, как хотелось бы, но...

– Ну, что вы, зачем, – запротестовала было Аглая, но хозяйка остановила ее:

– Не возражай, это вопрос решенный. На что жить-то будете, подумала?

– Спасибо, – поблагодарила девушка. – Я никогда не забуду вашу доброту ко мне. Буду молиться за вас...

– И вот еще, – Мария Игнатьевна сняла с пальца перстенок с изумрудиком. – Возьми на память.

– Ой, что вы! – зарделась девушка. – Зачем мне такое? Я же ничего подобного не носила. Нет, нет...

– Да подожди ты, – засмеялась Мария Игнатьевна, – если родится девочка, подаришь ей на свадьбу в качестве свадебного подарка от нас.

– А если мальчик?

– Тогда его невесте.

– Я привяжу его на цепку и буду носить на груди...

– Нет. Лучше зашей куда-нибудь в одежду. Времена-то вон какие преступные, увидят – отнимут непременно.

– Ваша правда. Я зашью его в нижнюю рубашку.

– Вот и правильно

– Марья Игнатьевна, можно вас попросить?

– О чем?

– Можно мне посмотреть на карточку Александра Владимировича? Мы, чай, боле не увидимся.

– Отчего же нельзя, – улыбнулась та. – Я и сама с удовольствием посмотрю на нашего молодца.

Обратив внимание на одну из фотографий, где среди однополчан сидел Александр Владимирович, Аглая робко попросила:

– Вы не могли бы подарить мне хоть бы вот эту карточку? Если вам не очень жалко...

Мария Игнатьевна взялась было за фотографию, чтобы освободить ее из уголков, но вдруг остановилась.

– Знаешь что, девочка? Не стоит тебе брать фотографию Саши. Прежде всего, здесь изображены враги новой власти. Увидят – начнутся расспросы-допросы: кто здесь, почему хранишь? Беды не оберешься. И потом, Капитону будет не очень приятно, что ты хранишь память об Александре. Пойми меня правильно, деточка...

– Я понимаю. Вы правы...

– Кстати, у Капитона есть фотографическая карточка, где он заснят в форме?

– Ой, он показывал мне. Сидит, руки сложил, в папаше – такой смешной...

– Скажи ему, чтобы он ее уничтожил, а лучше отдал нам. Мы сохраним и будем время от времени вспоминать о вас.

– Хорошо, я обязательно скажу...

Через четыре дня в дом, где жила Мария Игнатьевна с Аглаей, прискакал поручик Афанасьев с денщиком полковника.

– Васечка, что случилось? – встревожилась женщина.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, – начал ее успокаивать он. – Владимир Георгиевич жив и здоров и велел вам кланяться.

– Ну, слава Богу! Как там дела на Перекопе?

– Откровенно говоря, хорошего мало. Испытываем недостаток в патронах, снарядах, но пока держимся. Правда, уже подготовлен приказ об отходе в Севастополь. – Да что же это такое! Неужели на этих красных нет никакой управы?

В ответ поручик только пожал плечами.

– А ты здесь по делам или как? – продолжала допытываться Мария Игнатьевна. – Я послан господином полковником специально, чтобы помочь вам перебраться в Севастополь. Квартирьеры туда уже посланы.

– Опять бежать! – вздохнула Мария Игнатьевна. – Когда это только кончится?

– Судя по всему, уже скоро, – вздохнул Васечка.

– Вам-то, молодым, все это – приключения своего рода, – заворчала Мария Игнатьевна. – А нам-то каково в нашем возрасте? Мотаться по всей стране, не имея своего угла, где можно преклонить голову и жить в покое...

– Что делать? Ситуация!..

– Ситуация! Проворонили, профукали страну, а теперь плечиками пожимаем. Ситуация, дескать! Раньше-то куда глядели, служивые? Клятву-то надо было давать империи, а не душке Николенке с его полоумным Распутиным.

И уже успокоившись, она взяла под локоть молодого человека:

– Извините, Васечка, нервы уже не выдерживают.

– Да я все понимаю, – пробормотал он, опустив голову. В таком состоянии он еще не видел обычно сдержанную и спокойную жену полковника.

– Простите, мой друг, – еще раз извинилась женщина, окончательно успокоившись. – Когда мы идем в очередной отступ?

– Да как соберетесь, так и двинемся...

– Что там собираться? Мы почти ничего и не распаковывали. Привычка уже выработалась – постоянно нестись куда глаза глядят. Завтра будем готовы.

– А я пока поищу бричку или телегу какую-нибудь...

– Спасибо тебе, голубчик, за заботу о нас.

– Ну, что вы, мадам, – зарделся Васечка. – Не стоит благодарности...

На другой день, погрузив чемоданы и узлы на татарскую арбу и разместившись в бричке, небольшая экспедиция отправилась на юг, в последний путь по родной земле.

– Казаки генерала Антона Ивановича Деникина дерутся с небывалым ожесточением, – рассказывал поручик Марии Игнатьевне. – Если бы не они, совсем бы плохо было. Но и гибнет их немало...

Положив руку на кисть молодого офицера, женщина прервала его излияния:

– Ты сам-то как думаешь устроиться за границей? Где думаешь остановиться?

– Откровенно говоря, ничего в голову не приходит. Думаю об этом все время, но все напрасно. Батюшку и матушку – мне сообщили – красные расстреляли. За границей никого из родственников или знакомых нет. Здесь оставаться нельзя, – дворяне, значит, враги народа. А то, что эти дворяне не богаче лавочника средней руки и жили своим трудом, никого не волнует.

– Так что, у тебя никого не осталось?

– Есть дядя по батюшке в Тверской губернии. А может быть, и был... Никаких сведений о нем...

– Беда...

– Это всеобщая наша беда. Сколько народу положили и еще положат...

– Да уж...

Говорить было тягостно, да и не о чем...

Всю оставшуюся дорогу они практически не разговаривали, с тоской посматривая по сторонам, словно хотели запомнить их на всю непредсказуемую жизнь.

В Севастополь въехали уже под вечер. Для семейства полковника выделили две приличные по размерам комнаты в кирпичном двухэтажном доме неподалеку от часовни, возведенной в честь героического воинства Крымской войны. На удивление, она сохранилась в прекрасном состоянии.

Сразу после завтрака поручик пришел к Марии Игнатьевне и, оглядевшись, спросил:

– А где денщик? Сбежал, сукин сын?

– Василек, упрекнула она его. – *Enfant terrible!*⁹⁶

– *Pardon, madam*⁹⁷, – смутился он. – Где же он?

– Я дала ему денег и послала купить себе цивильную одежду. Заодно и сбрить усы, чтобы он не был похож на казака.

– Он не собирается эвакуироваться вместе со всеми?

– У него в России остались родители и малолетний сын. Жена умерла. Не может он их бросить.

– Ну, что же, это, пожалуй, верное решение. А что будет с Аглаей?

– Она остается с ним.

Почувствовав напряженность в голосе Марии Игнатьевны, поручик прекратил расспросы.

В наступившей паузе со стороны Балаклавской долины изредка доносился едва слышный неясный гул.

– Что это? – встревожилась женщина.

– Пушечная канонада, – спокойно объяснил поручик.

– Так близко? – ужаснулась Мария Игнатьевна.

⁹⁶ Ужасный ребенок (*фр.*)

⁹⁷ Простите, мадам (*фр.*)

– К сожалению. Нам почти нечем обороняться.

В это время Мария Игнатьевна выглянула в окно и увидела приближающегося денщика мужа, державшего какой-то тощий узел.

– Капитон, зайдите сюда, – крикнула она ему.

Когда тот зашел в комнату, хозяйка спросила:

– Купил, что надо?

– Да, как и положено, благодарствую.

– А это что за бумажки? – Мария Игнатьевна указала на торчащий из кармана солдата тощий сверток.

– По дороге подобрал. Интересно, полюбопытствуйте, барыня, – подал он бумаги.

Это были агитационные листки, распространяемые командованием белой армии.

– Мне кажется, очень доходчиво, – заметила Мария Игнатьевна, рассматривая агитки.

– Это мелочь по сравнению с тем, как действуют большевики, – возразил Василий. – У них всюду работают специальные агитбригады, добираясь до самых темных людей.

– Ты что такой бледный? – хозяйка посмотрела на стоявшего рядом солдата.

Помолчав и переминаясь с ноги на ногу, тот дрожащим голосом ответил:

– Я видел, как людей вешали, – через силу проговорил он.

– Как это? Где? – испуганно спросила Мария Игнатьевна.

– На площади. Говорят, что красных агитаторов поймали, ну и...

– Господи, какая жестокость! – испуганно перекрестилась она.

– Что делать, – вздохнул поручик. – Идет война не на жизнь, а на смерть. И здесь уж кто кого...

– Но ведь можно было наказать провинившихся как-то иначе. Посадить в тюрьму, сослать на каторгу, публично выпороть, наконец...

– Полноте, Мария Игнатьевна! – усмехнулся поручик. – Какая тюрьма, какая каторга в наших условиях? Да и большевики далеко не ангелы. Помнится, мы освободили от них какой-то городишко на херсонщине, а там на центральной площади целая гирлянда повешенных. Так что методы у нас совершенно идентичны. Другого наказания в Гражданской войне, как лишение жизни, пока не придумано.

– Ужас, ужас, ужас! – не могла успокоиться Мария Игнатьевна. Немного остыв, она обратилась к денщику.

– Ты, Капитон, пойди переоденься. Тебе надо привыкнуть к чужой одежде, а то сразу будет видно, что ты в чужом платье ходишь.

Через некоторое время Капитон вернулся, уже переодетый в гражданскую одежду. Глядя на него, поручик не выдержал и засмеялся:

– Ты только на улицу не выходи в таком наряде, а то вздернут за милую душу, как красного агитатора!

На мужике была надета красная в белый горошек рубаха, ниспадающая едва не до колен и подпоясанная тонким кушаком. Одежду дополняли темно-синие в едва заметную полоску штаны, на ногах разношенные ботинки. Наряд дополнял темный пиджак, брошенный на одно плечо и кургузый картуз.

В притворе двери прыскала в кулачок Аглая.

– Вылитый приказчик скобяной лавки, – не унимался веселиться поручик.

– Дак я у него и купил, – отозвался Капитон.

– Ты только строевым шагом не ходи в таком виде, сразу выдашь себя, – развеселилась и Мария Игнатьевна.

Через пару дней в доме появился и глава семьи.

– Все, матушка, – объявил он. – Пора в порт. Место на корабле нам забронировано.

– Как, уже? – заволновалась жена.
– Не оставаться же нам здесь. Через пару-тройку дней город будет сдан.
– Аглая, – засуетилась было Мария Игнатьевна, но муж остановил ее.
– Что ты хочешь от нее? У тебя же вещи не распакованы...
– Ну, как же! Постельное белье, скатерти, посуда...
– Оставь все Аглае с Капитоном. Нам и без того придется мотаться по Европам. Зачем нам лишняя обуза?

Вошедшая в комнату Аглая спросила:

– Звали, Марья Игнатовна?

– Позови Капитона, и оба приходите сюда, – распорядился Владимир Георгиевич. Когда те вошли, полковник обратился к ним:

– Ну, настало время прощаться. Капитон, форму выбрось, а лучше сожги, ничего армейского с собой не бери. Поможете нам сесть на пароход и... береги вас Бог.

– Спасибо вам за все, – нежно проговорила Мария Игнатьевна, слегка приобняв девушку. – Не держите на нас сердце, если чем-то обидели вас.

Аглая заплакала, а Капитон поклонился хозяевам в пояс:

– Береги вас Бог в скитаниях ваших. Спасибо вам, вашбродь, за доброту и вам, хозяйшка, за ласку и привет...

– Теперь у вас не будет «благородий», привыкайте, – пожал руку бывшему денщику полковник. – Держитесь друг за дружку, авось все обойдется.

– И вам доброго пути и удачи, – Капитон вытер слезу рукавом. – Столь лет были вместе, попривыкли мы к вам...

– Да, такое не забудется, – расчувствовался и Владимир Георгиевич. – Ну, присядем на дорожку, и в путь...

Город гудел. Все уже были наслышаны о зверствах красных, и полуобезумевшие горожане бегали кто на причал, кто-то, собрав немудрящие пожитки, устремлялся прочь из города, сгибаясь под тяжестью поклажи. Начались грабежи людей, квартир, магазинов...

Патрули безжалостно расстреливали грабителей на месте, но это не помогало. На причалах собралась огромная толпа стремящихся любой ценой попасть на любой корабль. Никакие увещевания и попытки объяснения, что заберут всех, не помогали.

С вытаращенными безумными глазами, с охрипшими голосами люди совершенно потеряли голову. И только казачьи цепи, образовавшие коридор к судам, сдерживали толпу и пропускали исключительно по пропускам.

Казачьи действовали решительно: им было обещано место на корабле, поэтому лишние пассажиры им были не нужны, – они могли занять предназначенные для них места.

Капитона и Аглаю, из уважения к полковнику, допустили до самого трапа. Но как только они передали на борт вещи, их тут же оттеснили в сторону. Поручик Васечка помог Владимиру Георгиевичу внести вещи по трапу в каюту.

Устроив вещи в каюте, все трое вышли на палубу со стороны кормы, откуда им было видно все, что творилось на берегу. По красной рубашке Капитона они сразу отыскивали оставляемых ими слуг. Те тоже заметили их и замахали руками.

Через пару часов сходни были убраны, пароход дал протяжный прощальный гудок и стал медленно отходить от причала.

Стоявшие в сторонке от постепенно расходящейся толпы Капитон и Аглая еще сильнее замахали руками. Мария Игнатьевна и Владимир Георгиевич с тоской смотрели на берег и тоже махали.

Берег уходил все дальше.

Яркая красная рубашка бывшего денщика превратилась в еле заметную точку, а вскоре исчезла и она. На месте города и берега была видна лишь грязно-серого цвета полоска...

– Прощай, немытая Россия, – процитировал поэта Васечка, на что полковник строго посетовал ему:

– Эта «немытая Россия» – ваша родина, поручик. Никогда не забывайте об этом!

Несостоявшаяся царица или несчастливая любовь царя

*Нет ничего лучше жены хорошей,
Но не может быть ничего ужаснее скверной.*

Гесиод

*Великий мерзавец, благочестивый разбойник, убийца, который
кощунствовал над Евангелием... Забыть про это, а не памятники
ставить.*

Л. Н. Толстой

Самодержец ты или нет, – в любви все беззащитны.
О. Лебедева. «Изменницы самодержца»

Петр был чудовищно прожорлив и несдержан в еде.

*И так же неудержимо сексуален, далеко выходя за пределы
приличия. Такое впечатление, что он просто не мог удержаться при
виде любой понравившейся ему женщины, кто бы она ни была...*

*Неумение удерживаться, стремление овладеть буквально всякой
женщиной, которая только смогла ему понравиться, привело к
закономерному итогу: известно более 100 bastardов Петра. Что
характерно, он им никогда не помогал, объясняя это очень просто, –
мол, если будут достойны, сами пробьются.*

*О педерастии Петра говорили совершенно открыто еще при его
жизни. Ученые же мужи, если и ведут споры, то исключительно о том,
кто приохотил к педерастии Петра – Франц Лефорт или Александр
Данилович Меньшиков? Оба предположения одинаково вероятны.*

*Но, во всяком случае, во дворе мало кто не знал, что
«Петр живет с Меньшиковым бляжым образом», как кричал один
гвардейский сержант. Впрочем, и со многими гвардейцами жил точно
таким же образом.*

А.М.Буровский «Петр Первый – проклятый император»

В доме Нарышкиных стояла тревожная тишина и только из дальней комнаты доносились возбужденные голоса да отдельные выкрики. Прислуга попряталась по углам, опасаясь попасть под горячую руку господ, справедливо рассуждая между собой, что, мол, бережного бог бережет. Но разговор шел на повышенных тонах, так что, вольно или невольно, было слышно, о чем беседуют спорщики.

– Васька Голицын с Софьей хотят забрать трон под себя, – слышался возмущенный голос Петра Кирилловича. – А про нас распускают слухи – де род худородный, из домов самого низкого и убогого шляхетства...

– Также и о Стрешневых, Головкиных толкуют, – послышался еще чей-то голос. – А про царевича Петра болтают, – мол, бляжын сын, нагуляла его Наталья... Не от покойного Алексея Михайловича-де рожден!

– Да уж, слаба сестричка на передок, – по голосу прислуга узнала Тихона Стрешнева. – Многие с ней побаловались, потешились...

– Тебе ли этого не знать! – поддел его Лев Кириллович Нарышкин.

Тихон хотел было что-то ответить ему, но Петр Кириллович не дал разгореться ссоре: – Хватит собачиться, о деле надо думать. Иначе Софья с Голицыным загонят нас за Кукуй. Ишь, что они удумали, – послали, мол, мы человека с ножом резать их в Кремле. А стрельцы-де схватили его и на дыбе он признался, – мы послали.

– Петрушку надо ставить на трон, – перебил его Тихон. – Пока малолетние Федор да Петр сидят на троне, за них руками Софьи все решают Голицыны да Шакловитые. Их ныне велят почитать да слушать.

– Не бывало на Руси такого, чтобы баба сидела на троне, – возмущался Лев Кириллович. – Разве что Ольга, жена князя Игоря, посвоевольничала с древлянами. Да когда это было...

– Вот то-то, – проворчал Тихон. – Умна, да и Василий Голицын далеко не глуп. Вот парочка – баран да ярочка.

– Опасаться надо царевича Федора, – вступил в разговор Петр Кириллович. – Его еще покойный батюшка Алексей Михайлович готовил в наследники. Приставил к нему Симеона Полоцкого, тот научил его польскому, латыни, древнегреческому, разным художественным ремеслам... Слава Богу, жена его Агафья Грушецкая умерла при родах и уже не произведет потомства, прости, Господи. Да и сынок их Илья почти сразу умер. А вот вторая жена его Марфа из дома Апраксиных бесплодна...

– Вовремя Бог призвал к себе Михаила да Иоанна Алексеевичей. И я слышал от лекаря Герштейна, что и сам Федор-то не больно здоров, – пробасил Лев Кириллович. – Можно и помочь ему... – тихо произнес Тихон.

– Вот тогда в наследниках останется один Петруша, – поддержал его Петр Кириллович. – И хорошо, что сестра Наталья крепко его в своих руках держит. По совету Федора Алексеевича приставили к нему учителем Никиту Моисеева, сына Зотова, подьячего приказа Большого Прихода.

– Никитка-то не шибко учен, – вступил в разговор молчавший доселе Федор Юрьевич Ромодановский. – Отколь у подьячего знания, окромя божественных? Вот он и учит царевича азбуке, часослову, Псалтырю да Евангелию. А еще неплохо петь на клиросе. Вот и все, чему он мог научить мальчика. А признаться Никитке резона нет – вкусно ест да сладко спит. Слышал я, к хмельному пристрастен...

– Недавно мне пьяненький дьяк сказывал, что этот сопляк с ним вытворяет, – заговорил Петр Кириллович. – Когда нужно было заниматься, подьячего обвязали веревкой вокруг пояса, а другой конец веревки привязали к дереву так, чтобы он не смог убежать. Бросили ему дерюжку и поставили баклажку с сивухой. А сам Петр вместо занятий убежал к своим потешным войскам. А то убежит охотиться с соколом.

– Вот и ладно, – заключил Стрешнев. – И пусть занимается, чем придется, только бы не учился управлять государством. Мы уж вместо него...

– Да у него еще под носом не высохло, а уж такое начал вытворять, что сказать срамно, – заметил Лев Кириллович. – Мне Брошка, постельничий, что рассказал. Алексахка, пирожник, коего Петр на базаре подобрал и сделал своим адъютантом, мылся с Петром в бане. Так вот, когда царевич мылил тому спину, он зашел сзади и...

– А тот что? – усмехнулся Ромодановский.

– Кряхтел только, – махнул рукой Лев Кириллович.

– Так вот и ладно, – начал рассуждать Петр Кириллович. – Надо воспользоваться этим. Ты, Федор Юрьевич, в хороших отношениях с царевичем. Придумай что-нибудь по этой его слабости. Пусть уж лучше девок топчет, чем делу обучается. А я поговорю с сестрой, чтобы она узду с него не снимала.

– Может, еще кому-то с тобой поехать? – спросил Тихон Стрешнев. – Мало ли, что...

– Справлюсь сам, – отмахнулся тот.

– Бывай здоров, – поцеловал хозяина Федор Юрьевич Ромодановский. – Помогай тебе Бог!

– Ты там с ней поостороже, – напутствовал Лев Кириллович. – Она – младшая сестра, должна слушать старших братьев. Немудреное дело родить царевича, мы с тобой ей вместо отца, ослушаться не может.

Гости начали расходиться, а Петр Кириллович, оставшись в одиночестве, начал продумывать свой разговор с сестрой. ... Встав перед киотом на колени, он принялся тихо молиться, прося у Господа помощи в предстоящем разговоре.

Закончив общаться с Богом, он подошел к слюдяному окошку, пытаясь рассмотреть, как отъезжают гости.

Приехав к сестре, Петр Кириллович не застал ее во дворце. Как поведал служка, произошло несчастье, – внезапно умер Федор Алексеевич, и царица поехала навестить умершего. «Слава тебе, Господи», – пробормотал про себя Нарышкин-старший.

Он решил, что ехать во дворец царя не имеет смысла, чтобы не встречаться там с царевной Софьей. Поэтому велел кучеру ехать к брату Льву Кирилловичу. У того сидел в гостях Федор Юрьевич Ромодановский. Услышав новость, те возрадовались и принялись креститься.

– Все поворачивается в нашу сторону, – начал разговор Петр Кириллович. – Сейчас самое время нажать на Софью, обвинить ее в заговоре с целью захвата трона и передаче власти Васке Голицыну. Стрельцы пока стоят за них, но Петровы Потешные войска могут пригодиться. Тем более что Петру они преданы.

– Тут и поспешать, и медлить нельзя, – согласился с ним Лев Кириллович.

– Сегодня что-либо сделать нельзя – поздно уже. А завтра с утра собираемся вместе, – сказал Ромодановский. – Я заеду к Стрешневым, упрежу Тихона.

На том и договорились.

Утром сообщники собрались в доме Петра Кирилловича.

– Вот что, – начал разговор хозяин. – Поедем-ка все к Наталье – мол, пришли с соболезнованием по поводу смерти приемного сына. Там все и обговорим. ...

Так и сделали, благо тройки стояли готовые к поездке, а кучера сидели на облучках в ожидании хозяев.

Наталья уже проснулась и сидела в своей светелке в глубокой задумчивости. Увидев родичей, она искренне обрадовалась.

– Хорошо, что вы приехали, – воскликнула она. – А то я готова с ума сойти.

– Чего ты забеспокоилась? – спросил старший брат.

– Разговоры пошли, что, мол, царевич еще накануне себя хорошо чувствовал, а скончался враз, – ответила та. – На меня косятся. Повариху в пыточную взяли. ...

Тихон Стрешнев отвернулся к окну. Наталья с подозрением уставилась на него.

– Не чуди, не думай на нас, – укорил ее Лев Кириллович. – А за старую повариху не волнуйся, – у ней с перепугу язык отнялся. Долгих пыток она не выдержит.

– А Василий Голицын все воюет? – поинтересовался Лев Кириллович.

– Да, в Крыму. Рассказывали, что не очень успешно, – ответила Наталья. – Софья посылает к нему письма с признаниями верности и бесконечной любви. ...

– Это хорошо, что его здесь нет, – рассудительно проговорил Лев Кириллович. – Он, пожалуй, поумнее Софьи-то будет.

– А Петруша-то где? Что он думает по поводу своей дальнейшей судьбы, – обратился к Наталье Тихон.

– Обалдуй растет, – махнула рукой та. – С утра со своим Потешным войском сабелькой помахивает, а после обеда пропадает на Кукуе в Немецкой слободе.

– С кем он там развлекается? – поинтересовался Федор Юрьевич.

– Да все с теми же Алексашкой Меньшиковым, Никитой Зотовым, да еще завели там нового дружка немчина Франца Лефорта, – ответила Наталья. – Такой же раздолбай, как и наши.

Лев Кириллович подошел к столу и взял лежащий на нем свиток.

– Это его каракули? – спросил он, показывая Наталье бумагу.

– Его, – со вздохом ответила она. – Я уже выгнала Никитку Зотова из учителей, так Петруша назначил его своим денщиком. Чем-то тот его привлек...

– А кого поставили учителем? – спросил Петр Кириллович.

– Голландца Тиммермана, – ответила Наталья. – Он учит Петрушу языкам, показывает астролябии, компасы разные. Говорит, что это развлекает его, но тот, по его уверению, очень не любит, когда дело требует хоть малейшего напряжения. Оболтус, да и только...

– Я как-то послушал, чему учит его Тиммерман, – вмешался в разговор Тихон Стрешнев. – Беда, учит немецкий, голландский и французский, да только толку от этого, как от козла молока. Путаает все на свете – начинает говорить по-немецки, слово забудет, вставляет голландское, начинает говорить по-голландски, путает его с французским. А пишет чаще русскими буквами: «мейн бест фринт». А архангельского воеводу Апраксина именовал «Min Her Gouverneur Archangel»!

– Может, оно и к лучшему? – бросил реплику Ромодановский. – Таким легче управлять. Ты, матушка, держи его в ежовых рукавицах, чтоб не взбрыкнул.

– У меня не взбрыкнет, – ответила та.

– Дай-то Бог! – согласно кивнул головой Федор Юрьевич. – Дай-то Бог! А что Софья?

– После похорон Федора совсем почувствовала себя царицей, – гневно бросила Наталья. – Уже и парсуны свои заказывает с короной на голове.

– Не рано ли корону примеряет? – возмутился Петр Кириллович. – На царствие ее никто не венчал...

– Ничего, недолго ей сидеть в Кремле, – заметил Ромодановский. – А пока пусть тешится, это нам на руку...

В один из вечеров, когда царевич только что вернулся из Немецкой слободы, все заметили необычайное скопление возбужденных стрельцов в центре Москвы.

– Что они затеяли? – забеспокоилась Наталья Кирилловна. – Кабы беды не было...

На всякий случай она послала надежного парня из прислуги к братьям. Заволновался и Петр, сидя в светелке матери и не желая идти к себе спать. И только уговоры Никиты Зотова помогли уложить его в постель.

Но среди ночи во дворец ворвался стражник с криком, что в кустах возле дворца спрятались какие-то мужики с ножами и поминают царевича Петра, видимо, замыслив что-то недоброе.

Никита, спавший возле дверей спальни Петра спросонья вскочил, вбежал в спальню и начал тормошить хозяина:

– Беда, Петенька! Знать, царица твоя умыслила что-то недоброе. Подговорила какую-то голытьбу. Бежать надо...

Петр затрясся в страхе.

– Куда, куда бежать-то?

– Да хоть в Новодевичий монастырь. Там укроешься у монашеской братии. Они не выдадут.

– Как? Как бежать-то? – трясся царевич.

– Давай через людскую тихонько выйдем к конюшне. Атам на коней и айда...

Петр кинулся было к одежде, но Никита остановил его:

– Полно, Петруша, тут каждый миг дорог. Бежим скорейча!

Никита в исподнем и Петр в одной ночной рубашке, белеющей в темноте сеней, пробрались в конюшню и, прыгнув на первых же попавшихся коней, нахлестывая их, охлюпкой поскакали в сторону монастыря.

Наталья Кирилловна, разбуженная суетой, возникшей во дворце, велела девке Параньке позвать к себе сержанта Акинфьева, несшего сторожевую службу. Когда тот явился, приказала:

– Срочно поднимай Семеновский да Преображенский Потешные полки да пришли ко мне Меньшикова.

Рассвет едва начал заниматься, как запыхавшийся Алексашка Меньшиков ввалился в ее покои. Выслушав рассказ Натальи Кирилловны, он наспех собрал сброшенную перед сном одежду царевича, увязал ее в узел и вышел на крыльцо, на ходу отдавая распоряжения:

– Семеновский полк – оставаться на месте, охранять дворец Натальи Кирилловны. Проверить все вокруг и отыскать разбойников. Преображенский полк – со мной...

Вскочив на коня, Александр со своим войском поспешил в сторону Новодевичьего монастыря.

Соскочив с коня возле монастырских ворот, он загремел обушком плети по деревянным створкам ворот.

Через некоторое время в двери открылось окошко, в котором показалась заспанная физиономия подъячего. Недовольным голосом он пробурчал, с раздражением глядя на Меньшикова:

– Чего гремишь ни свет, ни заря?

– Царевич Петр здесь? – заорал на него Александр.

– Никого посторонних ночью мы не пускаем, – также недружелюбно ответил воротарь. – Ночью разбудили вон двое в исподнем, а пока я ходил к настоятелю спросить, пускать ли их, они куда-то ускакали.

– Куда ускакали? – нетерпеливо спросил Меньшиков. – Ты видел?

– Да как я мог видеть, когда я ушел к настоятелю? – продолжал ворчать тот, с силой захлопывая форточку. – Ездют тут всякие, покоя от вас нет...

В это время один из солдат подвел к Меньшикову какого-то просто одетого человека.

– Кто таков? – строго спросил Александр Данилович. – Откуда, куда, зачем?

– Сильвестр, Васильев сын, – поклонившись, ответил тот. – Скорняк, бреду в Лавру помолиться.

– Почему ночью?

– Дак монастырь-то этот – для монахинь, – ткнул он в сторону монастыря. – Простых богомольцев не пускают. Вот и пережидал темень-то на скамье.

– Видел что ночью? – продолжал допрашивать Меньшиков.

Мужик усмехнулся, покачав головой:

– Как не видел! Такое не запомнеть. Двое, как оглашенные, в исподнем охлупью подскакали к монастырю, только их не пустили внутрь. Я соснул было, да от шума проснулся. Оне и пытали меня, как к Лавре ехать. Я им и показал – туды, мол... Оне и припустили...

– Погоня за ними была? – продолжать пытаться Меньшиков.

– Дак не было никого, – ответил тот. – Какой нормальный в теми-то скакать на лошадях будет?

– Ну-ну, не забывайся, – прикрикнул на него Александр.

Отпустив мужика, Меньшиков вскочил на коня и махнул плетью в сторону всходящего солнца:

– Поспешаем!

К Троице-Сергиевой лавре они прискакали, когда звонарь отбивал последние удары колокола к заутрене. Узнав Меньшикова, его с денщиком, тащившим узел с одеждой Петра,

пропустили внутрь, попросив, чтобы войско, прибывшее с ним, осталось за монастырскими стенами.

Остановив проходившего послушника, Данилыч спросил, где находится царевич Петр.

– Сейчас все на службе в соборе, – ответил тот.

Александр направился было туда, но послушник остановил его:

– Нельзя в святой храм при оружии. Пройди в трапезную, я передам царевичу, что ты его ждешь.

Делать нечего, святоша был прав. Александр с денщиком расположились в трапезной, разложив на скамье одежды Петра и Никиты Зотова. А вскоре послышались голоса, и в помещение вошли Петр, Никита и какой-то святой старец, которого Меньшиков не знал.

Увидев друга, Петр кинулся к нему и едва не заплакал:

– Убить меня хотели... Софья, паскудница, катов подослала...

– Мин херц, ты бы оделся, – начал успокаивать его Алексашка. – Вон одежду я привез, – негоже царевичу в исподнем перед смердами показываться.

– Вот стервозница, – продолжал хныкать Петр. – Родного брата, как порося, велела зарезать... Ты, чаю, не один прискакал?

– Весь Преображенский полк со мной, – помогая царевичу одеться, сказал Меньшиков. – А Семеновский полк охраняет твою маменьку.

– Это ж надо такое выдумать, – родного брата... – не мог успокоиться Петр. – Что делать-то станем?

– Ехать в Москву надо, – решительно заявил Алексашка. – Надо выяснить, кто подослал воров...

– Э, нет, нет, – замахал руками царевич. – Ты что, смерти моей хочешь? Там, небойсь, сейчас стрельцы поднялись...

– Нельзя ему сейчас ехать, – вмешался в разговор святой отец. – Мы лучше помолимся, попросим Бога о милости и благополучном исходе смуты.

Внимательно посмотрев на Петра, Меньшиков предложил:

– Я с небольшим отрядом поскачу в Москву, узнаю, что да как, а здесь оставлю большую часть полка для твоей охраны. И как только разведая, быстро возвращусь.

– Не задерживайся там надолго, – почти умоляюще попросил Петр. – Да погляди дорогой, не идут ли сюда стрельцы? Если что, посыльного пришли, чтобы Преображенцы успели подготовиться.

– Я распоряжусь, чтобы их впустили за монастырские стены, – сказал святой отец. – Не дело им торчать под стенами.

– Позаботьтесь о них, святой отец, – попросил Меньшиков. – С утра ничего не ели...

– Не беспокойся, накормим, обиходим, – провожая его, успокоил старец.

Во дворец Натальи Кирилловны срочно и с опаской прибыли ее близкие – братья Петр и Лев, Ромодановский, Стрешнев и еще несколько родословных бояр. Сидя за столом, они обсуждали сложившуюся ныне ситуацию.

– Что творится на улицах, – я едва пробрался сквозь толпы стрельцов, – проговорил Тихон Стрешнев. – Хорошо, что еще семеновцы помогли, а то бы живым не вышел. Все орут, ругаются...

– Чего это они разъярились? – спросил только что прибывший Лев Кириллович. – Семеновцы обвиняют Софью, что она хотела зарезать Петрушу, а стрельцы, наоборот, называют. Что головорезов наслала ты, Наталья, к Софье, – пояснил Федор Юрьевич Ромодановский. – Вот-вот схватятся за грудки, а то и пальбу откроют.

– А Петр-то где сейчас? – спросил Лев Кириллович. – Надо бы его позвать...

– Ночью ускакал с Никитой Зотовым, – ответила Наталья Кирилловна. – Прямо в исподнем.

В это время к помещению буквально ворвался Меньшиков. Низко поклонившись всем, он доложил:

– Я от Петра Алексеевича...

– Где он? Что с ним? – вскричала Наталья Кирилловна. – Здоров ли?

– Жив, здоров, – ответил Данилыч. – В Троицко-Сергиевой лавре обретается под охраной семеновцев. Он прислал узнать, что здесь делается?

– Я слышал, что Софья послала на юг за Василием Голицыным, – продолжил прерванный разговор Петр Кириллович. – А еще разослал гонцов к Шакловитым, Троекуровым, Прозоровским...

– Недоброе задумали, – покачал головой Тихон Стрешнев. – Надо что-то делать, не то нам всем не сдобровать.

– Позвольте слово молвить, – выступил вперед молчавший в присутствии родовитых людей Меньшиков. – Надо срочно вызвать Петра Алексеевича сюда, чтобы Преображенский и Семеновские полки видели своего предводителя. Это воодушевит их, да и на стрельцов подействует подобающим образом.

– А чего же ты не привез его, коли такой умный? – пренебрежительно бросил Тихон.

– Не захотел он ехать, побоялся, – смутившись, ответил Данилыч.

– Испугался, что ли? – усмехнулся Лев Кириллович.

В ответ Александр только пожал плечами.

– Он храбер только перед своими Потешными полками, – махнул рукой Петр Кириллович.

– А как до серьезного дела, мокрая курица, – согласился с ним Лев Кириллович.

– А мы-то на что? – остановил их Ромодановский.

– Надо кого-то из нас послать за ним, – предложила Наталья Кирилловна. – Тебя, Петруша, лучше всего, – ты его старший дядя, тебя он послушает. Да и время не терпит. Поезжай, братец...

– Надо, так надо, – согласился тот. – В самом деле, медлить нельзя. Вона я слышал: Софья-де приказала поставить караулы по всему Земляному валу.

– И пока Федор Шакловитый бражничают со своими стрельцами, – добавил Тихон Стрешнев.

– Вот-вот, а по хмельному делу могут натворить незнамо что, – добавила царица.

В полдень следующего дня москвичи, вышедшие на улицы, вынуждены были шараться от бешено летящих всадников, среди которых многие узрели молодого царевича... А уже ближе к вечеру Петр вместе со своим неизменным другом Алексашкой Меньшиковым делал осмотр своим войскам.

– Солдаты, – возбужденно кричал Петр. – В Кремле царица Софья хочет посадить с собой на трон своего любовника Ваську Голицына. Эти любовники нарушают веками освещенную традицию на Руси.

– Не допустим Софью на трон! – кричали солдаты.

– Не бывать тому, чтобы баба правила мужиками!

– Ишь, что удумали!

– Стрельцов она подначивает. С ними надо кончать, – выкрикнул Меньшиков.

– Долой стрельцов! Много воли взяли! – кричали из рядов солдат.

– Веди нас, государь!

После смотра Петр с Алексашкой вернулись во дворец с тем, чтобы переодеться и ехать в Немецкую слободу. Но встретивший их служка передал волю Натальи Кирилловны: сразу после учений идти к ней.

– Чего там случилось? – спросил Петр.

– Отколь мне знать? – ответил служка. – Там собрались ваши дяди да еще другие...

Войдя в светлицу матери, Петр увидел среди обычных родственников еще и боярина Бориса Шереметьева. На недоуменный взгляд сына, мать сказала:

– Сядь и слушай. В конце концов решается и твоя судьба.

Петр сел рядом с матерью, сзади него пристроился Алексашка. Наталья Кирилловна косо взглянула на него, но ничего не сказала, полагая, что этот смышленный паренек может быть полезен, – вон как он ловко управился с поездкой сына в Троицко-Сергиеву лавру.

– Я полагаю, что тянуть больше нельзя, – обстоятельства поджимают, да и Софья засуетилась, – начал серьезный разговор самый старший из присутствующих Петр Кириллович.

В знак согласия присутствующие закивали головами, готовые слушать дальше.

– Следует в эту же ночь воспользоваться тем, что часть стрельцов гулеванит по кабакам, а непьющие разбрелись по своим домам, где их просто будет взять, – продолжил Петр Кириллович. – Разоружить и всех в подвалы...

– Да, есть смысл сделать именно так, тем более, что Семеновский и Преображенский полки собраны в кулак и живут в казармах, – согласился с ним Ромодановский. – А ты что скажешь, Борис Петрович? Ты – человек хоть и молодой, но опытен в военных баталиях.

Борис Шереметьев вежливо поклонился и начал рассуждать:

– Сегодня же ночью по кабакам следует послать человек по двадцать солдат. Всех находившихся там стрельцов связать, кляп в рот и тихо, чтобы не подняли шума, отвести в пыточные подвалы. Где живут домовитые стрельцы, мы знаем. Послать в их дома по три-пять солдат. И также в пыточную.

– А что с Софьей? – спросил Тихон Стрешнев.

– Рано утром, пока она не отошла от сна, заарестовать и посадить под надзор хотя бы в Новодевичий монастырь, поставить охрану у кельи.

– В самом деле, надо сделать все быстро, чтобы успеть за ночь, – внесла свою реплику Наталья Кирилловна. Малейшая оплошность, и все пойдет прахом. Тогда уж не сносить нам голов...

– Да, успеть до рассвета, – согласился с ней Шереметьев.

– Ты уж, Борис Петрович, займись этим делом, обратился к нему Лев Кириллович. – Ты человек, который умеет обращаться с военными.

Тот в знак согласия кивнул головой.

– Сейчас еще светло, – начал он распоряжаться. – Посему пусть Петр Алексеевич с Меньшиковым пройдут по казармам, накормят солдат и прикажут пораньше лечь спать, ссылаясь на то, что ночью будут проводиться учения. А ближе к полуночи их разбудить и отдать соответствующие приказы для каждой группы – кому, куда идти, кого брать и куда отводить. Да помянуть, что в случае успеха их ждет награда. Так они станут ретивее. К утру каждая группа должна прислать сюда гонца с докладом о выполнении приказа.

– Сюда? – переспросил Ромодановский. – Выходит, и нам в эту ночь не спать?

– Потерпишь, Федор Юрьевич, – жестко сказала Наталья Кирилловна. Успеешь отоспаться. Дело-то затевается серьезное.

– Ну, да, конечно, – упавшим голосом проговорил тот. – Ты хоть покормила бы нас.

– Покормлю, – улыбнулась царица. – Но вот хмельного не дам.

Потом, посмотрев на сына, тихо сказала:

– Сопли утри, не время думать о гулянках да о девках гуляющих в Немецкой слободе. Идите в казармы...

– Я, пожалуй, пойду с ними, объясню командирам групп, что им делать, – сказал Борис Петрович. – Как бы не напутали чего...

В знак согласия Петр Кириллович кивнул головой.

Шереметьев с сопровождении царевича и Меньшикова вышли, а оставшиеся приступили к обсуждению последующих действий.

– Если все сможем сделать все, как следует, то на трон возведем Петрушу, – начал рассуждать Петр Кириллович. – Но для этого его надо оженить – холостому на престол не взойти, церковь не одобрит. Надо подобрать ему подходящую невесту...

– Да, но только не из знатных, родовитых семей, – высказал свое мнение Лев Кириллович. – А то родня ее почнет гнуть в свою сторону.

– Нужна спокойная, смиренная девица, – рассудил Ромодановский.

– Есть у меня одна такая на примете, – предложил Тихон Стрешнев.

– Кто такая? – поинтересовалась Наталья Кирилловна. – Из каких она?

– Из Лопухиных, – ответил Тихон. – Род старинный, но слегка обнищавший. Девица верующая, правда, годика на три постарше Петруши.

– Это ничего, что старше, – рассудила царица. – Это и к лучшему, – с такой женой посерьезней станет, а то до сих пор вертопрахом живет.

– А ты ее, случаем, не почал? – ехидно спросил Лев Кириллович.

– Не о том спорите. Не время пустословить. Что с Софией делать будем?

– Как и решили, сразу с рассвета послать к ней людишек и заарестовать, – пожал плечами Петр Кириллович. – Убивать нельзя, – кабы бунта не случилось...

В этот день Москва проснулась необычно рано, когда на улицах было еще сумеречно. Услышав шум на улицах, обыватели начали просыпаться, в окнах затеплились огоньки свечей, лампад и лучин. Жители с тревогой вглядывались в мутные окна, пытаясь разглядеть, чем вызвано беспокойство. Но выходить наружу никто не решился – известно, береженного Бог бережет!

В кабаках охмелевших и полусонных стрельцов повязали быстро и без особых происшествий. Но в избах пришлось повозиться.

Услышав шум возле дома, некоторые хозяева хватались за оружие, но противостоять нескольким вооруженным солдатам было невозможно. Семейство, увидев убитого хозяина, поднимало страшный вой и плач, будя всю округу.

Несколько полуодетых стрельцов выскочило во дворы, но, увидев численное преимущество, сдавались без сопротивления и позволяли себя связать.

К утру пыточные подвалы были заполнены стрельцами. Петр, довольный тем, что все прошло успешно и без особой крови, искренне веселился и к утру предложил Алексашке зайти в один из таких подвалов.

При слабом свете факелов он смог разглядеть только близко сидящих пленников. – Ну, помогла вам ваша защитница? – горделиво выпятив грудь, спросил он. Узнав царевича и понимая безысходность своего положения, те вразной заговорили:

– Явился, выблядок! Теперь куражиться начнешь?

– Ты – не Романов, не царевич нам.

– Сопляк, тебе бы надо в пыточной сидеть.

– Он сам кобель, весь в матушку...

– Ишь, явился, не запылится...

– Убивать таких надо, а не на престол сажать.

– А ну, помолчите, черви земельные! – прикрикнул на стрельцов Меньшиков. Но, взглянув на Петра, испугался. Лицо царевича побелело, щеки начали дергаться, глаза закатились так, что видны были только одни белки. Левая рука начала непроизвольно дергаться...

– Пойдем отсюда, – Алексашка подхватил Петра за талию и с силой вывел наружу.

– Да я их, – судорожно бормотал милый друг. – Всех на плаху, головы рубить... Всех, до одного...

– Конечно, конечно, – соглашался с ним Меньшиков, стараясь успокоить его.

– Всех, вместе с их отродьем, – не мог успокоиться Петр. – Чтобы и памяти о них не осталось... Всех...

– Так и сделаем, – бормотал Меньшиков. – Нечего им пакостить на святой земле... Нарышкиным, Ромодановскому и Стрешневу уже доложили, что план удался, – большинство стрельцов взяты, а те, что остались, не посмеют головы поднять.

– Теперь дело за Софьей, – заключил Петр Кириллович. – Надо брать, пока не опомнилась.

– Мне доложили, что Борис Петрович с солдатами-преображенцами поехали за ней, – сказала Наталья Кирилловна. – Вот-вот он должен возвратиться...

Шереметьев приехал к обеду и рассказал, как арестовали Софью. Небольшой отряд стрельцов, охранявший ее, увидев большое численное превосходство солдат, не вздумали сопротивляться. А Софью захватили, когда она уже оделась и собиралась бежать.

– Вовремя успели, – вздохнул с облегчением Федор Петрович. – Не уткнула...

– Где она сейчас? – спросила Наталья Кирилловна.

– Отвезли в Новодевичий, замкнули в келье, выставили надежную охрану, – пояснил Борис Петрович.

– Не убежит? – всполошился Лев Кириллович.

– Не уйдет, – твердо заверил Шереметьев. – Я ее своими ногами под конной стражей отправил, чтобы людишки видели – кончилась власть Софьи.

– И то правильно, – согласился с ним Стрешнев.

– Что со стрельцами будем делать? – спросил Федор Юрьевич. – Долго взаперти держать их нельзя – взбунтуются, да и родственники у них остались на воле.

– Покончить с ними разом, чтобы с корнем вырвать эту заразу, – решительно заявил Петр Кириллович. – А родственники?.. Ну, поплачут недолго, похоронят да успокоятся. А кто не успокоится...

– Так и сделаем, пока все не пришли в себя. Для острастки другим казнить всех вместе на Красной площади, да народишко согнать. Чтобы запомнили – с нами шутить нельзя, – твердо заявила Наталья Кирилловна. – И тянуть с этим не стоит...

– А с Васькой Голицыным как поступим? – поинтересовался Ромодановский.

– Умен зело, – рассудительно проговорил Петр Кириллович. – Нельзя его оставлять на воле. Да и в порубе он опасен...

– Понятно, – кивнул в знак согласия Шереметьев. – Надо обрубить все концы, чтобы у них никакой надежды не оставалось.

– И Софья, оставшись без поддержки, ничего не сможет предпринять, – в раздумье проговорила царица. – Так-то спокойнее будет.

– Это так, – подтвердил ее слова Ромодановский.

Через два дня с утра москвичей начали сгонять на Красную площадь, где должна состояться казнь стрельцов.

Петр с Меньшиковым приехали туда верхами, когда первые стрельцы уже сложили головы на плахе, а другие висели на столбах вдоль кремлевской стены.

В сумерках раннего утра один из стрельцов, заметив царевича, крикнул:

– Прибыл на живодерню посмотреть?

Другие его поддержали:

– Попей нашей кровушки да не захлебнись...

– Бога в тебе нет, изверг...

Алексашка внимательно посмотрел на друга. Лицо того снова побелело, левая щека задергалась, глаза широко раскрылись. Казалось, они вот-вот вылезут из орбит.

Петр судорожно слез с коня и, подойдя к одному из кричащих, схватил его за ворот и потянул к Лобному месту. Оттолкнув ката, он вырвал из его рук окровавленный топор.

– А ну, ложись, – заорал он на стрельца, брызгая слюной.

– Царевич-мясник! Такого еще не бывало, – усмехнулся тот, кладя голову на плаху. – Давай, пей нашу кровушку...

Петр размахнулся и ловко попал по шее, после чего ногой оттолкнул голову с помоста.

– Ловко у тебя получается, – усмехнулся второй стрелец. – Видно, немало голов поотрубал. Привычен...

– Ложись, – снова закричал Петр.

В толпе пронзительно закричали какая-то баба и отрок.

Петр снова взмахнул топором и рубанул, попав на этот раз по основанию черепа. На помост брызнули мозги, смешанные с кровью. И эту голову царевич торопливо сбросил вниз.

Третьего стрельца Петр рубанул, частично задев спину, но не перерубив до конца. С выпученными глазами и перекошенным лицом он дорубил шею до конца и бросил топор.

– Пошли, мин херц, хватит, – Меньшиков взял Петра под руку и помог ему сойти с помоста.

Петра трясло, и он с трудом взобрался на коня. Кафтан был весь забрызган кровью и мозгами. Вытерев красные от крови руки о порты, он приказал:

– В баню хочу.

– Сей момент все спроворим, – ответил Алексашка, стараясь ехать чуть в стороне от друга, от которого довольно сильно пахло то ли кровью, то ли мертвечиной.

Чуть позже Наталье Кирилловне рассказали о том, что Петр самолично рубил головы. Сидящий рядом Лев Кириллович проворчал:

– Лихо начинается новый Грозный! Боюсь, хлебом мы с ним горюшка.

– Ничего, пока он в моих руках, – тихо ответила сестра. – А там Бог не выдаст, свинья не съест...

– Ну-ну, – только и вздохнул брат. – Где он сейчас?

– Занемог что-то, – ответила сестра. – Приехал с Красной площади и слег. Послала к нему лекаря.

– Рассказывают, что он сам рубил головы стрельцам, – заметил Петр Кириллович.

Наталья только махнула рукой:

– Устала я что-то, пойду прилягу.

– Да и нам надо отдохнуть – всю ночь, почитай, не спали, – согласился с ней Лев Кириллович.

Петр пролежал в постели два дня. Потрясение, которое он испытал, привело к частичной и временной парализации левой руки. Но постепенно рука отошла, и он смог жить, как и прежде.

А через месяц состоялось его венчание с Евдокией Лопухиной. После свадебного пира молодых повели в спальню...

Едва молодые остались одни, Петр схватил Евдокию, повалил на пол, покрытый ковром, и начал грубо срывать с нее одежду.

– Нельзя же под святыми образами, – взмолилась она, но он, казалось, не слышал ее...

Жизнь молодых не заладилась с самого начала. Богомольная Евдокия большую часть времени проводила в молитвах и в беседах со старухами-приживалками, при каждом случае сетуя мужу на его непотребные дела. Довольно быстро она забеременела, как-то постарела, обрюзгла и стала похожа на своих собеседниц. Разговаривать с ней стало совершенно неинтересно, – она стала часто брюзжать по малейшему поводу, что всегда раздражало Петра,

порой приводя в ярость. И даже рождение сына Алексея не изменило отношений между мужем и женой. Именно по этой причине большую часть времени молодой муж проводил со своим Потешным войском, с приятелями Меньшиковым и Лефортом пропадал в Немецкой слободе, а в последнее время увлекся строительством простеньких кораблей и их маневрами на Плещеевом озере. И лишь время от времени вызывался к матери Наталье Кирилловне, которая в присутствии братьев и ближних – Ромодановского, Стрешнева и Шереметьева, а также других бояр, обсуждала государственные дела.

В одно их таких заседаний мать посетовала сыну:

– Монахини Новодевичьего монастыря жалуются на вонь от стрельцов, повешенных перед окном кельи Софьи. Богомолки шарахаются и боятся идти на молебен. Этак и до заразы какой-нибудь недолго. Ты бы распорядился снять их. Повисели и довольно...

Петр молча кивнул головой в знак согласия и вышел. Евдокия, подкараулив мужа в переходе дворца, посетовала:

– Ты хоть бы к сыну зашел посмотреть, как он...

Но Петр только отмахнулся:

– Что с ним станется? Вокруг него мамки да няньки. А у меня дел не впрокорот.

Отдав необходимое распоряжение стрельцам, чтобы сняли трупы в Новодевичьем, он позвал Алексашку и направился с ним гулять в Немецкую слободу.

Там пришлось пробираться через толпы гуляющих прямо на улице жителей слободы – иноземцев. Прямо перед домами были установлены столы, за которыми сидели негоцианты и те, кто прибыл в Россию на заработки, призванные еще царем Алексеем Михайловичем.

Увидев Петра – постоянного посетителя их общины, – они встали и, подняв кубки, приветствовали его. Некоторые старые знакомые приглашали его к своему столу, прося составить им компанию.

Петр приветливо здоровался со всеми, но присоединяться к ним не стал, а прошел в «веселый дом», где весь первый этаж занимали ресторация и кухня.

Хозяин заведения, узрив дорогих и постоянных гостей, немедленно прогнал второстепенных посетителей от стола возле окна и приказал постелить свежую скатерть.

Заметив приход Петра с Алексашкой, откуда-то из дальнего угла явился Франц Лефорт.

– Францишка, – обрадовался Петр, – ты уже с утра гуляешь?

– Да нет, только пришел, – ответил он, обнимая приятелей. – А вы все в делах?

– Какие там дела, – Петр жестом пригласил друзей за стол. – Они без меня решаются.

В это время к ним подошла молодая девушка с подносом, на котором стояли кувшины пива и немудрящая закуска. Как старый знакомый, Франц хлопнул ее пониже спины.

Петр удивленно поднял глаза и уставился на нее:

– Кто такая? Почему раньше не видел?

– Это Анна, дочь золотых дел мастера Иоганна Георга Монса и Модесты Ефимовны, урожденной Могерфляйш.

– Семья-то большая? – спросил Петр.

– У меня две сестры и брат Виллим, – певучим голосом ответила Анна.

– Хороша, нет, право хороша, – проговорил Петр, глядя на девушку восхищенными глазами.

– Государь, отведайте кьоузе – я сама пекла, – пропела Анна.

– Что это такое? Чудное название – кузе!

– Крокеты из картофеля, – пояснила она.

– Она вообще мастерица готовить, – льстиво проговорил Франц, обнимая девушку за талию и прижимая ее к себе. Но, увидев яростный взгляд Петра, смутился и отпустил ее.

– Живешь прямо здесь, Анхен? – спросил Петр.

– Да, на верхнем этаже у меня небольшая комнатка, – лукаво улыбнувшись, ответила она.

– Покажешь мне?

– Отчего же не показать? – улыбнулась Анна.

– Тогда пойдем, погляжу, – Петр встал и жестом пригласил ее следовать впереди.

– Ты чего насупился? – спросил Алексашка Франца, когда они остались вдвоем.

– Я с ней начал жить, когда ей исполнилось только пятнадцать, – ответил тот. – А теперь, чувствую, все...

– Да уж, – засмеялся Меньшиков, – Петр своего не упустит. Придется тебе искать другую пассию.

– Да есть у меня «запасная», – нехотя проговорил Франц. – Ее подруга – Елена Федермех. Такая же горячая, как и Анна.

– Немки они только с виду строгие и сдержанные, – согласился с ним Алексашка. – А как прижмешь к себе – огонь! Не чета нашим бабам.

– Не скажи, – возразил Франц. – И среди русских встречаются ого-го!

– Это точно, – согласился с ним Меньшиков. – А Петру в этом смысле не повезло с женой. Он рассказывал: только сделаешь с ней дело, а она уже храпит. Да и то, говорит, не каждый день. Чуть что: устала я, грешно сегодня – светлый христианский праздник, болею я... Вот Петр и звереет при виде юбки.

– В таком случае озвереешь, – согласился Франц.

– А ты не переживай за Анну, найдешь себе другую. А то, что познакомил государя с ней, тебе зачтется.

В это время они заметили спускающихся по лестнице Петра и Анну. Лица обоих покраснелись, словно они только что вышли из бани. Подходя к друзьям, Петр усадил ее за стол и сказал, обращаясь к Меньшикову:

– Я обещал Анхен завтра показать Москву со стороны Яузы. Приготовь ботик...

– Все сделаю в лучшем виде, Петр Алексеевич, – церемонно поклонился тот. – С утра все будет готово...

Ближе к вечеру Меньшиков попросил позволения у Петра пойти подготовить судно к заворачиванию плаванию.

– Сделай все лучшим образом, – предупредил его тот.

– Все будет, как надо, – уверил его Алексашка, – не беспокойся.

Тут же ушел и Франц, сославшись на неотложные дела, что, впрочем, не вызвало возражений у государя.

Во дворец Петр явился только к вечеру следующего дня. Евдокия, заглянувшая к нему в комнату, начала причитать:

– Совсем обезумел, стыда у тебя нет. Мало того, что позабыл свою жену, так и о сыне не вспоминаешь. А я уж которую ночь сплю одна, все слезы проплакала, подушки к утру мокрые от слез...

Петр молча слушал ее вопли, но было видно, как покраснело его лицо и сам он напрягся. Евдокия замолчала и во избежание вспышки гнева ушла в свою светелку. Жаловаться царице Наталье Кирилловне было бесполезно: однажды на ее сетования та строго ответила: «Он – государь, и не нам с тобой осуждать его и препятствовать. Радуйся тому, что живешь в царском дворце, а не в вашем захудалом домишке».

Не встречая поддержки и сочувствия в чуждом ей царском доме, Евдокия становилась все более раздражительной, ворчливой и нередко плакала, стоя на коленях перед иконами.

А Петр, чувствуя поддержку матери, практически перестал обращать внимание не только на жену, но и на сына. Мало того, свою Анхен он приводил в царские покои и на ассамблеи, нимало не стесняясь осуждающих взглядов присутствующих.

Особенно недовольны были поведением Петра, да и матери его, давнишние супротивники Нарышкиных – знатные бояре Долгорукие, Матвеевы и другие, близкие к ним семьи.

– Ишь, гулящую девку стал водить в царский дом, – ворчал Михаил Долгорукий.

– Ни стыда, ни совести, – поддерживал его Артамон Матвеев. – А что от них ждать, коли род их происходит от стрелецкой верхушки и от офицеров полков нового строя...

– Вот из-за незнатности рода он и порубил стрельцов-то, – усмехался Михаил.

Петру, естественно, немедля донесли об этих разговорах. В бессилии он скрипел зубами, но что-либо сделать с мощными и многочисленными родами ни он, ни мать не решились.

Анна, замечавшая, как менялся в лице ее поклонник, мягко гладила его по руке и шептала:

– Ты – государь, тебе ли их бояться?

– Она права, – дополнял ее вездесущий Алексашка. – Да и святоши тебе не указ.

– Со святошами тоже разберусь, – ворчал Петр.

В конце концов, глядя на расстроенного Петра, Анна предложила:

– Давай уйдем отсюда. Надоело смотреть на эти угрюмые лица, на их старомодные кафтаны, бородатые морды...

Подхватив свою подругу, молодой государь увел ее в одну из комнат и сразу же повалил на кушетку. В перерывах между ласками он достал из кармана камзола какой-то сверток, завернутый в платок.

– Что это? – спросила Анна.

– А ты разверни, увидишь...

В платке оказался миниатюрный портрет Петра, обрамленный алмазами.

– Какая прелесть! – воскликнула восхищенная девушка. – Это же очень дорогой подарок.

– Тысячу рублей заплатил мастеру, – с гордостью ответил Петр. – Смотри, храни его как зеницу ока, как признание моей любви.

– Я буду носить его возле сердца, – ответила она. – И тогда ты будешь всегда со мной.

– Я скоро уезжаю в Германию, – серьезно сказал Петр. – Что тебе привезти?

– Ты же понимаешь, что нужно женщине, – жеманилась Анна. – Конечно же, самые модные наряды, ботинки, которые сейчас там носят. Не могу же я ходить в лаптях!

– Ладно, привезу, – засмеялся Петр. – Ты только гляди тут у меня, не шали. Узнаю – голову оторву твоим полубовникам. Ты меня знаешь...

– Да знаю, знаю, – Анна прильнула к нему и начала целовать. – Ты там тоже не балуй...

– Никого знать не хочу, кроме тебя, – ответил Петр.

Перед отъездом Наталья Кирилловна вызвала к себе сына. Поговорив о делах, она заметила:

– Мне доложили, что ты приблизил к себе семейство Монсов – даришь им дорогие вещи, украшения. Вон девице Анне подарил даже свой портрет с драгоценными камнями. А это дорого стоит казне. Не слишком ли ты расточителен?

Петр надулся и пробурчал:

– Чай, я не первый, кто дарит дорогие подарки своим полубовникам.

– Что ты имеешь в виду? – сощурилась мать.

– Сама знаешь, – ощерился сын. – У меня тоже есть свои шептуны.

– Не слишком ли много берешь на себя, чтобы судить мать?

– Так и ты не суди меня.

– Ты – государь и должен думать о благе отечества, а не швырять казенные деньги на ветер.

– Казна от этой мелочи не обеднеет.

Вздыхнув и строго глянув на сына, царица строго сказала:

– Смотри там, за границей, не позорь ни себя, ни Россию. Не то подумают: приехал-де медведь, дикарь-дикарем. А по тебе станут судить и о стране в целом...

Петр молча поклонился матери, поцеловал ей руку и вышел. Отправившись в Немецкую слободу, он жестоко напился и остался ночевать у милой Анхен.

По возвращении из Германии Петр проехал прямо к своей любовнице. Обрадовавшись подаркам, та прыгала от радости, как маленькая девчонка.

Само собой, что Наталье Кирилловне немедленно доложили о приезде сына, и она послала за ним. Нехотя Петр был вынужден подчиниться и отбыл во дворец.

В покоях матери уже находились срочно вызванные ее братья, Федор Юрьевич Ромодановский, Борис Петрович Шереметев, Тихон Стрешнев и Борис Голицын.

Рассказав им о результатах поездки, Петр сказал, что жить в изоляции Россия больше не может, а значит, нужно строить свой флот и торговать, чтобы вывести страну из длительного сна. Рассказал и о том, что прибывшие с ним выглядели, как белые вороны на фоне поинному одетых, бритых и образованных немцев.

– Да вы сами видите, как одеваются в Немецкой слободе и как наши люди. И начинать надо с бояр. Смешно и дико видеть, как они среди лета ходят в кафтанах до пола, собирая на подолах уличную грязь, противно смотреть на их бородатые рожи с застрявшими в бородах крошками после трапезы.

– Это ли главное в управлении страной? – спросил Петр Кириллович.

– Все начинается с малого, – упорствовал Петр. – Замыкаемся в своих теремах с узкими оконцами, сидим, словно медведи в берлоге, не видя, что деется окрест. А за граница идет вперед...

– Такие дела делаются неспешно, исподволь, – заметил Лев Кириллович. – Надо подготовить народишко, чтобы он понял выгоду от этого. А рубить топором – себе в ущерб.

– Ну да, не торопясь, как на телеге ехать, а не на коне скакать, – с усмешкой возразил Петр. – И через многие века, может быть, догоним за границу. Только и она не станет стоять на месте. Нет уж, в таких делах надо действовать решительно и споро.

– Экий ты упрямец, племянник, – покачал головой Петр Кириллович.

– Ох, боюсь, – хлебнем мы горюшка с таким государем, – проворчал Федор Юрьевич. – Еще наплачемся...

– Вы всю жизнь прожили в темноте, а я на свет хочу, – махнул рукой государь и пошел в свои покои.

В переходе он нос к носу столкнулся с Евдокией.

– Петруша, ты бы зашел ко мне хоть ненадолго, – просящим голосом пропела она.

– Отстань от меня, постылая, – оттолкнул он жену. – И без тебя забот хватает.

Сидя на скамье в своих покоях, он долго обдумывал разговор с родичами, а потом резко встал и крикнул:

– Никита!

Дверь в покои отворилась и в притворе показалась помятая физиономия Никиты Зотова.

– Звал, Петруша? – спросил он.

– Найди Алексашку, – приказал он, уставившись на красный нос бывшего учителя. – Поедем в Немецкую слободу. Да живо у меня!

В «веселом доме» было привычно шумно. Войдя в залу, приятели сразу увидели за своим столом у окна Франца Лефорта, на коленях у него сидела их общая знакомая, подруга Анхен, Елена Федермех.

– А я уж думал, что вы сегодня не придете, – воскликнул Франц, ссаживая девушку и раскинув руки для объятий.

Заметив, что гостей обслуживает мать Анны, Петр спросил:

– Анхен где?

– Приболела она, – ответила Елена. – Квасу холодного на жаре выпила, вот и слегла. Сейчас лекарь у нее.

Петр направился в комнату любимой, следом за ним семенила ее мать, Модеста Ефимовна, и постоянно тараторила:

– Уснула она сейчас, государь, ты уж ее не буди. Всю ночь бедняжка металась в жару.

Войдя в комнату, Петр увидел свою Анхен, лежащую на постели. Подле нее сидел дряхлый старичок лекарь и, окуная тряпицу в какую-то жидкость в чашке, прикладывал ее ко лбу девушки.

– Анхен, милая, – только и прошептал Петр.

Осторожно взяв руку девушки, лежащую поверх одеяла, он осторожно поцеловал ее. Рука была настолько горячая, что он едва не обжег губы.

Постояв немного возле постели, Петр медленно вышел, осторожно прикрыв дверь.

– Я побуду здесь, – сказал он матери.

– А ты иди в мою спальню, – сказала она, открывая дверь напротив. – Тебя здесь никто не беспокоит.

Петр тяжело сел за стол, облокотившись на него и обхватив голову.

– Ты не расстраивайся, государь, – начала успокаивать его Модеста Ефимовна. – Девчонка молодая, справится. Полежит несколько дней и отойдет.

Помолчав немного, она спросила:

– Может, тебе принести чего? Поел бы ты...

– Принеси, – согласился он.

И, помолчав немного, добавил:

– Пусть Елена принесет. Она там с Лефортом.

Женщина кивнула головой и тихо вышла.

Прошло совсем немного времени, и в комнату вошла Елена с подносом в руках. Среди блюд со снедью стоял кувшин с вином.

– Вот это мне сейчас нужно, – встрепенулся Петр, налил в бокал вина и выпил.

– Еще чего нужно? – спросила девушка.

– Нужно, – он привлек к себе Елену и огладил ее по спине и ниже. – Какая ты сочная и красивая. Я как-то раньше не замечал.

– У тебя в глазах одна Анна, – усмехнулась та. – Вот и не видишь ничего вокруг.

– А без этой хламиды ты, наверное, еще лучше, – проговорил он, потеряв подол ее платья.

– Хочешь взглянуть? – лукаво улыбнулась она, глядя на долговязого молодого мужчину.

– Я помогу тебе, – Петр встал и принялся распутывать тесемки на ее груди...

Во все дни болезни Анны Петр ежедневно приходил к ней, но каждый раз этот приход заканчивался вызовом Елены в спальню хозяйки.

Однажды он посетовал Модесте Ефимовне на скудость подаваемых блюд, на что та ответила:

– Прости, государь. Но купцы так задрали цены на товары, что моих средств не хватает, чтобы покупать лучшее. Говорят, на дорогах лютуют лихие люди, приходится обозам усиливать охрану. А это расходы...

– Ладно, не горюй, – ответил он. – Сладим с этой напастью.

На следующий день Петр отдал распоряжение выплачивать вдове ежегодный пансион в 708 рублей и отписать к ней Дудинскую волость в Козельском уезде с деревнями в 295 дворов, чтобы она могла получать от них продукты для своей ресторации.

Через неделю девушка совершенно поправилась, и Петр с удовольствием увидел в ней прежнюю нежную, умную и веселую Анхен. В один из дней, лежа с ней в постели, он прошептал ей:

– Одевайся, пойдем со мной, – я покажу тебе кое-что...

– Что? – прильнула она к нему. – Ну скажи, что?

– Э, нет, пока это секрет, – улыбнулся он, целуя свою возлюбленную. – Всею свое время.

Выйдя на улицу, он взял ее за руку и повел куда-то в сторону от «веселого дома».

– Куда ты ведешь меня? – смеялась она.

– Сейчас все увидишь, – ответил Петр.

Возле кирхи они остановились.

– Ты что, решил стать католиком? – усмехнулась Анна.

– Не туда смотришь, – покачал он головой. – Видишь дом возле кирхи?

– Вижу, красивый и новый. Кто его построил?

– Этот дом отныне твой. Дарю, – с гордостью произнес Петр. – Тебе выстроил за твою любовь ко мне.

– Ты шутишь? – искренне удивилась Анна.

– Какие шутки? – пожал он плечами. – Пойдем внутрь, посмотришь...

– Майн готт, какая красота! – восхитилась девушка, осматривая дворец изнутри. – Какая лепнина красивая и мебель – просто прелесть!

– Специально умельцев из Германии выписал, чтобы они сделали все в лучшем немецком духе, – с гордостью сказал Петр, укладывая ее на диван.

А потом, отдышавшись от приятного, но утомительного занятия, добавил:

– погоди, я тебя еще и царицей сделаю!

– Но у тебя есть жена...

– В монастырь отправлю, – коротко бросил он. – Надоела хуже горькой редьки.

– Так и я могу надоесть, – прильнула к нему Анна.

– Ты не надоешь никогда.

– Ага, а пока я болела, кувыркался с моей подругой.

– Ты же была больна, а я мужик здоровый, мне постоянно женщина нужна.

– Я – католичка, значит, твоей женой быть не могу.

– Перейдешь в православие. Бог-то у нас один, так что ему все равно, кто как молится.

В один из дней Петр с Алексашкой Меньшиковым в кабинете царя обсуждали корабельные дела.

– Мы строим суда по своему образу и подобию, как привыкли. Но все эти суда предназначены главным образом для плавания по рекам и прибрежным водам. А нам нужны большие морские суда, чтобы плавать в другие страны. Такие, как строят голландцы, – они доки в этом деле, – рассуждал Петр.

– У нас мастеров таких нет, – ответил Меньшиков. – Вон в Шлиссельбурге начали строить яхту для морских плаваний, да получилось не очень ладно. Сейчас ее переделывают.

– В начале лета съездим туда, посмотрим, что да как. На месте и разберемся, – решил Петр.

В это время в кабинет вошла Евдокия.

– Чего тебе? – грубо спросил ее муж.

– Не зайдешь ли ко мне, когда покончишь с делами, – жалостным голосом проговорила она.

– Там видно будет, – недовольным голосом пробурчал он. – А сейчас не мешай нам.

Когда та вышла, Петр проворчал:

– До чего же она надоела мне. И зудит, и зудит...

– Ты – государь, твоя воля – закон, – поддел его верный друг.

– И решу, – твердо произнес Петр, стукнув кулаком по столу.

В марте, когда стал подтаивать скопившийся за зиму снег, Евдокию отправили в суздальский Покровский монастырь.

Патриарх Адриан, несмотря на все уговоры Петра, не давал согласия на пострижение Евдокии в монахини. Тогда ее отправили насильно и «по-плохому» – без содержания.

И пусть ни архимандрит, ни священники не решались на обряд пострижения, с ними царь не церемонился: было назначено новое монастырское начальство, а оно уже не вдавалось в рассуждения, – как было велено, так и исполнили.

Место возле царя оказалось свободным.

Когда снег полностью сошел и дороги просохли, Петр с Алексашкой и Лефортом выехали в Шлиссельбург инспектировать ремонт царской яхты и строительство нового российского флота.

Увидев царя, рабочие побросали работу, чтобы взглянуть на самодержца. Петр, удовлетворенный ходом работ и качеством строительства и польщенный таким вниманием строителей, помахал людям рукой и приказал выдать каждому по чарке вина.

Вечером по этому случаю был организован пир, на котором вино лилось рекой. Совершенно охмелев, по призыву Петра все пошли еще раз взглянуть на новые корабли да заодно искупаться, чтобы сбросить хмель.

Всем было весело, люди плескались, шутейно сталкивая друг друга в воду до тех пор, пока царь не остановил их:

– Все, довольно! Вино киснет, его надо срочно допить. Пошли всем гуртом...

За столами полупьяные гости случайно обратили внимание, что стул саксонского посланника Кенигсека пуст.

– Где он? – загремел Петр. – Не положено прятаться от честной компании. Отыскать и привести сюда!

Слуги тотчас бросились исполнять приказание.

Веселье продолжалось и Петр, казалось, уже забыл об исчезнувшем посланнике. Но какой-то неясный шум за дверью привлек его внимание.

– Алексашка, поди узнай, что там случилось, – приказал он Меньшикову.

Тот встал и на нетвердых ногах пошел узнавать причину шума. А через некоторое время он вернулся – лицо его было бледным и ноги уже не подкашивались.

– Ну? – рыкнул на него государь.

– Боюсь говорить, мин херц, – проблеял тот.

– Говори! – царь стукнул по столу кулаком так, что на нем запрыгала и опрокинулась посуда.

– Кенигсек утонул, – почти простонал Меньшиков. – Вытащили, а он уже не дышит.

– Что? – взревел, вскочив со своего места Петр. – Кто не уследил? Ты?

– Я же с тобою рядом был все время, боялся, как бы с тобой чего не случилось, – дрожащим голосом проговорил ближний друг.

– Разве не ты должен был следить за иноземцами? – Петр выхватил шпагу и замахнулся на Меньшикова, но тот успел нырнуть под стол.

Лефорт попытался удержать Петра, схватив его сзади за локти, но царь так махнул рукой, что разбил Францу нос, из которого ручьем потекла кровь.

И только вид этой крови да еще ласковые увещевания Никиты Зотова слегка утихомирили его. Налитыми кровью глазами он оглядел сидящих за столом.

– Это же скандал. Как теперь оправдаться перед саксонским королем? – ревел он. – Сказать, по пьяному делу утонул? Кто нам поверит? Все равно там будут говорить, что специально его утопили. Уходите все, чтоб мои глаза вас не видели...

Наутро Петр созвал своих ближних друзей, которым безоговорочно доверял – Меньшикова, Лефорта и Зотова.

– Вот что я решаю, – объявил он. – Сегодня же выезжаем в Москву. За иностранцами организовать самое тщательное наблюдение, чтобы они не выслали гонцов с донесением о гибели Кенигсека. Да так, чтобы мышь через границу не проскочила! Ясно вам? Ты, Алексашка, отвечаешь. А ты, Лефорт, – немчин. Если узнаю, что за моей спиной начнешь что-то предпринимать, голову оторву, – ты меня знаешь.

– Да уж знаю, – с обидой проговорил тот, дотрагиваясь до вспухшего носа.

К Москве кавалькада всадников во главе с царем прибыла рано утром. Не доезжая версты до столицы, Петр остановился, глядя на Кремль и раздумывая, куда сначала поехать – в Кремль к матери или сразу к дому Анны?

Угадав ход его мыслей, Меньшиков сказал:

– Мин херц, сначала надо решить вопрос с иностранцами.

Петр ничего не ответил, но решительно повернул коня в сторону Кремля.

– Поезжай в дом Кенигсека, собери там все бумаги, чтобы ничего не пропало, – приказал он Меньшикову. – А то еще обвинят нас, что все было подстроено.

На заседании сената Петр объяснил неприятную ситуацию.

– Вот до чего доводят пьянки-гулянки, – проворчал Петр Кириллович.

– Полно, сейчас речь не об этом, – остановил его Ромодановский. – Я полагаю, что след говорить о праздновании в Шлиссельбурге, на котором случилось несчастье. Тут речь идет еще о другом – многие бояре недовольны тем, что за спиной Петра правит Наталья Кирилловна, которой, дескать, нашептываем мы.

– Кто говорит? – спросил Петр.

– Долгорукие, Матвеевы и еще некоторые из родовитых бояр.

– Чего они хотят? – не отставал Петр.

– Ясное дело, чего хотят, – пожал плечами Петр Кириллович. – Дескать Нарышкины власть нечестным путем захватили, да и ты, Петр, вроде как незаконно на трон сел.

– Мало им, что столько стрельцов казнили? – вступил в разговор Тихон Стрешнев.

– Недовольны тем, что ты новые порядки заводишь, бороды стрижешь, кафтаны укорачиваешь, новые налоги вводишь, – добавил Ромодановский.

– Перебьются, – отмахнулся царь.

По окончании заседания усталый Петр прошел в свой кабинет. Там уже сидел Меньшиков, на столе перед ним лежали какие-то письма.

– Надоело все, – Петр откинулся на кресле. – Что это у тебя?

– Посмотри сам, – Алексашка придвинул к нему бумаги, – письма от Анхен.

– Мои? – спросил государь.

– Если бы, – усмехнулся тот.

Петр взял одно из писем и развернул его.

– Тут на немецком языке, а я его плохо знаю, – протянул Петр. – Почерк ее. У тебя есть толмач?

– Мне перевели.

– Ну, так растолкуй.

– Петр Алексеевич, давай я лучше толмача позову, – я привел его с собой.

– А что сам? Боишься?

- Откровенно говоря, да. Боюсь, что прибьешь меня.
- Ты о чем?
- Это любовные письма твоей Анхен к Кенигсеку.
- Что? – вытаращил глаза Петр. – Что ты сказал?
- Она признается ему в любви, а тебя хулит непотребно. Называет сумасбродом, жалуется на твое непредсказуемое поведение...
- Не врешь? Смотри, – с огнем играешь! – взревел, поднимаясь, Петр.
- Мне жизнь дорога, чтобы врать тебе, – ответил Меньшиков, отходя на всякий случай подальше от стола. – Если хочешь, я позову толмача – он переведет все в точности.
- Не надо. Не хватало еще чужих людей в это вмешивать. Да передай ему, чтобы молчал, не то язык вырву.
- Уже упредил, – успокоил его друг.
- Ну, змея! – Петр широкими шагами мерил кабинет от угла до угла. – Сучка... Что же, выходит, что она жила со мной за подарки?
- Выходит, что так. Не поздно? Чай, спит уже, – засомневался Данилыч.
- Поедем, – решительно сказал Петр, выходя из кабинета.
- В нескольких окнах дома, подаренного Анне государем, виднелся свет.
- Гости у ней, что ли? – недоуменно произнес Меньшиков.
- А вот мы сейчас и узнаем, – Петр стремительно вошел внутрь дома, грубо оттолкнув впустившего их слугу.
- На втором этаже в гостиной в креслах расположились Анна и прусский посланник Георг Иоганн фон Кайзерлинг – пожилой уже человек, ревновать к которому было смешно и несерьезно.
- Увидев разъяренного Петра, посланник вежливо поклонился и попросил позволения уйти.
- Иди, – резко сказал ему Петр.
- Тот вышел, сопровождаемый Данилычем.
- Петр вынул из кармана камзола письма Анхен и бросил их ей в лицо.
- Та, к великому изумлению Петра, спокойно сложила бумаги в стопку, положила их возле себя и спокойно посмотрела на любовника.
- Ты что, совсем не любила меня, если позволяла себе спать с другим человеком? – спросил государь.
- А как понимать твою любовь, если ты, помимо меня, кувыркался с моей подругой, да и со многими другими женщинами?
- Я же хотел тебя сделать русской царицей!
- А зачем мне это? – подняла брови Анна. – Чтобы сидеть в тереме, словно узница? А потом, когда я надоем, меня отправят в монастырь, как ты это сделал с сестрой Софьей и женой Евдокией? Нет уж, спасибо! Я – свободная женщина и всегда хочу оставаться ей.
- Я люблю тебя и никогда не поступил бы с тобой так, как с ними, – начал оправдываться Петр.
- Нет уж, ваше величество! Как у вас говорят, береженого Бог бережет.
- Ты не спеши с решением, подумай. Одно дело – быть дочерью хозяйки трактира, с другой стороны – царицей! Я еще поговорю с твоей маменькой, чтобы она вразумила тебя.
- А мама на моей стороне, – усмехнулась Анна.
- Вот как! – искренне удивился Петр.
- Представь себе.
- Значит, вы с ней заодно, – нахмурился государь. – Я прикажу лишить ее ежегодной денежной выплаты и отбираю у нее все деревни в Козельском уезде, что я подарил. В конце

концов, это государственное имущество. А ты поживи под домашним арестом, пока обдумываешь мое предложение.

Анна засмеялась:

– Не мытьем, так катаньем?

– Нет, просто даю тебе время для серьезного обдумывания моего предложения. Оно слишком серьезно, чтобы принимать решение с кондачка.

– Ты позволишь, чтобы со мной была младшая сестра Матрена? Мне будет с кем ходить в кирху.

– Матрену разрешаю взять, но и ей будет запрещено выходить из дома. А в кирху также не позволяю ходить, – зло бросил Петр.

– Сестру за что арестуешь?

– Чтобы записок от тебя к любовнику не носила.

С этими словами государь вышел, громко хлопнув дверью. Оказавшемуся тут же Данилычу приказал:

– Займись Преображенским приказом, выведай – не занималась ли она противоправными делами.

В тот же день он приказал Федору Юрьевичу Ромодановскому быть неотлучно в доме Анны с тем, чтобы проследить за отданным им распоряжением в отношении ее и пресекать все ее контакты с внешним миром.

А через пару дней Данилыч доложил государю о результатах своего расследования в Преображенском приказе. Там было арестовано до тридцати человек, которые свидетельствовали, что «Монсиха» злоупотребляла доверием царя и брала со своими родственниками мзду за оказанные ею услуги по торговой части.

– Совсем обнаглели, – прибавил Данилыч, подавая Петру бумаги из Приказа. – Грабят страну, не зная никаких пределов.

– У нас своих жуликов хватает, – Петр строго глянул на друга, отчего тот смутился и поспешил откланяться...

Боярин Федор Юрьевич Ромодановский сидел в одиночестве в доме «Монсихи» и тяжело ворочал в голове грустные мысли: «Дожил на старости лет – сделали сторожевым псом при блудной сучке». Видя плохое настроение боярина, прислуга жалась по углам, не решаясь спросить – не надо ли чего ему?

Размышления боярина прервал громкий стук во входную дверь «Какого рожна надо?» – сердито подумал он, но, услышав громогласный голос государя, неторопливо встал со скамьи.

– Здрав будь, боярин! – приветствовал его Петр.

– И тебе не хворать, государь, – отозвался он.

– Не выпускал? – спросил Петр.

– Как можно!

– А к ней кто приходил? – из-за спины друга высунулся Меньшиков. Покосившись на него, боярин нехотя ответил:

– Только прусский посланник Георг Кайзерлинг.

– Пошто пускал? – грозно спросил царь.

– Дак она же прусская подданная. Нельзя было не пускать, – вышел бы скандал: дескать, заарестовали иностранку. Тебе, государь, это нужно? Да и чего было опасаться этого дряхлого сморчка?

– Знаешь, о чем беседовали?

– Племяш у меня бойко болтает по-немецки. Пристроил его возле себя. Вот он и подслушивал их...

– Ну и? Не тяни, – поторопил старика государь.

– Стыдно сказать, – склонял ее к сожителству, предлагал выходить за него замуж... – За этого сморчка? – не удержался Алексашка.

– А она? – продолжал допытываться Петр.

– Вроде как склоняется к нему, – махнул рукой Ромодановский.

Меньшиков хотел было что-то сказать, но, встретив строгий осуждающий взгляд господина, сдержался.

– Он сейчас у нее? – спросил Петр.

– Нет, но он вечером приходит почти каждый день, – ответил боярин. – Иногда остается на ночь.

Петр решительно поднялся на второй этаж и открыл дверь в гостиную Анны. Та сидела, откинувшись в кресле, а младшая сестра сидела подле нее на низеньком пуфике и читала вслух книгу. Увидев государя, она мигом выскочила за дверь, оставив сестру наедине с гостем.

Сев напротив девушки, Петр спросил:

– Ну, что надумала?

– Ничего нового для тебя, государь. Я не хочу быть царицей в диком царстве с дикарем правителем, – ответила та.

– Не забывайся, с кем говоришь. О какой дикости ты упоминаешь?

– Разве не дикость, когда правитель страны самолично рубит головы подданным на главной площади столицы? А твои подданные? Вон что натворили после взятия Нарвы, – твои солдаты изнасиловали почти всех тамошних женщин. Народ, да и ты сам, беспрепятственно пьянствует, ходит грязный, бородатый, в каких-то немыслимых одеждах...

– В отношении грязи ты врешь – нигде в ваших странах нет бань, как у нас, где люди моются каждую неделю. И не воняют, как ваши. Но мы не об этом толкуем. Я спрашиваю в последний раз: ты согласна выйти за меня замуж?

– Как можно жить с человеком, который устраивает дикие попойки, впрягает в сани свиней и козлов, ездит по гостям, где спаивает и насилует женщин в доме. Нет, государь, еще раз нет, – жестко ответила Анна. – Лучше не быть царицей, но жить спокойно и свободно.

Лицо Петра побледнело, левая щека задергалась, как это бывало с ним в минуты сильнейшего возбуждения. Кое-как справившись с собой, он с расстановкой произнес:

– Если ты приняла окончательное решение, то и я принимаю свое. Завтра же съезжаешь из этого дома. Не достойна ты жить в нем.

В ответ Анна равнодушно пожала плечами.

– Деревни, что я подарил в Козельском уезде, также переходят к казне, – продолжил он.

– Не напугал, – махнула рукой Анна. – Проживем и без твоих подачек.

– Проживете, – кивнул головой государь. – Думаю, немало накопили взяток, когда ты действовала от моего имени. И верни мне парсуну, что я подарил тебе – она тебе боле не нужна.

Анна молча встала, подошла к секретеру, достала шкатулку с драгоценностями и высыпала содержимое на стол.

– Забирай все, – коротко сказала она.

Петр выбрал из общей кучи свой портрет, посмотрел на него, положил в карман и чуть слышно сказал:

– Остальные побрякушки можешь оставить себе. Вот уж поистине: чтобы любить царя, надо иметь царя в голове.

После этого он встал и, старчески согнувшись, вышел.

Боль от разлуки не проходила. И на дипломатическом рауте, увидев Кайзерлинга, он не сдержался и, отведя его в сторонку к лестнице, с гневом и укоризной сказал:

– Как вы могли обманным путем обольстить женщину, которую я люблю и относительно которой у меня были самые серьезные намерения?

Стоявший рядом Меньшиков не удержался и с ехидцей спросил:

– И чего она, молодая и красивая, нашла в тебе, старом козле, который уже и позабыл, как надо управляться с женщиной?

– Позвольте, как вы смеете... – начал было посол, но Данилыч, видя, что Петр отошел, толкнул посла в грудь, прошипел при этом:

– Пошел в задницу, пес смердящий!

Кайзерлинг оступился и покатился по лестнице.

Офицеры Меньшикова, стоявшие на лестнице, видя, как поступил с послом их начальник, пнули Кайзерлинга, добавив ему скорости.

Услышав шум и крик несчастного, к Данилычу подошел Петр. С высоты своего огромного роста краем глаза он заметил обращение офицеров с послом и спокойно спросил:

– Что здесь произошло?

Данилыч, увидев, что государь в хорошем расположении духа, картинно хлопнул себя руками по бедрам и проговорил:

– Эка беда какая! Пол каменный, натерт до блеска, а у посла башмаки кожаные. Старый, неуклюжий, поскользнулся и так неудачно упал.

По лицу Петра проскользнула улыбка в уголках рта. Покачав головой, он спокойно сказал:

– Надо же такому случиться. Неудобно получилось. Надо отписать Августу...

– Польский король и курфюрст Саксонский Август II Сильный – мужик правильный и к тебе дружен, – ответил Меньшиков. – Он в курсе всех наших дел и поймет, как надо.

– Скажи, чтобы Кайзерлингу помогли добраться до дома, – бросил Петр и отвернулся.

– Все сделаем в лучшем виде, мин херц, – ответил Данилыч и направился к своим офицерам.

Дипломатических последствий за случившееся не последовало. Правда, русский посол в Гааге Матвеев доносил, что там циркулируют слухи о том, что Петр, призвав секретаря посла на тайную аудиенцию, устроил ему приличную взбучку.

Узнав об этом, Петр рассмеялся. Но эффект, на который он рассчитывал, – отзыв посла, не последовал.

Неожиданно для всех после выздоровления Кайзерлинг попросил аудиенции у Меньшикова. Посоветовавшись с государем, Данилыч согласился.

Встретив посла с должным уважением, приличествующем его статусу, Александр Данилыч предельно вежливо спросил о цели визита.

– Позвольте, Ваша светлость, принести свои извинения за происшедшее, – проговорил посол.

Меньшиков от удивления даже разинул рот.

– И это все? – недоуменно спросил он.

– Еще прошу у вас и государя позволения остаться мне с Анной.

– Ну, это уж не мне решать, – Данилычу явно польстило, что посол упомянул его раньше государя. – Я непременно доложу Петру Алексеевичу.

При первой же встрече Меньшиков передал Петру письменную просьбу Кайзерлинга, прибавив при этом:

– Поменяла царя на хромого козла.

Но Петр так глянул на него, что тот осекся и больше молчал, что было несвойственно ему.

Подумав, Петр приказал:

– Отпиши своей рукой резолюцию, что, мол, государь не возражает послу взять в жены девицу Анну Моне.

К удивлению москвичей, свадьба посла и Анны состоялась 18 июня 1711 года, когда жених фактически был на смертном одре. И в том же году, отправляясь в Берлин, Кайзерлинг скончался, не доехав до своей столицы.

Петру передали, что сразу после смерти «молодого» мужа вдова начала тяжбу с родственниками покойного из-за его наследства и эта тяжба завершилась в ее пользу. После этого замуж она не вышла, занявшись воспитанием дочери, рожденной то ли от Кайзерлинга, то ли русского государя.

Видя, как Петр страдает от разлуки с милой Анхен, Данилыч решил отвлечь его, пригласив однажды к себе в гости. Прислуживать им за столом вышла пышнотелая девушка, чем-то похожая на Анну Моне.

– Кто такая? – спросил удивленный государь.

Меньшиков рассмеялся:

– Это забавная история, мин херц. Борис Петрович Шереметьев купил ее за серебряный рубль у солдата, который тискал ее под телегой. И говорят, этот солдат еще и подторговывал ей среди своих солдат. А потом я ее перекупил у боярина за три рубля и аглицкую саблю.

– Смотри, как она похожа на Анхен! – восхитился Петр. – Я забираю ее себе. Как ее зовут?

– Марта Скавронская, – ответил Данилыч. – Но, мин херц, я заплатил за нее деньги. Урон мне...

– Не скардничай, – отрезал Петр. – Наворовал достаточно. Мало тебе? Расскажи-ка лучше, откуда она?

– О, мин херц, это целая история, – воскликнул Данилыч. – Когда-то ее отец был крепостным графа Скавронского, который сбежал к шведам в Мариенбург Иоганном Крузе. Его дочка после смерти отца была в услужении у пастора Питера Глюка. Потом она обвенчалась с шведским драгуном и стала именоваться фру Иоганн Крузе. А потом, когда мы взяли Мариенбург, ее взял к себе наш солдат и торговал ей товарищам.

– А теперь она перейдет ко мне, – твердо заявил государь.

– У меня новость для тебя, мин херц, – заинтригованно проговорил Данилыч.

– Какая?

– Ты только не серчай, я же не виноват...

– Не тяни, говори.

– Анхен умерла. Пережила своего мужа всего на четыре месяца.

– Что с ней случилось? – с трудом выговорил Петр.

– Скоротечная чахотка.

– А что с моим сыном Яковом от нее?

– Взяли на государственный пенсион, с ним мамки и няньки.

Петр надолго замолчал, стиснув голову руками. Потом поднял голову и сказал:

– Когда подрастет, пошли его учиться в Голландию за счет казны. Да, и смени ему фамилию. Пусть он зовется... Яков Немчин.

– Не беспокойся, мин херц. Я же понимаю...

– Иди сейчас, – глухим голосом проговорил Петр. – Хочу побыть один... Оставшись наедине с собой, Петр достал из секретера портрет своей незабвенной Аннушки и заплакал...

Марта Скавронская оказалась в числе «метресок» царя. В отличие от прочих, она сносила шальные выходки Петра, не кланчила подарков, не устраивала истерик по поводу ревности, интересовалась делами государства и нередко давала недурные советы, сопровож-

дала его в походах и... рожала детей. Только она могла добрым словом и лаской успокоить разбушевавшегося царя в момент припадков его ярости.

Во время одного из пьяных загулов «мил друг» Алексашка не выдержал и спросил:

– Мин херц, ты первую дочку назвал в честь Анны Моне?

Государь долго молчал, глядя на друга, в глазах его стояли слезы. Наконец он выдал из себя:

– Молчи Алексашка. Не поминай больше об этом. Никогда...

И, не дожидаясь конца гулеванья, повернулся и поехал во дворец, где уединился в кабинете, не допуская к себе никого.

Видя, как мучается ее сын от неразделенной любви, Наталья Кирилловна созвала семейный совет, пытаясь с помощью родственников и близких друзей разрешить вопрос с женитьбой сына.

Петр Кириллович поддержал сестру:

– Негоже, что государь до сих пор ведет себя, аки мартовский кот. Да и рожденные им дети не имеют права на наследование трона. Взрослый уже, а бегаёт за каждой юбкой...

– Марта мне, откровенно говоря, понравилась, – в раздумье проговорила царица. – Уважительная, ни во что не вмешивается, да и Петрушу только она может урезонить, когда он начинает яриться.

– Все бы ладно, но она была замужем, – произнес Лев Кириллович. – Свободна ли она от брака?

После недолгой паузы и как бы нехотя Наталья Кирилловна произнесла:

– Я намеренно пыталась этого пройдоху Меньшикова. Через шведских negociантов он узнал, что ее муж до недавнего времени служил ихнему королю, а потом вышел на пенсию и остался жить там, где и служил – на Аландских островах.

– Развелся ли он с Мартой? – полюбопытствовал Тихон Стрешнев. – Может быть, уже и оженился?

– Да нет, так и живет одиноким, – нехотя проговорила Наталья Кирилловна.

– Но у нас в России об этом никто не знает, – начал рассуждать Петр Кириллович.

– Ох, грех это – выдавать замуж мужнюю жену, – почти простонал Ромодановский.

– А то мы мало грешили в жизни, – усмехнулся Лев Кириллович.

– Особо ты, греховодник, – упрекнул его старший брат.

– Ну, так что решаем? – прервала пустопорожний разговор Наталья Кирилловна.

– А чего решать-то? – вздохнул Петр Кириллович, обращаясь к сестре. – Коли Марта любя тебе, так пусть так и будет. А то выберем новую рохлю, как Евдокия, намучаемся потом.

Петра не пришлось долго уговаривать – он согласился на свадьбу с Мартой сразу. А уже через неделю в Зимнем дворце состоялось бракосочетание Петра и Марты, после чего фру Иоганн Крузе – Марту Скавронскую – нарекли типично русским именем Екатерина Алексеевна.

С новой женой Петр стал заметно спокойней, но несчастья сыпались на него одно за другим.

Сначала обнаружилось, что его сын Алексей, которого прочили в наследники престола, проживающий у австрийских родственников в Вене под фамилией Коханский, замыслил недоброе супротив отца.

Разъяренный Петр послал в Тироль гвардейского офицера капитана Румянцева и с ним четырех гвардейских офицеров с приказанием доставить царевича в Россию.

Но оказалось, что родственники прячут его, переправив в Неаполь, укрыв в почти незаметном замке Сан-Эльмо.

Тогда по совету Екатерины Петр отправляет с графом Петром Андреевичем Толстым письмо к сыну, в котором было сказано, что Алексею следует вернуться в Россию, что никакого наказания не будет ни ему, ни его жене, «если ты моей воли послушаешься и возвратишься».

Хитрому и мудрому Петру Андреевичу удалось убедить Алексея вернуться на родину, где его тут же взяли в оборот. Из пыточной отцу непрерывно приносили окровавленные листки с фамилиями заговорщиков – камердинера, домоправителя, бывшего царского денщика Александра Кикина, многих придворных дам, из которых выбивали признания батогам.

Испугавшись масштабности заговора, Петр отдает окончательное решение относительно сына на откуп Особой комиссии. И все 127 ее членов проголосовали за смертный приговор царевичу. Выполняя ее решение, Бутурлин, Толстой и Ушаков задушили Алексея подушками, а официально объявили, что он умер от «жестокой болезни, которая вначале была подобна апоплексической».

По Санкт-Петербургу поползли досужие разговоры о том, что царевич де «умер не своей смертью» Но их пресекли жестко и без всяких расследований.

Дабы показать свою непричастность к смерти сына, на следующий день после его кончины Петр принимал поздравления по поводу годовщины Полтавской битвы, устроив торжественный обед и веселье.

Но ни это празднование и даже не торжественный спуск на воду нового корабля, сопровождаемый фейерверками, не могли успокоить душу царя.

А тут подкатила новая беда...

В ходе расследований Особая комиссия попутно обнаружила, что, находясь в монастыре, его бывшая жена Евдокия завела себе любовника – майора Глебова.

Государственный канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, докладывая царю, расписал во всех подробностях произошедшие интимные встречи, что окончательно вывело Петра из равновесия.

– Куда смотрел архиепископ Досифей, которому было поручено досматривать за ней? – взревел Петр, грохнув кулаком по столу.

– Он покрывал ее блуд, – пожал плечами граф. – Видно, сочувствовал, не иначе...

Сам же подумал: «И чего взбеленился? Она ныне не жена ему, а стало быть, вольна в поступках».

Но Петр, казалось, обезумел.

– Глебова пытать – пусть все расскажет, как блудодействовал с бывшей царицей! – орал он. – Сам приду, проверю!

И действительно, он явился в пыточную, где несчастного майора прижигали раскаленным железом и углями, секли кнутом, но тот молчал, видимо, не понимая, чего от него хотят.

Запирательство майора привело Петра в бешенство.

– На кол! Да сделать скамейку для ног, чтобы раньше времени не помер. И оденьте потеплей, чтобы не замерз на морозе, – брызжа слюной, кричал он. – Да поставить перед окнами Евдокии...

Разошедшийся Петр уже не мог остановиться. По его приказу Александру Кикину, охранявшему бывшую царицу, отрубили сначала руки, потом ноги, а после того, как отрубили голову, посадили ее на кол. Несмотря на святой сан, колесовали и архиепископа Досифея.

Ближние друзья Петра Александр Данилович Меншиков и Франц Лефорт, наблюдая за государем, были обеспокоены психическим состоянием друга.

– Я заметил, что он все чаще приходит в ярость по малейшему пустяку и все медленней отходит от нее, – поделился наблюдениями Франц. – Иной раз у него отнимается левая рука и застывает в гримасе левая же щека, а отходят они только на второй день.

– Я иной раз захожу к нему, а он сидит неподвижно в кабинете, смотрит на портрет Анны и в этот момент ничего не видит и не слышит вокруг себя, – согласился с ним Меньшиков. – И знаешь, мне порой в голову приходит дурная мысль – он и столицу-то перевел из Москвы в Санкт-Петербург только для того, чтобы быть подальше от Немецкой слободы, не видеть дома, что он подарил Анне и не встречаться с людьми, которые были возле нее.

– Да ну, ерунда, – отмахнулся Франц.

– Я понимаю, и все-таки, – вздохнул Александр. – Не вылезает эта мысль из головы...

– Может быть, он и Виллима Монса назначил в личную канцелярию Екатерины в память об Анне?

– Ага, пустил козла в огород, – усмехнулся Меньшиков. – Этот бабник как раз там кстати. И без того Екатерина принимает мужиков без счета, а тут еще один. Рожает без конца, а от кого дети, сама, небойсь, не помнит... Вон уже с десятка в подоле принесла.

– Тихо ты, – предупредил Франц друга. – Я только не понимаю, – неужели Петр не догадывается об этом?

– Может быть, догадывается. Только если рубить головы всем ее любовникам, страна останется без советников царя, – засмеялся Данилыч.

Петр в это время был в инспекторской поездке в Архангельск. Вопреки обычаю, он в этот раз не выслал вперед гонца с сообщением о своем скором прибытии. А при появлении в столице он прошел прямо в спальню жены и застал там ее с Виллимом Монсом в весьма непотребном виде.

Эта новость так поразила самодержца, что он слег на две недели, предварительно распорядившись отсечь голову соблазнителью и посадить ее на кол.

С этих пор Петра стали мучить сильные головные боли. Меньшиков заметил, что его друг все чаще хватается за сердце.

В один из дней он слег окончательно. Собравшиеся вокруг него близкие в растерянности ждали, чем кончится его болезнь. Лекарь, срочно вызванный из Пруссии, на вопрос о состоянии больного только разводил руками.

В один из дней Петр на мгновение очнулся и еле слышно пробормотал: «Отдайте все...»

Присутствующие в недоумении стояли, поглядывая друг на друга. А склонившемуся над другом Меньшикову показалось, что с последним вздохом Петр прошептал: «Анхен...»

Данилыч решил, что ему померещилось и не стал говорить об этом присутствующим. Мало ли что мог пробормотать человек, уходящий в небытие... И незаметно для всех положил в изголовье умершего друга портрет его любимой...

Вымученный рассказ

Мир тебе и покой, бедная родная сторона моя! Как люди, некогда жившие на тебе, знаю я, нуждались в покое, хотя бы даже в смертном, как они говорили, так и ты, помню я, нуждалась тогда в нем и, может быть, даже и теперь ищешь его...

Сквозь редяющий мрак... я увидел наконец, что все та же она, какую я оставил ее много лет назад...

А. И. Левитов (1836-?). «Степная дорога днем»

*Я призван был воспеть твои страдания,
Терпением изумляющий народ!*

Н. А. Некрасов

Иван Аркадьевич, которому на днях **исполнилось** девяносто лет, сидел в своем кабинете при свете настольной лампы и пересматривал свои старые рукописи. Увлечшись, он не заметил, как в кабинет тихо вошла его жена Агриппина Ананьевна.

– Милый, ты не спишь? – удивленно спросила она.

– Что-то не хочется, – ответил он, откладывая бумаги. – Совершенно нет сна. Старость, видно...

– Какая старость? Вон ты какой еще бодрячок, – она погладила его по руке. – Другие в твоём возрасте совсем дряхлые старики, а ты работаешь без усталости. Тебя что-то беспокоит?

– С чего ты взяла? – Он удивленно вскинул брови.

– Э, дорогой, мы столько лет вместе, что живём одними думами.

– Это верно, – согласился он. – Понимаешь, у меня такое ощущение, что я исписался. Не нахожу новых и интересных сюжетов. О молодёжи писать не могу, – современную молодёжь я совершенно не знаю. Писать абы что, как это делают новые молодые писатели, не хочу и не могу...

– Они мне напоминают молодых петушков, которые кукарекают, но фальцет выдаёт их отроческий возраст и самонадеянность.

– Вот именно. Сейчас их развелось столько, что своими незрелыми произведениями они завалили полки книжных магазинов. А сюжеты примитивны, как крик того петушка, о котором ты говоришь, – убийства, секс, шпионы, монстры и прочая мерзость. А ещё появилась целая плеяда пишущих женщин. То, что они предлагают читателям, сплошной привитизм, но, накропав целые тома, полагают себя классиками, исходя из того, что, коль много написано, то уже великий мастер! Как один из наших политиков: накропал массу дешёвых книжонок и на этом основании затребовал себе учёное звание доктора философских наук. И надо же случиться такому: депутату и лидеру одной из партий действительно присвоили звание доктора философских наук!

– Ну, что касается женщин-писательниц, то здесь есть исключения, – заметила Агриппина Ананьевна.

– Ты имеешь в виду Улицкую, Павлищеву, Гринберг?..

– Именно. – Уже половина первого. Ложись-ка ты спать, – утро вечера мудренее.

– Мудренее ночи, – улыбнулся Иван Аркадьевич. – А ночью только кошмары могут явиться, не так ли?

Утомленный вчерашним ночным сидением, Иван Аркадьевич встал только к обеду. Жену он застал сидящей возле книжного стеллажа и рассматривающей старый альбом иллюстраций русских художников.

– С утра пораньше заинтересовалась изобразительным искусством? – спросил он ее с долей некоторого ехидства.

– Проснулся? – спросила жена, не отвечая на его вопрос. – Пошли завтракать. Я готовлю омлет с беконом.

– Судя по времени, это уже обед, а не завтрак.

– Не все ли равно, как это назвать, – ответила Аргиппина Ананьевна. – Режим нарушаешь – вот это плохо.

– А ты давно встала? – спросил он.

– Давно.

– Что так? Не спалось?

– Не спалось, – задал ты мне задачку.

– Надумала что-нибудь?

– Я вот о чем подумала. Современные писатели синтезируют два основных сюжета: приключения и любовную тему. Под приключениями я подразумеваю бандитизм, войну, работу полиции, шпионаж и тому подобное. По сути, переписываются сюжеты Эдгара По, Артура Конан-Дойла, Джеймса Хэдли Чейза, Стивена Кинга... На этой псевдолитературе, выбрасываемой в огромном количестве на книжный рынок, воспитывается нынешнее поколение. И крайне мало нашей, российской исторической литературы, так необходимой для воспитания подрастающего поколения.

– Ну, я бы не был столь категоричен, – возразил Иван Аркадьевич. – Появились довольно неплохие книги той же Натальи Павлицевой, Вадима Щукина, Семена Склиаренко, Фаины Гринберг, Владислава Бахревского, Юрия Германа, Руслана Скрынникова, Анатолия Абрашкина, Владимира Егорова...

– Я согласна, но все они пишут о каких-то масштабных, конкретных и известных исторических событиях и правителях. Но где книги о жизни и быте, скажем, крепостных крестьян, по сути, рабов? У американцев есть «Хижина дяди Тома», «Приключения Тома Сойера и Гекельберри Финна» и другие. А у нас ты можешь назвать хоть одну современную книгу о жизни крепостных под властью помещиков. Таковую, чтобы главным действующим лицом был простой подневольный человек? Откровенно говоря, я не припомню...

– Ну, в XIX веке такие малоизвестные писатели были, а вот в наше время... А жизнь крепостных крестьян изнутри действительно практически не затрагивается нынешними писателями.

– Мне представляется, что тебя должно это заинтересовать, – предложила жена. – При этом при раскрытии темы не стоит акцентировать внимание на древней терминологии, на описании сословий... Крестьяне тогда делились на государевых, монастырских или принадлежащих помещикам и вотчинным служилым людям. Более всего страдали именно подданные помещиков и вотчинных служилых людей. Вот этих бедолаг и следует взять в основу...

– Пожалуй, ты права, – согласился Иван Аркадьевич. – И, чтобы содержание было понятно современной молодежи, изложение следует вести на их языке.

– Кстати, в данном случае можно воспользоваться воспоминаниями наших дедушек и бабушек, – им тоже рассказывали их родственники, что происходило в то далекое время. А эта генетическая память уносит нас лет на двести назад – как раз к той поре, о которой ты собираешься писать, – заметила жена.

– Ты права, – согласился с ней Иван Аркадьевич. – Кстати, а кем были твои пращуры? Хотя они, кажется, были городскими мещанами.

– Бабушка рассказывала, что ее дед по отцовской линии служил в приказной палате – это что-то наподобие нынешнего судейского корпуса и нотариуса одновременно. Так что к крестьянам он имел опосредованное отношение. По крайней мере бабушка мне об этом ничего не рассказывала. А вот твои предки, кажется, происходили из крестьян?

– Да, мне бабушка в детстве описывала, например, интерьер крестьянской избы.

– А о взаимоотношениях с господином?

– Они были государственными крестьянами. И все спорные вопросы – о наследовании, разделе имущества – решали в волостном суде. Естественно, о взаимоотношении с помещиками речи не шло.

– Придется тебе покопаться в нашей библиотеке, благо она у нас вполне достаточна, чтобы отыскать необходимый материал, – сказала жена.

– Ну, взялся за гуж, не говори, что не дюж, – улыбнулся Иван Аркадьевич.

– Ты только с лестницы не свались, когда будешь доставать книги с верхних полок, – улыбнулась Агриппина Ананьевна. – Работай, а я пойду в магазин – надо же кормить труженика...

Ничего не ответив ей, Иван Аркадьевич начал просматривать соответствующую литературу, чтобы мысленно ввести себя в обстановку далекого прошлого.

На третий день уединения Иван Аркадьевич попросил жену прочесть часть написанного рассказа. Удобно устроившись в кресле, она взяла рукопись и приготовилась читать.

– Пожалуйста, читай не про себя, – я хочу на слух определить качество написанного, – попросил муж.

– Само собой, – коротко ответила жена и начала читать, иногда задерживаясь и разбирая далеко не каллиграфический почерк мужа.

«В крепости»

Среди крестьян деревни Супонино Прокопий, сын Прохора Нестерина, считался мужиком степенным, хозяйственным, работающим, домовитым. По местным представлениям, дом у него – полная чаша, дети обихожены, а жена Наталья рожала едва ли не по ребенку ежегодно. Это и хорошо...

– Справный мужик, – говорили о нем соседи, втайне завидуя ему.

А завидовать было чему: отец Прокопия Прохор был взят в дом барина и служил у него чем-то вроде камердинера. Он отпустил пышные седые бакенбарды, носил ливрею и в этом виде даже староста Фома Нехлюбин несколько робел перед ним, оправдывая себя тем, что Прохор ежедневно общается с барином и бог знает, что мог наговорить. Отсюда шло послабление и Прокопию, за что того сельские недолюбливали, но вслух свою неприязнь не выражали – неровен час пожалуется отцу, а тот – барину.

Надо сказать, что крестьянам деревень, которыми владел помещик Илья Степанович Бухмин, повезло с барином. Среди соседей-помещиков он слыл человеком серьезным и прогрессивным, с соседями ладил, а жена его Феодора Власьевна нередко крестила у них детей, не брезговала дамскими вечеринками, во время которых помещицы поигрывали в преферанс или шtos на копеечку – скорее, для интереса, чем для прибыли, обсуждала наряды, привозимые с ярмарок. Правда, поговаривали, что Илья Степанович был весьма неравнодушен к женскому полу, да только что это за беда, – кто из нас не грешен в своем захолустье. А брань да навет, как известно, на воротах не виснут. Мало ли кто что скажет...

Страдная пора – самое напряженное время для крестьян. Только закончили с сенокосом – глядишь, поспевают рожь, овес, подходит гречиха, просо...

В этот день, когда солнце еще не выглянуло из-за леса, но небо уже стало светлеть, староста Фома обходил избы, призывая селян выходить на работу в поле. Как велось из года в год, жать, косить и убирать рожь выходило все трудоспособное население, включая

подросших парней и девочек. Слава богу, поле ржи примыкало вплотную к деревне, так что идти было недалеко.

Прокопий, собирая домашних на работу, распорядился оставаться дома дочке Варя и приглядывать за младшими братьями и сестрами и за занемогшей матерью, находящейся на сносях.

День выдался на редкость удачный, солнечный, а легкий ветерок приятно охлаждал разгоряченные лица косцов и баб, вяжущих вслед за мужчинами снопы.

Оставшаяся дома Варюшка подошла корову и выгнала ее к пастуху на выпас, наполнила колоду едой для поросенка, бросила крупы курам, после чего погнала проснувшихся ребятшек умываться, помогая самым младшим помыть их мордашки. Поставив перед ними горшок с кашей, пошла к матери спросить, не надо ли чего ей.

Поручив братишкам и сестренкам постарше приглядывать за младшенькими, схватила бадейки и побежала к колодезю за водой.

Доставая бадью из колодца, она краем глаза заметила, что старик Савва, живущий на краю деревни и вышедший, видимо, погреть на солнышке ноющие с утра косточки, вдруг встал, склонился в поклоне и замер.

«Чегой-то он? – подумала про себя девушка. – Ай, крепко видно схватило деда».

Но в этот момент из-за поворота дороги, делающей крюк перед деревней, показалась двуколка с сидевшим в ней барином.

Варюшка испугалась было, что тот заругает ее за то, что она не в поле, но потом подумала: чай, она не из-за лености осталась дома, а по нужде, так чего же ругаться-то?

Благосклонно кивнув Савве, барин проехал мимо и остановил двуколку возле Варюшки.

– Кто такая? – спросил он ее. – Почему не узнаю?

– Варя я, дочка Прокопия Нестерина, – с поклоном ответила девушка.

– Внучка Прохора? Хороша! – барин откровенно любовался ей. – Ты же совсем недавно была крохой. Ишь ты, как выросла да похорошела...

Варя зарделась от похвалы и не знала, что говорить. А барин оглядел ее с ног до головы и тронул лошадь, направляясь в поле.

Закончив проход до конца поля, косцы сели отдохнуть, когда к ним подкатил барин. Оглядев скошенную часть поля, он удовлетворенно кивнул головой.

К нему тотчас подбежал староста и с низким поклоном поприветствовал его.

– Все ли ладно? – спросил Илья Степанович.

– Слава богу, все идет ходом, – ответил Фома. Урожай нынче отменный...

– Добро, – кивнул барин. – Зерно не осыпается?

– Нет. Хотим закончить, пока ведра.

– Ну-ну, поспешайте. Да не давай особо разлеживаться народишку.

– Никоим образом, – уверил барина Фома».

Агриппина Ананьевна закончила чтение и отложила рукопись.

– Ну, как? – с нетерпением спросил Иван Аркадьевич. – Что скажешь?

– Я так понимаю, что это вступление к главной теме, – ответила жена. – И в этой части ты описываешь фон, на котором будет разворачиваться основное действие.

– Так и есть. И знаешь, я стараюсь уходить от штампов, которыми увлекаются иные писатели, в немалой степени для того, чтобы увеличить объем произведения, – ответил муж. – Конечно, можно было описать, в какое платье одета Варя, распинаться о том, какие цветы были на ее платке, как была стройна ее фигура и прекрасно лицо, но... Не напрасно же говорят: краткость – сестра таланта.

Агриппина Ананьевна улыбнулась.

– Чему ты улыбаешься? – недоуменно посмотрел на нее муж.

– Я вспомнила Дюма-отца. В то время издатели платили построчно. Так вот, для того, чтобы раздуть объем произведения, этот хитрец писал диалоги из одного-двух слов.

– И тогда ушлые издатели стали платить ему не построчно, а за каждое слово, – рассмеялся Иван Аркадьевич. – Действительно, было такое. Было время, и у нас платили за печатные листы, независимо от количества слов.

– Поэтому Маяковский и начал писать лесенкой? – поддержала его жена. – Я предлагаю тебе, прежде чем продолжить, отдохнуть и продумать дальнейший ход сюжета.

– Согласен, – вздохнул муж. – А то я что-то, честно говоря, подустал.

– Вот и хорошо, – согласилась Агриппина Ананьевна. – Тебе следует больше гулять на свежем воздухе.

Неделю спустя Иван Аркадьевич снова засел за письменный стол, но жена строго дозировала время его работы, не позволяя писать более двух-трех часов в день. И непременно дважды в день – утром и перед сном – выводила мужа на часовую прогулку.

Работа в таком щадящем режиме, естественно, двигалась медленно, но так или иначе через неделю писатель предложил жене прочитать вторую часть рассказа. И, как это было заведено, Агриппина Ананьевна устроилась в кресле, надела очки и начала чтение.

«Варюшка, внеся в дом воду, со смехом рассказала матери о встрече с барином и разговоре с ним. Но вместо ожидаемой улыбки лицо женщины вдруг напряглось, она побледнела и схватилась за живот.

– Быстро беги за Семеновной, – прохрипела она.

Перепуганная девушка выскочила из избы и побежала к соседке.

– Тетка Матрена, мамка просит быстрее прийти к нам, – запыхавшись, сказала она.

Пожилая женщина сразу все поняла и, собираясь, распорядилась.

– Топи баню. Нужна теплая вода.

– А что с мамкой? – растерялась Варя.

– Рожать приспело, – просто ответила та. – Поспешай...

Варя опрометью кинулась в сторону бани. А когда Семеновна привела туда мамку, сунулась было следом, но Матрена осадила ее:

– Ступай к малышам, успокой их. А здесь я одна управлюсь.

Встревоженная Варя собрала возле себя обычно галдящих, а сейчас притихших младших сестер и братиков, и ждала, чем все закончится. Семилетний Федотка тихо сказал старшей сестре:

– Я сбегая за тятей?

– Нет, не надо, чай не первый раз. Все будет хорошо. Успокой-ка лучше Лизутку, – ишь, расплакалась.

Через недолгое время, показавшееся малышам вечностью, из бани вышли мамка с Семеновной, держащей на руках завернутого в какие-то тряпицы ребенка.

– Ну, с братиком вас, – соседка показала ребятам сморщенное красное личико новорожденного.

Ребята потянулись было вслед за женщинами в избу, но Семеновна осадила их:

– Неча вам тут делать, гуляйте себе. Мамке надо отдохнуть, я побуду с ней.

Работа в поле была закончена, но дел у крестьян не поубавилось, – нужно было идти на подворье к барину на засолку капусты и огурцов.

Здесь собрались едва ли не все женщины и молодые девушки деревни. Возле погребов одни мыли и отпаривали дубовые кадки, закладывая в них можжевельниковые ветки и обдавая их варом, после чего кадку закрывали деревянной же крышкой. Другие отмывали гнеты – округлые камни, которыми впоследствии поджимали нарубленную капусту. Третьи чистили и резали морковь и мыли антоновские яблоки, готовя их к закладке в капусту. Чет-

вертые срезали зеленые листья с капустных кочанов и откладывали их в сторону для кислых щей. Пятые резали кочаны пополам и бросали их в большое деревянное корыто, откладывая кочерыжки в большую лохань, возле которой крутилась многочисленная малышня, которым взрослые время от времени очищали эти кочерыжки, и те с удовольствием хрумкали ими. Шестые рубили капусту тяпками в корыте, седьмые мыли огурцы, готовя их к засолке...

Работа была не тяжелая, поэтому женщины веселились, перебрасывались шутками и прибаутками.

При появлении на подворье барина все замолчали, а он, обходя работниц, присматривал, как идут дела. Подойдя к Варе, моющей огурцы, он сказал:

– Оставь, вытри руки и пошли со мной.

– Куда? – недоуменно спросила девушка.

– Для тебя есть другая работа, – коротко ответил он, направляясь к конюшне.

Варя посмотрела на женщин, но все разом, словно сговорившись, опустили глаза и молча, даже как-то сердито, продолжали работать.

Девушка, недоумевающая, пошла за бариним, изредка оглядываясь на подруг, но те словно ничего не замечали и продолжали работать.

Уже в самой конюшне барин вдруг повернулся к ней и повалил на сено. Женским чутьем она поняла, на какую «работу» ее позвали.

– Не надо, я не хочу, – начала она отбиваться от рук, расстегивающих ее кофту. – Не надо, барин, не надо...

А когда тот начал задирает ей юбку, она в ужасе рванулась, извернувшись змеей, и выскочила наружу вся растрепанная, в сенной шелухе, на бегу застегивая пуговицы на кофте.

Видя, что окружающие делают вид, что ничего не происходит, а значит, защиты от них не дождеешься, Варя опрометью кинулась домой. Вслед ей неслся злой окрик барина, вышедшего из конюшни:

– Ничего, сама еще приползешь, заставлю!

Зло оглядев работающих, он обратился к молодой женщине, только что вышедшей замуж:

– Лушка, поди сюда!

Та, которую назвали Лушкой, замерла на мгновение, оглядев опустивших головы товарок, и, словно на закланье, побрела в сторону конюшни. Через какое-то время она вышла наружу, красная от стыда и позора. Женщины же молча продолжали работать, словно ничего не видели и ничего не произошло.

Варя тем временем с плачем ворвалась в дом и бросилась к матери. Встревоженная женщина положила на кровать новорожденного, обняла дочь и с тревогой спросила:

– Что случилось-то? Не плачь, расскажи толком...

Обливаясь слезами и всхлипывая, Варя рассказала, что произошло на подворье у барина.

– Не зря он тебя приметил у колодца, – вздохнула мать. – Теперь не отступится, пока не добьется своего, котьяра проклятый...

– Что же мне делать? – не успокаивалась девушка.

Подумав немного, та ответила:

– Надо дедушку попросить, чтобы он поговорил с бариним, – все-таки он столько лет у него в услужении. Может быть, послушает старика...

А вечером мужу, вернувшемуся с заготовки на зиму дров для барского дома, она бросилась с рассказом о случившемся, но тот остановил ее:

– Да наслышан уже.

– Так что делать-то?

- Не знаю. Может, поговорить со старостой?
- Поговори, поговори, – затараторила жена. – Ведь не отстанет, проклятуций...
- Не отстанет, – вздохнул мужик.

Выглянув в окошко, Прокопий заметил проходящего по улице старосту и вышел из избы, чтобы переговорить с ним. Жена Василиса прильнула к стеклу, наблюдая за беседующими мужчинами. По сердитой физиономии Фомы она поняла, что разговор не ладится. Тогда она выскочила наружу, бросилась к ногам старосты и завопила:

- Батюшка Фома Фомич, Христом-богом прошу – не дай пропасть девке!

Тот на мгновение растерялся от неожиданности, но быстро пришел в себя.

– Полно, полно ползать-то, пыль собирать, – проворчал он. – И я не всесилен. Что я могу сделать?

- Поговори с барином, али ему мало замужних баб? – продолжала выть женщина.

– Тьфу ты, глупая баба, – осерчал Фома Фомич. – Ей про Фому, она про Ерему! Че я могу сделать, коль ему шлея под хвост попала? Поддай ему Варюху, и все тут... Дак коли я начну настаивать, так он и меня со старосты попреет. И незнамо еще кого поставят. Вам это надо? Мне – нет...

Женщина пыталась обнять сапог старосты, что-то неразборчиво бормоча. Но Прокопий поднял жену и со словами: «Пошли в избу. Нет тут у нас зашиты», – повел домой.

Посмотрев им вслед, староста покачал головой и, согнувшись, побрел прочь.

От горя Василиса слегла и у ней пропало молоко. Но, слава богу, в деревне нашлась кормящая мать, согласившаяся на время подкармливать и их нового сынишку.

Варя практически не отходила от матери и плакала вместе с ней. А на следующий день пришел дед Прохор в каком-то рубище и, сев на лавку, коротко объявил:

– Прогнал меня барин. Кинулся я ему в ноги, стал просить за Варюху, он меня и выгнал. Да еще и грозился выпороть на конюшне...

Услышав это, Прокопий что есть силы ударил кулаком по столешнице, потом обхватил голову руками и то ли завыл, то ли застонал.

- Я ему красного петуха подпущу, – наконец прохрипел он.

– Ты не горячись, – остановил его отец. – Ну, спалишь ты усадьбу, а тебя самого на каторгу. У тебя вон ребятишек мал мала меньше, с кем их оставишь? Пропадут... Ты погодь, я ужо схожу к барыне, авось она словечко замолвит...

– Сходи, батюшка, кинься ей в ноги, упроси, умоли, – заплакала невестка. – Не по-христиански он поступает, не по-божески...

- Ты сырость-то не разводи, – урезонил ее муж. – И без твоего воя тошно.

На следующий день ближе к полудню Прохор надел чистую рубаху, помолился перед образами и направился к помещицкому дому. Прислуга, знавшая бывшего камергера, вежливо поздоровалась с ним и пропустила к барыне.

Та почему-то сидела на кухне за столом, на котором стояла бутылка с вином и немудрящая закуска. Было заметно, что она слегка пьяна.

«Не вовремя я пришел», – мелькнуло в голове у старика, да делать было нечего.

- Матушка, кормилица, – начал было он, но та не дала ему договорить.

– Здравствуй, Прохор, – поздоровалась она. – Знаю, с чем пришел, да только помочь тебе не в силах. Сама не знаю, что делать с собой, как быть...

Помолчав, она грустно усмехнулась:

– Барыня! Какая я барыня? Такая же крепостная, как и ты. Ни пожаловаться, ни убежать, словно в узилище... Разве что продать меня нельзя. Выпить хочешь?

- Спаси бог, матушка, – отказался старик. – Не до питья теперь нам...

Поклонившись барыне, пятась задом, старик вышел из кухни и побрел к себе домой, на ходу вытирая слезы».

Агриппина Ананьевна сняла очки, отложила рукопись и задумалась.

– Что-то не понравилось? – встревожено спросил Иван Аркадьевич.

– У меня такое ощущение, что ты ведешь к трагической развязке. Ты не перегибаешь палку? – в раздумье ответила жена.

– Что ты имеешь в виду?

– Не все же помещики были так безжалостны по отношению к своим крепостным. В конце концов, их благополучие напрямую зависело от своих крестьян.

– А ты вспомни Салтычиху. Или вспомни рассказ о помещике, который добивался взаимности от своей крепостной девушки, но та категорически не соглашалась...

– И он затолкал ее в подвал, где в углу цепью был прикован голодный и свирепый медведь, едва-едва не достающий до нее.

– Вот видишь, – кивнул он головой в знак согласия. – Безусловно, далеко не все помещики были садистами, но и самодуров среди них хватало. Были примеры и иного рода...

– Ты имеешь в виду взаимную любовь графа Шереметьева и его крепостной актрисы Прасковьи Жемчуговой?

– Да, и это едва ли не единственный случай в нашей истории. Но продолжать сюжет рассказа в подобном слащавом духе я не хочу, поскольку это не типично.

– Ты, вероятно, прав, – согласилась жена. – Подлых поступков было, наверное, значительно больше. Ну да ладно. Я советую тебе сделать перерыв в работе. Отдохни...

– Ты права, заодно надо обдумать дальнейшее развитие сюжета, – согласился Иван Аркадьевич.

Стояли солнечные дни бабьего лета, и супруги в полной мере воспользовались прекрасной погодой, гуляя в парке. Но тема финала рассказа не оставляла писателя в покое, и он постоянно возвращался к ней во время долгих прогулок на свежем воздухе.

Уже дома, когда Иван Аркадьевич садился за рукопись, Агриппина Ананьевна просила мужа:

– Я прошу тебя, будь осторожен. Когда подойдешь к кульминации, следи за своим состоянием. Вспомни Максима Горького: когда он писал «Жизнь Клима Самгина», то настолько вжился в образ, что потерял сознание и упал со стула. А у тебя слабое сердце...

– Хорошо, – пообещал муж.

– Смотри, – ответила та. – А я пока схожу на рынок и приготовлю обед. Занимаясь на кухне, Агриппина Ананьевна время от времени заглядывала в кабинет мужа. Тот увлеченно писал и, казалось, ничего не замечал вокруг себя. Когда же она закончила с делами и вошла в кабинет, муж сидел, откинувшись на спинку кресла и держался за сердце.

– Ванечка, что с тобой? – встревожилась она.

– Ничего, ничего, сейчас пройдет, – ответил он.

– Нельзя же так, я предостерегала тебя, – засуетилась жена. – Давай-ка я накапаю тебе корвалола, и ты приляжешь.

Иван Аркадьевич послушно выпил лекарство и прилег на диван. А Агриппина Ананьевна присела на стул в изголовье и стала поглаживать бессильно лежащую кисть супруга.

Незаметно для себя Иван Аркадьевич уснул. Тогда женщина тихо встала, подошла к столу, взяла написанную мужем часть рукописи, устроилась в кресле и начала читать.

«Упершись взглядом в землю, согнувшись, Прохор медленно брел по деревенской улице. Дойдя до перекрестка дорог, он вдруг остановился и, поразмыслив недолго, свернул на дорогу, ведущую в соседнюю деревню Кантаурово, отстоявшую от Супонина в двух с половиной верстах. Там находилась небольшая церквушка, и при ней служил отец Илизарий –

старик степенный и обстоятельный, который, по разумению Прохора, мог дать дельный совет, а то и помочь в настигшей семью беде.

Увидев, что дверь церкви закрыта, Прохор направился к избе Илизария, тем паче, что она располагалась рядом с деревенским храмом.

Потоптавшись под окнами, Прохор решился и окрикнул:

– Батюшка, ты дома ли?

В окне показалась бородатая физиономия хозяина. Не говоря ни слова, он кивнул головой и вышел к посетителю.

– Ты, что ли, Прохор? – узнал он гостя. – В церковку пойдем? В исповедальню... Гость отрицательно помотал головой. Видя его угнетенное состояние, отец Илизарий согласился:

– И то правда. На свежем воздухе как-то приятней для телес. А то скоро начнутся ненастья, а там через недолгое время и зима заявится.

Прохор поднял слезящиеся глаза на священника.

– Молчай, – хмуро ответил тот. – Все знаю. Что тут поделаешь? Господа над нами свыше поставлены, тут мы не вольны. А нам остается только послушание. А грехи... За грехи наши Господь взыщет. Все он видит, за все спросит...

Он еще что-то долго говорил, время от времени крестясь, но Прохор уже не слышал его: он понял, что и здесь помощи ему не сыскать.

Собравшись с силами, он поднялся, поклонился Илизарию и побрел в свою деревню. А отец Илизарий вздохнул и, глядя вслед удаляющемуся старику, покрестил его в спину.

Прокопий, обеспокоенный долгим отсутствием отца, увидел его издалека и поспешил навстречу.

– Где ты обретался? – спросил он. – Никак в церковь ходил? Отец Илизарий обещал помочь?

Но старик только махнул рукой и смазал слезы рукавом рубахи.

– Ну, да, – пробормотал сын. – Он кормится от барины, чего тут было ждать?

Остаток дня прошел в тягостном молчании. Обычно шумливые ребятишки забились на печи и сидели тихо, словно мыши. А когда легли спать, взрослые никак не могли уснуть, – в головах постоянно ворочались тяжелые, словно булыжники, нерадостные мысли.

Утро принесло новую напасть. Услышав тележный скрип, Прокопий вышел из избы. В его сторону ехали две пустые подводы, а впереди их степенно шествовал староста Фома Фомич.

У избы Нестериных обоз остановился, староста подошел к Прокопию и, не глядя на него, произнес:

– Вот какое дело, Прокопий. Баринот велено взять с тебя оброк не с числа работников, а с числа едоков. Так-то вот...

Мужик даже задохнулся от неожиданной вести.

– Да как же так? У меня их семеро по лавкам. Чем я их кормить буду? – оторопело произнес он.

– Не знаю, – вздохнул староста. – Велено так...

Услышав эту новость, на улицу высыпало все семейство, ребятишки заревели в голос, а Василиса кинулась старосте в ноги и, обвинив его сапоги, заголосила:

– Не погуби, родимый. Вымрем до единого с голодухи, чем мальцов-то кормить станем? Пожалей сиротушек, ай ты нехристь...

Фома Фомич отступил было назад, но и Василиса ползла за ним, цепляясь за ноги и продолжая вопить. Глядя на разметающуюся мать, ребятишки заревели еще пуще, а Прокопий сжал кулаки и шагнул было к старосте. Но отец повис на нем, уговаривая:

– Не замай его, он такой же подневольный, как и мы.

В это время из избы вышла Варя. Лицо ее было белым, как снег, взгляд какой-то отсутствующий. Подойдя к старосте, она тихо, но твердо, сказала:

– Оставь нас. Я пойду к барину.

Мать тут же замолкла, глядя снизу на дочь.

– Доченька, – только и смогла проговорить она.

Варя тем временем обошла старосту и медленно направилась к господскому дому.

– Господи, да что же такое делается? – пробормотал, осеня себя крестным знаменем, дед.

Фома Фомич, играя желваками скул, замер, глядя вслед девушке, а потом снял картуз, молча махнул рукой возчикам – уезжайте, мол, и также молча побрел к своей избе.

Семья смотрела вслед Варе до тех пор, пока она не скрылась за последней деревянной избой. После этого, не сговариваясь, все пошли в дом и сидели тихо, – говорить было не о чем.

Уже вечерело, когда сидевший на завалинке Прокопий увидел медленно возвращающуюся дочь. Головной платок она держала в руках, волосы были растрепаны...

– Возвращается, – почти простонал он и начал было приподниматься, но Василиса сердито сказала:

– Сиди, здесь мать нужна.

Прокопий увидел, как жена подбежала к дочери, обняла ее за плечи и повела куда-то за избу. Возле амбара она усадила дочь на бревно и стала успокаивать:

– Не переживай, жизнь на этом не кончается. Много пережили, переживем и это...

Варя сидела с каменным лицом и, казалось, даже не слышала, что ей говорила мать.

А та лепетала что-то ласковое и успокаивающее, а потом сказала:

– Сейчас мы истопим баньку, и ты смоешь с себя эту грязь. Ты посиди, я скажу отцу, чтобы он приготовил, а я достану чистую одежку. А эту мы спалим... Ты только дождись меня, я мигом...

Она встала и опрометью бросилась в избу, на ходу бросив мужу:

– Быстро протопи баню!

Сама же начала копаться в сундуке подбирая чистую одежду для дочери.

Прокопий, ни слова не говоря начал растапливать каменку, подкладывая под дрова бересту. Когда огонь разгорелся, он стал забирать воду из стоявшей здесь же бочки и заливать ее в котел. Потом нагнулся, чтобы зачерпнуть второе ведро и вдруг услышал страшный душераздирающий крик. Он сразу узнал голос своей жены:

– Варюшка, доченька!

Бросив ведро, он кинулся к амбару, откуда и донесся крик, а сейчас были слышны лишь горькие причитания Василисы.

Ворвавшись внутрь амбара, он увидел распростертую на полу в луже еще не свернувшейся крови дочку. На горле ее зиял страшный рубец, из которого какими-то темными комками выталкивались сгустки, а рядом валялась окровавленная коса.

Ногой оттолкнув ее в сторону, Прокопий опустился на колени рядом с распластанной дочерью и женой и заплакал. Он не заметил, как в дверном проеме сгрудились все их ребятишки и отец, с ужасом вззирающие на мертвую сестру и рыдающих отца и мать».

Агриппина Ананьевна неторопливо собрала листы рукописи, поднялась, положила бумаги на стол и присела рядом со спящим мужем.

«Боже мой, – думала она про себя, – неужели такое было возможно? А впрочем, почему бы и нет? По-сути, при крепостном праве помещик распоряжался своими крепостными, как истинный рабовладелец. Мог продать, даже убить и отделаться при этом незначительным

штрафом. И это было совсем недавно, всего-то полтора столетия назад. А мы еще считаем себя цивилизованной нацией».

Она посмотрела на мужа. Тот спал, только у него изредка вздрагивали руки, и иногда по лицу проскакивал нервный тик...

Беглец с этапа

Бывший мичман гвардейского экипажа, участник декабрьского восстания Александр Лопарев, 1803 года рождения, государственный преступник, осужденный по третьему разряду известного царского алфавита к двадцати годам каторжных работ и к вечному поселению в Сибири, три года отсидевший милостью царя в Секретном Доме Петропавловской крепости, – бежал с этапа...
Алексей Черкасов. «Хмель» («Сказание о людях тайги»)

Арестанту, зажатому между двумя дородными жандармами, пышущими здоровьем, не было холодно, – тепло от их крупных тел проходило даже сквозь толстое сукно шинелей и согревало его с боков. Правда, в спину слегка поддувало, но это было терпимо.

Тройка худосочных крестьянских лошадей, увязающих по самые бабки в весенней распутице, с трудом выдерживала ступицы колес из схватившей их размокшей глинистой почвы, словно бы не пускающей путешественников в чуждую для них страну – Сибирь.

Степь заканчивалась; все чаще стали встречаться купы низкорослого подроста, а далеко впереди тонкой темной полоской просматривался коренной лес.

Ближе к ночи тройка подошла к опушке леса и остановилась на относительно сухом пригорке, покрытом толстым слоем мха. Здесь-то и было решено устроить привал, поскольку лошади изрядно устали, а до ближайшего села было верст двадцать такого же чмокающего бездорожья.

Возчик, не мешкая, распряг лошадей, стреножил их и пустил к другим лошадям обоза на выпас, где оголодавшие животные тотчас принялись подбирать ошметки прошлогодней травы, там и тут лоскутами торчащие в едва ли не сплошном мшистом ковре.

Жандармы, нехотя вылезшие из пролетки, саблями нарубили лапника, набрали сушняка и разожгли костер, чтобы обсушиться и приготовить немудрящий ужин. На ночь арестант с возчиком улеглись на еловый лапник под пролеткой и довольно быстро уснули, – один – по-крестьянски быстро и незатейливо, слегка подхрапывая, другой, – пребывая в тяжелой и мучительной задумчивости, в который раз перебирая в голове все, что привело его на этап. Эти воспоминания совершенно измучили его, избавиться от них не было никаких сил, – они возвращались к нему каждый раз, стоило ему только закрыть глаза и забыться...

Их помещик, Иван Сидорович Тресков, из мелкопоместных дворян был не лучше и не хуже других. Больше всего его интересовали охота да дворовые девки, коих он менял по мере того, как они, согрешив с ним – чаще всего в бане, становились непригодны для любовных утех. Таких он отправлял к родителям, позволяя им то накопить для коровы на зиму лишнего сена с барского луга, то спилить несколько сосен для ремонта избы, при этом выделяя отправляемой девке небольшую для него, но существенную для крестьянского хозяйства денежку.

Ребятишки, рожденные от него, вливались в общую стаю многодетной крестьянской семьи и были не в тягость в хозяйстве.

Бывало, застанет Иван Сидорович какого-то бедолагу на охоте в своих угодьях, погрозит кнутом, пожурит, да и отпустит с миром.

А вот староста Степан Савров был настоящим разбойником с большой дороги, но перед барином юлил и пресмыкался, всячески выказывая ему свою преданность. Ему многое сходило с рук, – ведь именно он поставлял помещику молодок и отправлял их к родителям после того, как барин отяжелит их.

Конечно, и крестьяне были не ангелы и время от времени то украдкой спилят пару деревьев для своих нужд, то накосят травы в лесу для коровки, а то и сожнут краюшку ржаного поля...

В один из таких воровских дней, когда барин уехал по своим делам в Москву, а староста ставил себе новую избу, мы трое – я с братьями Фролом и Ефимом – решили воспользоваться отсутствием присмотра и «укоротить» уступ ржаного поля у развилки двух дорог вдали от деревни.

То ли кто-то из наших шепнул про нашу задумку старосте, то ли он сам прочувствовал неладное, да только совершенно неожиданно для нас появился на лошади со своим помощником.

Все бы обошлось, да только Степан начал махать арапником и рассек лицо Ефиму, едва не выбив ему глаз.

Не знаю, что на меня нашло, но только полоснул я его серпом по горлу, а потом, упавшего на землю, добил подвернувшимся под руку батоном.

Фрол склонился над Ефимом, закрыв ему ладонью сочившийся сукровицей глаз, а я стоял возле в полной растерянности, еще не до конца осознавая, что произошло что-то страшное и непоправимое. Вскоре нас и повязали...

Фрола и Ефима вскорости по просьбе барина отпустили по домам, предварительно выпоров на конюшне, а меня сослали на каторгу в Сибирь.

Почти два месяца мне пришлось провести в городской тюрьме, где формировалась партия заключенных, приговоренных к каторге в разных местах Урала и Сибири.

Мамаша, провожая меня, плакала так, словно прощалась со мной навечно, а Маняша, молодая жена, успевшая подарить мне сынишку, словно окаменев, стояла рядом, не до конца веря во все происходящее. И только когда меня повели, заголосила, словно по покойнику.

Когда арестантов из ближних волостей набралось более полусотни, нас погнали на восток, предварительно заковав в кандалы.

Цепи и тяжеленные негнущиеся каторжные коты на деревянных подошвах затрудняли движение каравана, поэтому он двигался медленно, порой останавливаясь посреди степи для того, чтобы сопровождающий нас священник отпел не выдержавшего трудного пути бедолагу, которого закапывали тут же, возле тракта, и от умершего оставался только небольшой холмик и самодельный крест без упоминания имени покойного.

А дальше снова шла голая степь с редкими селениями, и только однообразный звон кандалов «тринь-трак, тринь-трак» нарушал ее словно застывший во времени покой.

На подходе к Уралу партия разделилась: часть ее повели на север разрабатывать богатства Каменного пояса для заводчиков Демидовых – кабала, о которой ходили страшные слухи.

Этапированных, среди которых находился Федот Кучемасов, посадили на телеги, и обоз неспешно углублялся в просторы бесконечной Сибири. По пути встречались нечастые села, расстояние между которыми заметно увеличивалось по мере продвижения вперед. Порой на пути встречались одиноко стоявшие скиты, а то и часовни, в которых арестантам позволяли помолиться – отмолить свои грехи. Богомолки, чаще всего старушки, подавали арестантам кто краюшку хлеба, вареные яйца и картошку, огурчики, а то в виде милости и копейку...

В деревеньке Карабиха с пролеткой, в которой везли Федота, случилась беда: сломалось заднее правое колесо, расковались лошади.

Посоветовавшись, фельдфебель Городовиков, старший отряда жандармов, решил продолжить путь, а сломанную пролетку с арестантом и двумя жандармами оставил для ремонта иковки лошадей.

Местный кузнец, которому разрешили помогать Федоту, за два дня выковал новые подковы и обод для нового колеса. Жандармы, сидевшие возле кузни, не очень прислушивались к болтовне кузнеца и помощника, больше занятые бутылью самогона, выставленную кузнецом.

Выслушав историю арестанта, кузнец, сам живший здесь на поселении, наполовину срубил заклепки на кандалах Федота и подсказал, где и как ему лучше уйти в тайгу. Примерно в тридцати верстах от тракта, пояснил он, находится скит старовера, о котором не знают власти. Если старик еще жив, он не откажет в помощи. А уж там, как повезет. И на прощание дал ему небольшое зубильце для того, чтобы потом, в тайге, дорубить заклепки и освободиться от оков.

– Камень вместо молотка в тайге найдешь, – похлопал он по спине Федота. – Удачи тебе...

– Спасибо, брат, – расчувствовался арестант.

– Полно тебе. Ты только, вот что, – в деревни не заходи, враз продадут. Тут платят за беглых...

– Не зайду, спасибо, – еще раз поблагодарил каторжанин и, повернувшись, побрел к пролетке, где его уже ждали жандармы.

И снова потянулась однообразная дорога, на ухабах пролетку изрядно потряхивало.

Жандармы, изрядно угощенные кузнецом, лениво обсуждали деревенские местные обычаи, но вино начинало брать свое, и они начали дремать, лишь изредка вскидывая голову, ошалело оглядываясь вокруг. Убедившись, что арестант сидит смирно, снова клевали носами...

Федот не подавал вида, что внимательно наблюдает за окружающей их тайгой. Заметив впереди сужение, образованное могучими деревьями, вплотную нависающими над дорогой, он застонал и начал толкать сидевшего слева жандарма. Служивый через силу продрал глаза и проворчал:

– Чего тебе?

– Брюхо разболелось, спасу нет. Позволь сходить до ветру.

– Не положено, – сонным голосом проворчал он.

– Так вам же придется нюхать, – страдальческим голосом проговорил Федот.

Жандарм долго соображал, не понимая толком, чего от него хотят. Так до конца не поняв просьбы, он махнул рукой и снова впал в дрему.

Федот неторопливо слез с пролетки, стараясь не запутаться в цепях.

– Мотри, не балуй там, – крикнул ему с облучка возница, стремившийся показать свое превосходство над бесправным арестантом.

– С вами забалуешь, – пробурчал Федот. – Вы-то в тайге, как у себя дома. Бежать – все равно, что башкой в омут.

– Это точно, – самодовольно проговорил тот, перебирая вожжи.

Федот углубился в тесно росшие кусты и подрост и, как советовал кузнец, резко свернул вперед вдоль дороги. «Они не подумают, что ты пошел вперед, – вспомнил он слова своего благодетеля. – Да и тебе видно будет, как они уедут, бросив поиск».

Колодник, продираясь через чащу, старался не греметь цепями. Держа в качестве ориентира дорожный просвет, он прошел около версты и затаился, наблюдая за дорогой.

Только ближе к вечеру он сначала услышал скрип тележных колес и громкую ругань жандармов, а через некоторое время увидел пролетку, в которой яростно переругивались его конвойные.

И только тогда, когда окончательно смолкли звуки человеческих голосов, он успокоился и начал готовиться к первому ночлегу в тайге. Он понимал, что если сейчас, в наступав-

шей темноте, отправится в путь, то непременно потеряет ориентиры и окончательно заплутает. А это в тайге явная смерть.

Сторожко подойдя к дороге, он еще раз убедился, что его стражники скрылись из вида. Потом отыскал пару увесистых камней, снова углубился в тайгу, где не без труда сбил с себя оковы. Отбросив цепи, он решил сохранить зубилице – какое-никакое, а все-таки оружие, да и при необходимости им можно срубить нетолстое деревце или сучок.

Устроив себе ложе из лапника, беглец устроился на ночь и едва ли не впервые словно провалился в сон и спал без сновидений, лишь изредка вздрагивая во сне и ежась от холода.

Кузнец снабдил его спичками, но разводить костер для того, чтобы согреться, он не стал, проделав несколько гимнастических упражнений.

Еще раз вспомнив наставление кузнеца относительно пути следования, Федот истово перекрестился и побрел в таежную глубь. Ужасно хотелось есть, и он, стараясь не терять выбранного направления, подбирал еще не покрасневшие ягоды земляники и прошлогодние плоды шиповника, благо того и другого было предостаточно.

Эта еда не утоляла голод, но приходилось терпеть. Ему повезло: вскорости он набрел на озерцо, о котором упоминал кузнец. Здесь-то он и решил сделать остановку, чтобы набраться сил. А для того, чтобы не потерять направление, Федот сломал несколько довольно толстых веток, ошкурил их и выложил в том направлении, по которому ему следовало идти дальше.

Ему повезло и на этот раз: собирая на земле сухие ветки, он вспугнул из травы какую-то птицу, а когда нагнулся, то обнаружил гнездо, а в нем четыре небольших пестрых яичка. Мысленно извинившись перед птахой, он забрал их с тем, чтобы испечь на костре.

Внутри яиц уже были небольшие зародыши птенцов, но это не смутило беглеца, – известно, голод – не тетка, привередничать не приходилось.

После скромного обеда, отойдя довольно далеко от тракта, Федот уснул уже более спокойно. А утром, ориентируясь по выложенным ошкуренным сучкам, побрел дальше.

Следующие два дня, вконец оголодавший, он едва брел, спотыкаясь о торчащие то тут, то там корневища и валежник. Редкие грибы он собирал в арестантскую шапку и, когда становилось совсем невмоготу, нанизывал эти грибы на палочки, жарил на огне и грыз их. Но эта еда вызывала приступ жажды, утолить которую не было никакой возможности. Он пытался жевать молодые листья, но кроме горечи во рту ничего не ощущал.

На четвертый день пути Федот окончательно изнемог и, усевшись под сосной, практически сдался, – хотелось только забыться, и уснуть, и дожидаться момента, когда закончатся его мучения...

В усталом, изможденном сознании поплыли воспоминания о родной деревне, жене, сыне, оставшемся без отца, стариках-родителях. Сынок теребил его за плечо и что-то тихо говорил, но понять его было совершенно невозможно.

И вдруг сынок размахнулся и больно ударил его по щекам раз и два... От неожиданности Федот открыл глаза, – перед ним стоял старик благообразного вида с седой бородой, доходившей до пояса, опирающийся на массивный посох.

Старик склонился над ним и настойчиво спрашивал:

– Кто ты, человеке? Никак беглый?

У Федота пересохло во рту, губы затвердели. Он удивленно смотрел на старца, не понимая – явь это или продолжение беспамятства? Он попытался что-то сказать, но из горла вырвалось только какое-то мычание.

Старик все понял и без слов помог Федоту подняться.

– Ну-ко, не раскисай! Дошел уже, чего там, – ворчал он. – Молодой ишшо, а рассупонился, словно стогодовалый дед.

– Пи-и-ить, – прохрипел Федот через силу.

– Дойди сначала, – бормотал дед, помогая ему идти, – ишь, опору себе нашел, лодырь.

Каторжанин совершенно не соображал, куда и зачем его ведут, – в сознании крутилось одно: «Дошел, спасен!.. Слава тебе, Господи!..»

Уже лежа на какой-то лежанке, он жадно выпил какую-то противную жидкость, которую поднес дед, и тут же провалился в беспамятство.

Придя в себя, он увидел все того же старика, склонившегося над печуркой и что-то помешивающего в глиняном горшке. Заметив, что больной проснулся, старик снял горшок с огня и подошел к лежанке.

– Ну, очухался, болезный? – проговорил он, садясь с краю лежанки. – Как меня нашел?

– Кузнец подсказал...

– Вакула? Вот беспокойный человек...

– Вы знакомы с ним? – спросил Федот.

– Да нет, не свиделись. Ты третий, кого он посылает ко мне. За что тебя в кандалы-то?

– Старосту убил.

– Что, зверь был?

– Да уж, много зла он доставил нашим крестьянам.

– Каешься?

– Не знаю. Все-таки живая душа, грех великий на мне... А в то же время деревню от злыдня освободил. Вот и не знаю теперь... Грех на мне великий, неотмолимый...

Федот хотел было перекреститься, но, осмотрев углы избышки, не нашел икон.

Старик усмехнулся, заметив его замешательство и, выходя наружу, приказал:

– Не вставай пока, не колготись, пару дней надо тебе полежать, перегореть.

«Странный дед, – думал про себя Федот. – Не перекрестился ни разу, икон нет... Кто он? Не колдун ли таежный?»

Об этих колдунах он был слышан на этапе. Говорили, что они вроде лесных духов, ведьмаков. Могут и порчу навести на человека, а то и вовсе заколдовать его или превратить в зверя дикого.

«Господи, спаси и помилуй, – думал про себя Федот. – Упаси меня от нечистого, от сглазу, от порчи. Не дай пропасть ради сынишки моего махонького, ради батюшки и матушки престарелых, ради жены, страдалицы безвинной...»

Утомленный переживаниями, он не заметил, как снова впал в беспамятство.

Проснувшись поутру, он собрал все силы и сел на лежанке. Услышав его шевеленье, старец, растапливающий печурку, обернулся и удивленно проговорил:

– Также! Ай оклемался, болезный? погоди уж, раб божий, не колготись. Покормлю тебя, чем Бог послал, а там уж и на волю выйдем, – подышать тебе надо таежным духом. Он в тя силы вошьет...

Выйдя наружу, Федот оглядел невзрачную избенку старика и удивился:

– Что ж крыша-то раскрыта? Поправить бы надо, лапником, что ли, накрыть...

– Вот отлежишься, силы наберешься и поспособствуешь мне. Одному-то не осилить, – года уже не те...

Уже в избышке, где уставший от свежего воздуха Федот снова прилег на лежанку, дед как бы между прочим спросил:

– Заметил я утресь, ты, проснувшись, крестился щепотью. Никонианец, видно?

– Так, как все крестятся, также и я, – растерянно пробормотал Федот. – Дедушко, а ты вот ни разу не покрестился...

– Чего впустую руками-то махать? Бог в душе у каждого человека должен быть.

– Нехристь ты или как?

– Тьфу тебе! Эх заладил: нехристь! Говорю тебе, – бог свой у каждого человека в душе. Каждый его по-своему представляет.

– А как же иконы? – окончательно растерялся парень.

– Писаницы-то также людьми нарисованы. Как иконописец своево бога представляет, так и малюет его. Ты вот молодой ишшо, каким его видишь?

– Светлый такой, просветленный. С голубыми добрыми глазами. Выше меня, светлые волосы до плеч, а над головой свечение...

– Вот. А в моем понимании – он старый, вроде меня, с седыми прядями. И взгляд у него усталый, ровно упрекающий людей за грехи.

Дни текли, словно вода в лесном ручье, сдабриваемые журчанием – разговорами. Старик, да и Федот, словно не могли наговориться, у каждого на душе скопилось многое, что хотелось бы высказать постороннему человеку.

Из этих разговоров Федот узнал, что старик – его звали в миру Авдеем – бывший старовер, который с единомышленниками постоянно уходил от царской греховной власти и от гонения сторонников новой, Никонианской, церкви.

Из Поморья их увел старец Филарет. Авдей тогда был парнишкой, глазастым, любознательным и все увиденное впитывал в себя, словно иссохшая от жажды земля вбирает в себя капли благословенного дождя.

Община шла на восток, в таинственную и пугающую неизвестностью Сибирь, где, как говорили, где-то пряталось святое Белогорье. К людям не выходили, сторонились их с их сатанинскими печатями и списками, с их попами бесноватыми. На лето обычно останавливались, чтобы посеять рожь да подкрепить скотину свежей травкой. Рыли землянки и жили в них, строго блюдя старую веру отцов и дедов.

Разлад в общине начался в распадке в горах Каменного пояса, когда Елисей, один из пустынников, умывался в ручье и неожиданно узрел среди камней золотой самородок величиной с ноготь.

Вот тут-то святого Филарета словно подменили. Он заставил всех нас мыть золото якобы на нужды общины. Поверили мы ему да обманулись.

В один из осенних дней, когда мы собирались отправляться дальше в путь и перевалить горы, он с сыном ушел в тайгу на субботнее моление, сказав, что будет просить Бога о благополучном переходе.

Мы еще удивились, что они взяли с собой котомки, но они объяснили, что идут на два дня и чтобы их ждали в воскресенье к вечеру. А в понедельник после общего моления, мы, мол, тронемся в путь. К этому времени все должно быть приготовлено к переходу.

Да только не вернулись они ни в воскресенье, ни в другие дни. Поперву мы решили, что с ними беда приключилась, пошли искать. Ан на молельной поляне никаких следов их не обнаружили. Утекли они со всем намытым нами золотом. Во се есть алчность неумная, – отвергли общину, сбежали в мир, крепость святую порушили...

– Почему вы решили, что они к людям ушли? – спросил Федот. – Да еще и веру вашу порушили?

– Дак в тайге-то с проклятушим металлом делать нечего. Весь соблазн в миру, тем паче с таким богатством... Аки иуды проклятушие отринули веру, продались за тридцать серебряников...

Делать нечего, погоревали мы, провели судное моление, выбрали Ларивона духовником да и подались дале...

– Что такое – судное моление? – недоуменно спросил Федот.

Старец помолчал некоторое время, а потом со вздохом, нехотя продолжил воспоминания:

– Страшное, безбожное это дело... У Микулы-то, сына Филаретова, в общине остались жена Ефимия да сынишка двухгодовалый. Золото это проклятущее затмило разум мужику, – бросил он и жену, и мальчонку безгрешного. Ларивон-то, став новым духовником, особо осерчал на Филарета. Он давно уже метил на его место, да все подходящего случая не было...

А тут на-ко, сам духовник старый место ему освободил. Я так думаю, – задело его и то, что Филарет с Микулой унесли все золотишко, нами намытое. Вот Ларивон от злобы великой и устроил судное моление. Долго пытали Марфушку: не знала ли она о черных замыслах беглецов?

– Кайся, грешница, – орал Ларивон на судном спросе, – перед миром древних христиан, какие за веру на смерть идут, кайся!

Та твердила, что ни сном, ни духом не ведала об этом. Все было бесполезно, – уж коли зверь ощерил клыки, он должен непременно омочить их в крови... Загнали ее с малышом в ихнюю же землянку, забросали хворостом, да и сожгли...

– Господи Суси, страсти-то какие! – крестился Федот, с испугом глядя на старика.

– Да, вот с тех пор я и начал задумываться о праведности, искренности нашей веры. Еще отроком я злился кажинный раз, когда отец «для порядку» поучал маманю: наматает на руку ейную косу, пригнет к земле и лупит как Сидорову козу.

Тут старик ненадолго замолк, переживая прошлое, а потом, горько вздохнув, продолжил:

– Никак я, малец, не мог понять, для чего такая ненависть у наших старцев к женщинам. Толковали: мол, Ева-потаскушка позналась со змием-сатаной, после чего совратила и Адама.

Не мог понять я, несмышлениш, для чего некоторые из наших мужиков таскают на себе вериги или власяницы?..

– Что это – вериги, власяницы? – удивленно спросил Федот.

– Вериги – это тяжесть на теле. Которые таскают на себе железа с шипами, чтобы тело кололо. А власяницы вяжут из конского волоса. Рубаха такая. Надевают ее на голое тело и носят годами, не снимая.

– Что, и не мылись?

– Нет.

– Так, чай, тело-то чешется под ней.

– Не то, что чешется, – струпьями покрывается, гниёт...

– Зачем всё это?

– Так они изнуряют плоть, чтобы плотскому искусу не поддаться.

– Господи, дикость какая! – снова начал креститься Федот.

– Взяв власть, Ларивон-то совсем распоясался. Кажинный раз, когда мы останавливались на лето, чтобы посеять рожь да овес для лошадок, копали себе землянки. А тут Ларивон распорядился сооружать вроде как молельную избу, а сам и жил в ней с семьей.

– А как же ты оказался один, – спросил Федот. – Где же ваша община?

Дед долго молчал, а потом решился рассказать:

– Тяжелая это история. Полюбилась мне Марфинька... И хоть женщины всегда обязаны были носить платки на голове, натянутые на самые глаза, порой и она стреляла в меня глазками. Полюбили мы друг друга... Да только, видно, не суждено было нам быть вместе.

Дед тяжело вздохнул, но, собравшись с силами, продолжил:

– В общине не спрашивают, кто кого любит, – старец-духовник решал, кому с кем жить. Вот и порешил Ларивон женить своего сына на Марфиньке. Даже день свадьбы назначил...

Бабье лето выдалось теплым, и я спал не в душной землянке, а на стожке сена, укрывшись меховой полостью. Так вот, в ночь перед свадьбой она тайно пробралась ко мне... Простоволосая... Мы любились всю ночь, а только светать стало, она ушла... Насовсем...

Утром кинулись искать ее, – пропала невеста! И только на третий день выловили бедолагу из ближнего озера...

Старик замолчал надолго, бросив голову на руки, упертые в колени. Молчал и потрясенный Федот, а потом тихо спросил:

– Чего же вы не убежали из общины?

– Уговаривал я ее... Не захотела, – у нее здесь мамка да три сестренки малые. Отец-то остался на одном из переходов – пошел на медведя с рогатиной, да в этот день ему не выпал фарт. Не могла она оставить их одних... А вышло еще хуже. И меня осиротила на всю жизнь...

За этими взаимными воспоминаниями незаметно летело время. Ближе к зиме Федот поправил крышу на избушке, заново законопатил щели между бревнами мхом, на крышу набросал еловых лап.

Долгая зима прошла за заботами и разговорами. Дед до конца рассказал свою историю.

– Когда мы похоронили Марфиньку, я и задумал уйти к ней и оставаться до конца своих дней.

Община пошла дальше на восток. Я заметил, что пустынники – подручные Ларивона – приглядывают за мной. Они заметили, что мои молитвы стали более небрежными, менее истовыми. Но через неделю пути я выбрал момент, когда мы втроем пошли на охоту, отошел от товарищей и пустился в обратный путь. Дорогу-то я запомнил, а кое-где оставлял метки в тайге.

Не знаю, гнались за мной или нет, искали ли, но я добрался на старый стан и, слава Богу, моельный дом наши не сожгли – боялись большим огнем привлечь к себе внимание. Да и тайгу можно было подпалить, а тут уж и до беды недалеко.

Весной, когда тайга окончательно освободилась от снега и подсохла, дед отвел Федота к могилке своей возлюбленной. И два заросших бородатых человека долго молча сидели возле ухоженного холмика с простым деревянным крестом.

Взгрустнул и Федот, вспомнив об оставленной на родной сторонushке жене, матери, сынишке, родителях, братьях.

В один из дней Федот спросил:

– Отец, а как же мне быть дальше? В мир идти невозможно, а здесь...

– Да я все понимаю, – ответил старик. – Я тебе уже рассказывал, что до тебя пристроил двоих беглых. Первый-то был осужден за поджог помещицкой усадьбы вместе с извергом-помещиком. А вот второй-то был хоша и барин, а бунтовщик, против самого царя-антихриста пошел. Рассказывал, что пятерых главных-то повесили, а многих в Сибирь сослали. Говорил, что помог ему какой-то очень богатый, тоеж бунтарь, какой-то Волконский... Не слышал про такого?

– Да чего услышишь-то в нашем медвежьем углу? Барин-то, небойсь, в самом Петербурге жил...

– Пожалуй что... Так вот этих бедолаг я к гилякам пристроил.

– Это кто такие? – насторожился Федот.

– Да кочуют они по тайге, таежный народ. На одном месте не живут. Молятся на солнце, на деревянные чурбаки – идолами их зовут. Ни царя, ни власти не признают, чисто нехристи. Да и власти до них дела нет, – не уследишь за ними в этой окаянной тайге.

– Поглядеть бы на них.

– Что глядеть-то, чай, не девка, чтобы разглядывать. Люди как люди. Простые, добрые, все в работе. Да в этих местах, сам знаешь, без труда-то...

Где-то недели через три старик с Федотом услышали далекий брех собаки. Федот весь напрягся, готовясь к самому худшему, но старик успокоил его:

– Это мой старый знакомец Вало, это его собака брешет, – по голосу узнаю. Упреждает, значит, нас – ждите, мол, гостей. Обязательно с подарком придет.

И правда, через некоторое время из редколесья вышел невысокого роста мужичонка, с темным лицом и раскосыми глазами, впереди которого бежала собака с загнутым хвостом. В

руках странный пришелец держал подстреленного крупного тетерева. Еще издали он закричал:

– Э-ге-гей! Это я, Вало!

– Вижу, вижу, что Вало! Кому же ишшо навещать старого отшельника, – по-доброму ворчал хозяин.

Старик и гость крепко обнялись, по-дружески похлопывая друг друга по спине.

– Как семья, как охота? – спросил старик. – Все ли ладно в семье?

– Семья хорошо, все живы, – Вало оглядывал старика ласковым взглядом. – Вот птица летела мимо, я говорю ей: пошли в гости, он и пошел со мной.

Федот стоял в стороне, глядя на двух старинных приятеля, занятых своей беседой и не обращавших на него никакого внимания.

– Не обижайся на Вало, – обратился старик к Федоту. – В их обычае сдержанность, они не лезут первыми с вопросами, особенно к незнакомцам.

– Вало, – обратился он теперь к тунгусу, – это еще один беглец. Выручай его. Это парень работающий, крестьянин, обузой тебе не будет.

– Помощь в тайге всегда нужна, однако, – Вало протянул руку Федоту. Рука жесткая, работающая...

– А что с барином-то? Как он? – спросил старик.

– Ушел барин. К властям... Тайга – тяжело...

– Не выдержал, стало быть, таежной жизни. Неволя оказалась слаще. Дела-а, – протянул дед.

– Не выдаст он твою избушку? – встревоженно спросил Федот старика.

– Водил его неделю по тайге, путал, – коротко бросил Вало.

– Кому я нужен? Надо слать целую команду, а за ради чего? Беглецы для властей – тлен, прах. Ну, ушел в тайгу и пропал, и бог с ним.

Вало заночевал, а рано утром вместе с Федотом они углубились в таежные дебри, тепло простившись с хозяином. Впереди них бежала собака, время от времени настороженно поглядывая на их нового попутчика.

– Далеко идти-то? – спросил Федот молчавшего всю дорогу Вало.

– Совсем рядом, всего две ночевки в тайге, – ответил тот.

Ближе к закату Вало начал готовиться к ночлегу, соорудив возле двух небольших елок некое подобие навеса из еловых же лап. Тут же развел костер, на который взвалил довольно крупную валежину.

Наскоро перекусив вяленой олениной, Вало начал укладываться на ночлег на подстилке из еловых лап. Федот сидел, задумчиво уставившись в слабо тлеющий костер.

– Спать давай, ходить завтра много, – обратился к нему тунгус.

– Ты спи, я караулю, – ответил парень.

– Зачем караулю? Спать нада, сила нада.

– Дак тайга, звери... Мало ли что...

Вало засмеялся:

– Каро караулит, – кивнул он на собаку. – Спи.

На третий день путешественники вышли на поляну, где стоял чум, покрытый оленьими шкурами. Над сходящимися вверху жердями тонкой струйкой вился дымок.

– Там кто-то есть? – спросил Федот, кивнув на чум.

– Жена, дочка, – коротко бросил Вало.

Каро уже таял возле откинутого полога чума, словно уведомлял о своем возвращении.

Почти тут же из чума выползли две женщины, старшая из них посасывала трубочку.

Когда мужчины подошли к чуму, Вало коротко бросил: «Федот», – и тут же стал разбираться в заплечном мешке, выкладывая его содержимое на землю.

– Ходи, – также коротко сказала старшая женщина, жестом приглашая в чум, – кушать нада...

Прошла неделя. Федот понемногу освоился с малоразговорчивыми хозяевами.

В один из дней Вало взял рогатину, прислоненную к чуму, и стал затачивать металлические ее наконечники.

– Завтра медведя брать будем. Рядом бродит, – ответил он на недоуменный вопрос Федота. – Совсем рядом, оленя убил и съел... Мяса нада, шкура нада...

Наутро Вало с куском сырой оленины пошел в сторону леса. Заинтересованный Федот побрел за ним. Идти пришлось недалеко: в лесу, среди деревьев, был установлен невысокий полук, на котором виднелись высохший до белизны медвежий череп и еще какие-то крупные кости.

Вало положил мясо возле обнаженной пасти черепа, закрыл глаза и стал что-то неторопливо бормотать по своему. Потом низко поклонился, провел ладонями по щекам и пошел назад.

– Чегой-то ты делал? – поинтересовался Федот.

– Нада прощенья просить у медведя за то, что будем убивать его, – пояснил тот. – Просить, чтобы не обижался на нас.

На ходу Вало наставлял Федота:

– Когда медведь навалится на рогатину, бей его топором по голове со всей силы. Да не промахнись, в меня не попади...

Вало шел, оглядывая землю и стволы деревьев. Как и тунгус, Федот старался идти бесшумно, но все равно изредка спотыкался о торчащие то тут, то там коряжины и валяющиеся сухие сучья.

Возле одной из сосен Вало остановился и показал на рваные царапины на коре:

– Большой, однако... Недавно тут был.

– Как ты узнал? – поинтересовался Федот.

– Смола не успела затвердеть...

Неожиданно далеко впереди залиvisto залаял Каро.

Федот рванулся было вперед на собачий брех, но тунгус остановил его:

– Не надо торопиться. Сила надо беречь. Каро не отпустит его.

Через некоторое время они увидели в малиннике ревущего зверя и верткого пса, все время стремящегося зайти к медведю сзади. Медведь крутился на одном месте, перемяв все кусты малины, стараясь ухватить зловредного пса своей когтистой лапой.

Вало передал ружье Федоту, наказав стрелять только в крайнем случае. Парень сжал оружие левой рукой, а правой удобно взялся за топорище.

– Отойди в сторону, – приказал ему Вало, внимательно следя за зверем.

Зверь увидел людей и на минуту отвлекся. Этого момента хватило, чтобы Каро укусил его за заднюю лапу и мгновенно отскочил. Медведь резко крутнулся, но теперь ему нужно было следить и за Вало, и за собакой.

Ухватив покрепче рогатину, Вало стал медленно приближаться к медведю. В тот момент, когда тот отвлекся на собаку, Вало прыжком приблизился к нему и ткнул его рогатиной в бок, после чего так же стремительно отскочил.

Медведь собрался было броситься на человека, но Каро снова хватнул его за самое болезненное у всякого мужика место. Мишка рывкнул на весь лес и на мгновение отвернулся от человека, чем и воспользовался Вало, снова ткнув его рогатиной в бок.

Вало медленно отступал к большой сосне и, подойдя к ней вплотную, одновременно следя за зверем, плотно воткнул обух рогатины между корнями.

Умница Каро сейчас же оставил зверя, но отошел недалеко, внимательно следя за ним. Настало время очной ставки таежного хозяина и человека.

Медведь встал на задние лапы и стал наваливаться на врага с тем, чтобы разорвать, смять, убить того, кто осмелился побеспокоить его. В тот момент, когда он начал склоняться вперед, Вало резко нагнул рогатину, целясь тому в грудь между передними лапами.

Казалось, медведь вот-вот достанет человека, склонившегося к земле. Он наклонился все ниже и ниже и тем самым все плотнее насаживая себя на проклятое железо, вонзавшееся ему в грудь. Он махал лапами и что есть силы старался достать своими огромными когтями эту мелюзгу...

– Бей! – закричал Вал о Федоту.

Федот, стоявший за той же сосной, сначала испугался, – он впервые видел оскаленную морду огромного хищника так близко. Но боязнь за Вало, своего спасителя, переборола страх, и он, размахнувшись, со всей силы рубанул медведя по черепу.

Тот как-то удивленно глянул на еще одного врага, рыкнул в последний раз и стал медленно заваливаться на бок. Подскочивший тут же Каро начал было с остервенением рвать тушу, но Вало прикрикнул на него, и пес послушно отошел, но стоял рядом, скаля зубы на недавнего врага.

– Зачем шкуру портил? – набросился Вало на Федота.

– Ты же сам кричал: «Бей!» – я и...

– Острым зачем бил? Шкуру рубил, испортил.

– Дак ты же не говорил, как надо было. Обухом, что ли?

– Обухом, обухом, – проворчал уже мягче Вало. Возбуждение прошло, и он уже жалел, что накричал на напарника, – тот впервые в жизни так близко столкнулся с разъяренным зверем.

– Молодеса, не убежал, – уже совсем спокойно проговорил он, похлопав Федота по плечу.

Прошло еще несколько дней. Федот уже немного освоился с таежным бытом и как мог помогал Вало. Но однажды тот удивил своего помощника:

– Почему не спишь с Кульдука? Ей ребенка нада. Давно пора.

Федот растерялся:

– У меня жена дома, – растерянно пробормотал он.

– Дома нету, здесь есть дома. У каждого человека рядом должна быть жена.

– Мы венчаны, как же, грех великий...

– Поп не велел? Где он, поп? Где твой Бог? Ты видел его здесь? Медведя видел, соболя видел, лису видел, поп нет!

– Да, но... – затянул было Федот, но так и не нашелся, что сказать.

Но с этого времени он стал по-иному смотреть на Кульдуку, все чаще замечая ее манящий взгляд.

И однажды случилось то, что непременно должно было случиться между двумя молодыми и одинокими людьми противоположного пола. Первое время Федот стеснялся родителей Кульдуки, но, видя, как они и девушка повеселели, стал чувствовать себя более свободно и раскованно.

Однажды весной, когда солнце окончательно растопило сугробы даже в распадках и повылезала свежая трава, Федот решил навестить Авдея, ощущая к нему благодарность за спасение. Он уже достаточно хорошо ориентировался в тайге и собирался пойти один, но Кульдука и ее родители настояли на том, чтобы девушка пошла вместе с ним. Кульдука

хорошо разбиралась в лечебных травах, а старик был слишком стар и помощь ему могла понадобиться.

Еще издали на подходе к избушке они почувствовали какую-то запущенность у дома, – возле двери бурно поднимались сорняки, еловые лапы с крыши сползли, обнажив криво положенные доски...

Старик был еще жив, но силы, кажется, покидали его. Оказалось, что он уже три дня ничего не ел и почти не пил, – подняться не было сил.

Федот по приказу Кульдуки принялся быстро растапливать печурку и кипятить воду, а девушка тем временем с ложечки поила старика. Когда к котелке сварился принесенный Федотом и Кульдукой рябчик, Авдея напоили бульоном. Это придало ему сил, и он, глядя на молодых, тихо спросил:

– Вижу, живете, как муж и жена...

Кульдука прижалась к Федоту, а тот опустил глаза, не смея взглянуть на старика.

– Да ты не смущайся, – проговорил он Федоту. – Недаром в Писании сказано: «Плодитесь и размножайтесь».

Благодаря усилиям Федота и в особенности Кульдуки, дед даже слегка порозовел и смотрел уже не таким опустошенным взглядом, как вначале.

Утром следующего дня, едва поднявшись, Кульдука первым делом подошла к старику и замерла...

– Что? – встревоженно спросил Федот.

Та, ни слова не говоря, укрыла лицо старика медвежьей полостью, служившей деду одеялом.

Похоронили Авдея рядом с могилкой любимой его Марфиньки, украсив могилки таежными цветами.

– Может быть, останемся здесь жить, в дедовой избушке? – спросил Федот невенчанную жену.

– Вот рожу ребеночка, тогда и переедем, – ответила она, поглаживая уже хорошо пополнившийся живот...

Последний федави

Ныне, в год одна тысяча двести двадцать четвертый от Рождества Христова, когда минуло двадцать пять лет со времени событий, о которых я хочу поведать потомкам, пришло радостное известие, что в своем логове умер свирепый зверь, более тридцати лет наводивший ужас на весь Восток. Мусульмане называли его демоном во плоти, а его слуг «стрелами шайтана». Хасан ас-Саббах сгинул в преисподней!

Ирина Измайлова. «Кинжал обреченных»

Обманутые юноши, называемые федави (или фидаины) становились послушным оружием в руках коварного Старца. Повиновение их доходило до полного самоотречения. Пренебрегая усталостью, опасностями и пытками, они с радостью отдавали во имя шейха даже жизнь, если тот поручал им исполнить очередной смертный приговор.

Инга Сухова. «Гибель черного ордена»

Загоршино – село среднее, по меркам наших мест, всего-то дворов сорок, и принадлежало оно князю Даниле Шкурятю, человеку незлобливому, но хозяйственному. Нам неплохо под ним жилось, – и скотина какая-никакая у каждого водилась, и избы справные, да и народ здоровый подобрался, трудолюбивый. И подати вовремя платили, и себя не забывали.

Нет, грех было жаловаться на князюшку. Бывало, сам по избам пройдет вместе с княгинюшкой в праздник великий и уж непременно расспросит о нуждах, позволит лишнего соломы оставить, чтобы крышу подновить, а княгиня непременно ребятишек одарит – кого пряником мятным, кого коржиком. Хотя и невелик подарок, а детям в радость и родителям в удовольствие.

Одну только хату, стоявшую поодаль от других, почти у самой опушки леса, княгиня не решалась посещать. Она с ребятенками да с прислугой возвращалась в княжий терем, а князь один шел туда, но обычно задерживался недолго и возвращался домой.

Я-то, помнится, еще ребятенком был. Тятя рассказывал, что там живет пришлый откуда-то издалека, ну, князь и принял его под свою руку. Это был человек не нашей породы – смуглый, чернявый, и глаза смотрят так, что невольно оторопь берет. Сам по себе высокий, стройный, нос горбинкой. Он слегка прихрамывал на правую ногу, но ходил без батога. Говорил, коверкая наши слова, но со временем обвык и вроде как научился балакать довольно свободно. Правда, на разговор его вызвать было невозможно, да и мужики наши не особенно к нему благоволили – побаивались. Чувствовались в нем какая-то скрытая силища и затаенная угрюмость.

Как бы то ни было, люди постепенно привыкли к его бирючьему виду, – ну, живет, никому не мешает, да и Бог с ним! Хату себе выстроил с позволения князя, обитал в ней в одиночестве, только летом к нему водили княжеских отпрысков в сопровождении ратника Ефимия. Поговаривали, что он их какому-то особенному воинскому искусству обучает. Не знаю, правда это или нет, врать не стану.

Так и шло все своим чередом, пока не случилось в нашем доме несчастье. Гришаня, муж моей сестры Глаши, зимой рыбалил на озере, да и угодил в прорубь. Вытащить-то его вытащили, да только недолго он промучился. Мороз-от был злочий, зачоченел мужик, пока его до теплой хаты волокли. Сколь его ни отпаивала местная знахарка Меланья, сколь ни

парили в бане, ни отпаивали медами, мужик быстро высох до ужаста, а к весне отмучился, похоронили его.

Глаха-то, понятное дело, поревела, поревела, да делать нечего, осталась у нас с малюткой девчушкой на руках. Правда, ближе к Святкам князь отдал сестру тому бирюку, – тут уж не спрашивают: князь повелел, и пошла, забрав малютку.

Любил я старшую сестренку, хотя она и была взрослее меня на восемь годков. Да и к несмышленной дочке ее, племяшке моей, привязался. После того как она ушла из дома, сучали мы по ним, да и она частенько забегала в гости, то вроде как за солью, то за дрожжами. Приглашала в гости и нас к себе, да только тятя с матушкой все не решались гостевать – побаивались, что ли...

А мне, вертопраху ветренному, было все нипочем. Нет, первые-то разы приходил с опаской, ясное дело, но потом пообвык и стал все чаще захаживать.

Как-то летом я забрел к ним. Глаша занималась стряпней, малышка спала, а Ахмед – мужа Глашиного так звали – копался в хлеву. От нечего делать я решил выстрогать племяшке куклу. Нашел чурку сосновую, покрутился в поисках ножа, увидел на подоконнике кривой нож с удобной рукояткой, острый до невозможности, сел на порожек и начал строгать.

Я настолько увлекся работой, что не заметил, как подошел Ахмед, грубо схватил меня за руку, державшую нож, и вырвал его. Как-то зловеще сверкнув глазами, он грубо крикнул: – Нэ бэри никогда! Никогда!

Я так перепугался, что тут же сиганул домой и целую неделю не ходил к ним. И только когда Глаша, придя к нам за чем-то, спросила меня:

– Ты что к нам не приходишь? Ахмед спрашивал, не заболел ли ты? – я стал снова ходить к ним в гости.

Потом Глаша родила еще одну девочку, а через год и еще одну.

Ахмед хорошо относился к ним, не выделяя родных от приемной дочери. Но, видимо, желание иметь сына сидело у него где-то внутри, и, возможно, по этой причине, он стал все чаще и чаще привечать и заниматься со мной, то показывая какие-то приемы борьбы, то обучая меня метать ножи, дротики, топоры... Сам он делал это необыкновенно ловко. Однажды он попросил меня принести жердочку из тех, что были прислонены к тыну.

– Которую? – спросил я.

Ни слова не говоря, он махнул рукой, и его кривой нож со свистом пролетел возле меня, с силой вонзившись в одну из жердей.

– Эту, – буркнул он.

Я поразился силе и меткости броска, – расстояние было немалым, да и при малейшей неточности нож скользнул бы по круглой нетолстой лесине и упал бы на землю.

Слух о моих успехах в боевом учении и умении ловко обращаться со всеми видами оружия дошел до князя, и он пожелал лично убедиться в этом. В один из дней он с тремя своими ратниками подъехал к избе Ахмеда, где во дворе мы как раз проводили бой на деревянных мечах.

Князь некоторое время молча смотрел на нас из-за плетня, затем спешил и перемахнул через плетень. Потом позвал одного из ратников и приказал ему сразиться со мной.

Ратник, с которым мне предстояло сразиться, был на голову выше меня, да и весил пуда на два больше. Князь приказал ему снять шлем и доспехи, оставив его в одной нательной рубахе. Но и раздетый он выглядел устрашающе в сравнении со мной – шестнадцатигодовалым отроком.

Мы взяли щиты и деревянные мечи, и бой начался.

Я твердо запомнил заповедь Ахмеда – не бросаться в бой, сломя голову, а если отсутствует момент неожиданного нападения на противника, спровоцировать его на первый удар,

чтобы в момент замаха использовать краткий миг и прямым тычком острия меча или кинжала встретить кисть его руки, державшей меч.

Мой противник Ефимий, любимый боец князя, был опытным воем и не спешил нападать, присматриваясь не столько ко мне, как к моим ногам. Вдруг он быстро сделал полшага ко мне и почти без замаха махнул мечом параллельно земле, словно отгоняя меня, как муху.

Я едва успел прикрыться щитом и невольно отшатнулся назад. А меч Ефимия, не доходя до нижней точки, резко развернулся и пошел вдоль земли, стремясь задеть мои ноги. Я едва успел подпрыгнуть, пропуская меч под собой, а тот уже летел в обратном направлении, словно Ефимий не сражался, а косил траву. Новый прыжок спас меня от удара.

Князь и его ратники внимательно следили за боем и, увидев мои прыжки, засмеялись. Кровь бросилась мне в лицо, но я вспомнил слова Ахмеда: «Потеряешь контроль над своими чувствами – проиграешь!»

В тот момент, когда Ефимий заносил над головой меч для рубящего удара, я обозначил свой удар, целясь сбоку в его бедро. Противник дернул щит вниз, защищаясь от моего выпада, в этот момент я резко прыгнул вперед и ударил его щитом в лицо, разбив ему нос.

Ефимий удивленно вскинул брови и глянул на меня, явно не ожидая такой прыти от малыша. Он отступил на пару шагов, держа перед собой меч и не давая мне приблизиться к себе.

Быстрота и ловкость были явно на моей стороне, и он прекрасно это понял, соображая, что драться придется по-серьезному и одной силой здесь ничего не сделаешь.

Некоторое время своими длинными руками с мечом он держал меня на расстоянии, выбирая момент для атаки. В то время как он наносил рубящий продольный удар, а рука была на ползамахе, я резко шагнул к нему и со всей силой ударил мечом по кисти руки, державшей меч. Он успел лишь слегка толкнуть меня в плечо своим щитом, но я устоял на ногах.

Меч выпал из его руки, и он оказался обезоруженным. Ефимий непонимающе смотрел то на упавший меч, то на меня, не понимая, как это произошло.

Князь засмеялся и хлопнул в ладоши, старался прекратить бой. Смущенный Ефимий стоял, потирая ушибленную руку, и не смотрел ни на кого. Я оглянулся на Ахмеда, ожидая его похвалы, но он стоял с непроницаемым видом, словно не ожидал другого исхода.

Князь встал со скамеечки, заботливо поданной ему Глашей перед боем, и подошел к нам, жестом позвав Ахмеда.

– Соседский князь упредил меня, что за Волгой оживились татарове, – сказал он. – Не иначе как что-то замышляют. Нам надо готовиться. Посему ты, Ахмед, с завтрашнего дня начнешь обучать мужиков тому, что умеешь, а ты, отрок, – повернулся он ко мне, – займешься своими сверстниками. Ковалю я прикажу делать оружие и дам ему в помощь людей.

– Много ли их? – спросил Ахмед, имея в виду татар.

– Говорят, за рекой ставят юрты, и их число с каждым днем возрастает. Видать, не миновать беды...

Собрав всех наших и из соседних деревень мужиков и отроков, мы с Ахмедом начали обучать их воинскому искусству. Но руки, привыкшие держать ручки рала и косы, плохо держали непривычные для них деревянные мечи и щиты. Дело двигалось медленно.

Князь, наблюдавший эти мучения, только качал головой и, посмотрев на нашу возню, отворачивался и уходил к себе в терем.

Так прошло три недели, когда к нам прискакал человек от соседей и рассказал, что татарове переправились через Волгу и идут в нашу сторону. Они уже разорили и сожгли несколько селений, неся разруху и смерть.

Мы продолжали обучать мужиков искусству боя, а тут новая беда – коваль известил князя, что кончилось железо и мечи ковать не из чего. И всего-то мечей получилось меньше двух десятков.

Через несколько дней князь собрал своих ратников, пригласив на этот сбор и меня с Ахмедом. В этом сборище людей перед княжым теремом оказался какой-то чужой человек, явно взволнованный и постоянно озирающийся по сторонам.

Князь, стоя на крыльце, обратился к нам:

– Этот человек прискакал от соседей. Ему велено передать нам, что татарове уже на подходе к ним и их великое множество. Соседи просят нашей помощи. Как много их? – спросил он посланца.

– Тьма великая. Беда, князь, не справиться нам одним.

– Перед тобой едва ли не все мое войско. Можем ли мы выстоять вместе с вами? – снова обратился он к приезжему.

Тот ничего не ответил, а только опустил глаза в землю.

– Не сможем, – заключил князь. – Значит, только погибнут и ваши, и наши, а победы нам не видать.

– Но и вы одни не выстоите! – почти прокричал чужак.

– Не выдюжим, – согласился с ним князь. – Вяжемся в драку, людей положим. А как жить дальше? Молчишь? – тихо проговорил он, отвернувшись от посланника.

– Что, братья, думаете? – обратился теперь к своим.

Толпа молчала. Люди стояли, опустив головы. Через некоторое время раздался негромкий голос Ахмеда:

– Дозволь сказать, князь.

– Говори, Ахмед.

– Я знаю, стэпняки – люди бэз жалости. Они, как саранча. После сэбя оставляют пустыню. Такой малый войск, как у тэбя, они смахнут и нэ замэтят. Всэ уничтожат.

– Что же ты предлагаешь? – нетерпеливо и раздраженно спросил князь.

– Уйти в лэс с жэнщинами, дэтými, скотом, забрать все добро. Там татары нэ смогут нападать стаэй. Людэй спасом, сами живы будэм...

– Они сожгут избы, амбары, – крикнул кто-то из толпы.

– Лэс многа, людэй сохраним, патом пастроим...

– Хорошо, расходитесь, – заключил князь. – Я подумаю.

И, уже обращаясь к посланцу, сказал:

– Извинись за меня перед своим князем. Невелика наша помощь, да только проку от нее никакого.

Народ молча разошелся по своим избам, говорить было не о чем. Только Ахмед по приказу князя пошел за ним в покои.

Через день князь снова собрал людей возле своего терема.

– В девяти верстах отсюда есть поляна с озерцом. Немедля начинайте переводить туда семьи и скот, рыть землянки. Да не торите дорогу толпой, идите порознь, разными путями.

Услышав про такой наказ, бабы и детишки подняли было вой, но мужики пресекли их стенания:

– Будя ныть, время зря терять. Жизни спасаем. Берите все необходимое, включая и зимнюю рухлядь. Кто знает, сколько придется отсиживаться?

Вскорости к лесу потянулись нагруженные добром люди и лошади, гоня впереди себя скотину. Телеги князь велел оставить на месте, чтобы не оставлять следов от колес.

Сразу по приходе на место бабы с детьми принялись рыть землянки, а мужиков угнали за две версты сооружать круговой завал из поваленных деревьев.

Поздно вечером, когда мы вечеряли, я спросил Ахмеда:

– Зачем мы все это делаем?

– Татар привык воевать на конэ, а в лесу так нилзя. Они хорошо стрэляют из лука, а в лэсу это бэсполэзна. Завалы останоят их, а нам даст защита. Потом, нашэ сэлэниэ нэболшой, зачэм им останавливаться и искат нас, когда впэрэди эст болшой город, гдэ многа добыча.

– Но они сожгут дома, постройки...

– Злыэ, навэрна, сожгут. Ничэго, останэмся цэлый, рука эст, построим новый.

– А как татары обратно пойдут, снова бежать?

– Зачэм торопится? Подождом, пока уйдут свой стэп. Они живут набэгами.

– А если они не скоро уйдут? Чем кормиться будем, – поля-то брошены.

– Здэс пахат будэм. Лэс трава многа, скот прокормит.

Через несколько дней мы закончили сооружать завалы, землянки были выкопаны, укрыты сверху бревенчатым настилом, поверх которого уложили пласты дерна. В центре «подземной деревни» поставили небольшой рубленый дом для князя и его семейства.

Было раннее утро, когда в наш лагерь прискакал дозорный и рассказал, что татары побили соседнего князя, многих людей поубивали, а селения сожгли. При этом они не разбирали, кто перед ними – старики ли, дети. Здоровых мужчин и подростков пленили, молодых женщин насиловали прямо там, где поймали. Причем на одну молодуху набрасывалось сразу несколько человек.

Эти вести были встречены молчанием, только лица мужчин побелели, а матери судорожно прижимали детей к себе.

– У тэбя порты нэ мокрый от страха? – неожиданно раздался голос Ахмеда.

– Сам бы увидел, что они сделали, тогда и я бы посмотрел на твои порты, – огрызнулся дозорный.

– Лучше нэ смотрэт, а нюхат, – ответил Ахмед, но князь остановил перепалку.

– Как далеко татарове? – спросил он.

– Уже завтрева могут двинуться в путь и через день-два будут в наших краях.

– Тогда не будем терять времени. Трое пусть отправятся на опушку леса и следят за дорогой. Как только появятся их разведчики, пусть один из вас проследит, куда они направятся и что будут делать. Оставшиеся двое – продолжайте наблюдение. Если увидите основные силы – возвращайтесь, не мешкая. Остальным проверить оружие и рассыпаться вдоль завала. Да затаитесь там, не подставляйте башки под татарские стрелы.

Какая-то из женщин завывала было, но тут же замолкла, наткнувшись на осуждающие взгляды соседок.

– Без нужды из землянок не высовываться, по верху не бродить, – строго наказал князь. – И тихо там! Костры только небольшие и по ночам...

Этот день прошел в тревожном ожидании. Над лагерем стояла тишина, даже животные, казалось, ощущали тревогу. А на третий день прискакал еще один из дозорных и доложил, что в сторону их села движется передовой отряд человек в пятьдесят, все верхами.

Князь, собрав мужиков и ратников, распорядился:

– С сего дня все к завалам. Будем дежурить там денно и ночью. Еду пусть приносят бабы и ребятишки. Костров не разводите. Да не высовывайтесь понапрасну, – татары враз стрелой достанут. А нас и без того мало.

Я попал в отряд, укрывшийся за деревьями со стороны нашего селения. Командовать нами был назначен Ахмед.

Утром следующего дня прискакали оба дозорных, следившие за продвижением татар. Тот, что наблюдал за соседями, сообщил, что основные силы врага снялись с места и двинулись в сторону нашего селения. Дозорный, следивший за передовым отрядом, поведал,

что татарове пометались по Загоршину, видимо, удивленные безлюдьем, а потом отослали троих к основным силам, скорее всего, для того, чтобы сообщить им об обстановке.

Ахмед подозвал меня и сказал:

– Иди в сэлү, смотри. Когда идут наш сторона, бэги суда.

Я потянулся было за мечом и щитом, но он остановил меня.

– Нэт, только нож, глаз и ноги.

Я пролез через завал и осторожно, скрываясь за кустами и деревьями, направился к Загоршину.

На опушке леса, выбрав подходящую высокую сосну, забрался на нее как можно выше и, пристроившись там, стал наблюдать.

Основная масса татар уже втянулась в село, но, к моему удивлению, шатры не стали разбивать. «Стало быть, решили не задерживаться здесь надолго», – подумал я.

Перед избами разводили костры из дров, заготовленных нами на зиму. То тут, то там свежевали туши баранов...

Татары уже заполонили все село, и поэтому вновь прибывшие занимали места на окраине и дальше, в полях, топча всходы ржи и скармливая их лошадям. Ясно было, что в это лето мы останемся без урожая.

Многие татары лазили по амбарам, что-то таща из них и злобно ругаясь. Понятное дело, что они ожидали взять большую добычу, но все самое ценное, особенно зерно, мы унесли в лес.

Несколько человек бродило вокруг села, пытаясь отыскать следы нашего отхода. Вот тут я понял мудрость нашего князя, запретившего брать телеги и рассыпаться во время отхода. За прошедшие несколько дней, что мы ушли, трава поднялась и определить общее направление ухода было крайне сложно.

Ранним утром следующего дня семь всадников направились в сторону леса, явно намереваясь отыскать хоть какие-то следы в лесу и обнаружить спрятавшихся жителей.

Не дожидаясь, когда они углубятся в лес, я быстро спустился вниз и направился в сторону своих.

Ближе к полудню мы увидели их. Они двигались кучно, постоянно оглядываясь по сторонам.

Приблизившись к завалу, они остановились и о чем-то стали переговариваться между собой. Затем шестеро из них спешили и отдали поводья седьмому. А сами стояли возле завала, вглядываясь вглубь леса. Но, не увидев опасности для себя, стали перелезать через завал.

Ахмед жестом подозвал меня и также жестами приказал обойти татар стороной и убраться коновода, оставшегося в одиночестве.

Татары двигались медленно, постоянно осматриваясь и держа сабли наготове.

Я не знаю, что происходило за завалом. В это время я тихо крался по родному лесу и обошел татарина с подветренной стороны, чтобы лошади не учуяли меня раньше времени.

Но чуткие кони все равно учуяли меня и стали прятать ушами и фыркать. Татарин, увидев беспокойство животных, стал оглядываться и вытащил саблю, держа ее наготове.

Звук боя отвлек его внимание, и он стал вглядываться в ту сторону, пытаясь понять, что там происходит. Именно в этот момент я выскочил из укрытия, вспрыгнул на круп его коня и с силой вонзил нож к шее пониже правого уха. Он даже не пискнул и стал заваливаться набок.

Привязав коней к ближайшему дереву, я одолел завал и, крадучись, пошел на звук боя, держась чуть в стороне.

То, что я увидел, ужаснуло меня. Татары лежали кто с разрубленными топорами головами, кто заколот мечами, а над ними уже кружились невесть откуда-то взявшиеся жирные

мухи. Но и наших полегло четверо, а еще трое сидели, прислонившись к деревьям и прикрывая раны руками. И вдруг я увидел Ахмеда. Он лежал на татарине, все еще держа в руке свой знаменитый кривой нож, воткнутый в грудь врага. Но самое страшное было то, что в спине его торчала татарская стрела.

– Ахмед! – с криком отчаяния я подбежал к нему. – Ахмед!

Неожиданно он слегка пошевелился и прохрипел:

– Зячэм кричишь? Памаги встать...

С помощью Фрола мы подняли его и прислонили к сосне. Из рта его сочилась струйка крови.

– Забэрритэ их кони, мертвых закопат. Следит... – еле слышно пробормотал он и потерял сознание.

Проделав в завале проход, мы ввели внутрь упирающихся татарских коней. На звуки боя к нам уже прибежала подмога во главе с князем. Увидев поле битвы, князь спросил кого-то:

– Кто-то из татар успел уйти?

– Никто не ушел, все здесь, – ответили ему. – Один коновод за завалом – Митька его завалил.

Князь одобрительно посмотрел на меня, а потом распорядился:

– Татар закопать здесь, прикрыть хворостом, чтоб никаких следов. Наших – в лагерь, там похороним. Раненых – к Фомушке, пусть лечит, как может.

Мы бережно перенесли раненых и убитых в лагерь, откуда тут же послышался вой осиротевших баб и ребятишек.

Для каждого раненого быстро соорудили шалаши. «Негоже им лежать в затхлой землянке, – объяснил Фомушка, деревенский знахарь, лечивший травами и какими-то изготовленными им мазями. – Хворым воздух нужен».

Ахмеда положили на толстый слой лапника и укрыли овчинным полушубком. Фомушка возился возле него, выгнав всех из шалаша. Глаша стояла возле и словно окаменела, а ее дочки прижались к матери и тихо поскуливали. Прибежавшие тятя с маманей гладили девчушек по головам, маманя постоянно повторяла:

– Ты поплачь, поплачь, дочка, легче станет...

– Чего загодя реветь, – одергивал ее тятя. – Чай не над покойником. Даст Бог, все образуется...

Сам же при этом постоянно хлюпал носом, словно простудился в летнюю пору.

Вскоре, пятась задом, из шалаша вылез Фомушка.

– Уснул он, – не глядя ни на кого, проговорил он. – Не тревожьте его.

– Можно я с ним посижу? – робко спросила Глаша.

– Только одна. Воздух ему нужен.

Мы расположились возле шалаша, а Глаша вошла внутрь, устроившись возле мужа.

На следующий день Фомушка осмотрел раненого и, когда вылез, сказал мне:

– Иди, тебя зовет.

Я несмело пролез в шалаш и стоял, согнувшись, не зная, что делать. Слабым жестом Ахмед показал на место возле себя.

– Конэц, Митка. Аллах зовет. Нэ хочу уходить с тайна свой. Тэбэ скажу, потом Глаша пэрэдашь.

Он попросил воды и, отпив из баклажки, начал исповедоваться.

Окончив рассказ, он еще раз попросил напиться и велел привести Глашу с детьми.

Оставшись со стариками, я молча сидел, обхватив голову руками, а на вопрос тяти: «Как он?» – не сдержался и заплакал.

Похоронили Ахмеда на берегу озера, устлав могилку еловыми лапами. Из лесины я выстругал идола и врыл его в изголовье чужого, но такого близкого человека.

На следующий день прибежали наши дозорные и радостно возвестили, что татары полностью ушли из Загоршина. Последний отряд задержался на некоторое время, поглядывая в сторону леса, но их начальник крикнул что-то гортанным голосом, и они повернули лошадей, направляясь за остальным отрядом.

И только после этого князь с ратниками пошли в сторону села, чтобы уточнить обстановку.

Загоршино горело, полыхали все постройки и даже плетни. Князь разослал верховых осмотреть поля и определиться. Сколько посевов сохранилось. Большая часть будущего урожая была окончательно потеряна.

Князь снова собрал ближних к себе людей, пригласив и меня.

— Если татары сожгли село, значит, они не собираются возвращаться прежним путем, — стал рассуждать он. — Но это только предположение. Посему велю: остатки посевов беречь как зеницу ока. Бабам и детям — собирать грибы и засаливать их. Лучшие охотники — заготавливать мясо дичины — вялить и солить. Часть мужиков — косить траву и заготавливать как можно больше сена на зиму. Остальные мужики — рубить деревья и ставить срубы. Поставить дома до заморозков не успеем, зимовать придется в землянках. Ближе к весне перетащим срубы и восстановим избы.

Работы было так много, что мужикам и бабам некогда было отдыхать. Да и ребятишкам было недосуг — собирали и сушили ягоды и грибы, ворошили сено, присматривали за малолетними братишками и сестренками.

С каждым днем было заметно, как наращивались венцы срубов, а сама поляна приобретала вид обжитого селения. Деревьев вокруг нее становилось все меньше, пни выжигались, и однажды люди поняли, что нет смысла возвращаться в прежнее селение. Не имело смысла перетаскивать срубы и ставить их на пепелище. Как-то само собой вышло, что на новом месте есть и расчищенное поле под посевы, рядом озеро, полное рыбы...

Некоторые из селян еще пытались найти что-то на пепелище, но это было бесполезное занятие. Оказалось, что не осталось ни одной телеги — их забрали татары, впрягая в них гужевых лошадей и верблюдов.

Осенью собрали урожай с оставшихся нетронутыми частей засеянного весной клина, обмолотили и ссыпали в общий амбар. Убрали и лен, что выращивали на поляне, отделенной от села купами деревьев. Когда выпал первый снег, настало время тереть лен и сучить из него пряжу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.